

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 3 (51)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент,
заместитель председателя проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
главный редактор
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
заместитель главного редактора
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, США, Вирджиния, Александрия
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Гагкуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы
- Иванов А. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Самара

- Копелев Д. Н.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Мальшева О. Г.** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Матвеев Г. Ф.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Михайловский Ф. А.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова МПГУ, Россия, Москва
- Николаев А. Б.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Орлов С. В.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Пазин Р. В.** кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Россия, Москва
- Рокки Э. К.** магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.** кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ, Россия, Москва
- Сорокин А. А.** кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ, Россия, Москва
- Токарева Е. А.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Черникова Т. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Фаизова И. В.* Утверждение на российском престоле Екатерины II и пиар-кампания 1762–1763 гг. 6
- Васильев Д. В.* Российско-хивинские отношения после похода генерала В. Перовского и планы Российской империи по закреплению на восточном берегу Каспийского моря. 1840–1864 гг. 22
- Асанова С. А.* Полезные ископаемые Туркестанского края на службе империи: идеи и практика конца XIX в. 38
- Мазаев Н. А., Васильев Д. В.* Проблемы железнодорожных перевозок хлопка в Российской империи в начале XX в. 49
- Баринова Е. П.* Саратовский дворянин Н. А. Павлов в общественной жизни России начала XX в. 61
- Кириянов И. К.* Обращение к истории в отечественных парламентских дебатах периода Первой мировой войны. 73
- Гавроева Е. С.* «Конституционная декларация» М. В. Родзянко: к вопросу о речи председателя IV Государственной думы 15 ноября 1912 г. 84

Новейшая история России

- Чемакин А. А.* Между демократизмом и сословностью: «Положение о выборах в Кубанскую законодательную раду (1919–1920 гг.)» ... 94
- Пихоя Р. Г.* Советское общество: социальный портрет 108

Всеобщая история

- Почекаев Р. Ю.* Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Часть 2: Казахские ханы — вассалы Хивы 142
- Удербаетова С. К.* Ойраты в структуре международных отношений в Центральной Азии: современная историография проблемы 155

Дискуссии

- Россия перед вызовами XX века: пленарное заседание Всероссийской научно-практической конференции «Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики» (Москва, 29 марта 2023 г.) 170

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Исторические науки», 2023, № 3 (51)» 194

- Требования к оформлению статей 197

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Faizova I. V.* Approval of Cathrin II on the Russian throne and the PR campaign of 1762–1763 6
- Vasiliev D. V.* Russian-Khiva relations after the trip of 1839–1840 and plans of the Russian empire to establish an outpost on the Eastern Coast of the Caspian sea. 1840–1864 22
- Asanova S. A.* Minerals of the Turkestan territory in the service of the empire: ideas and practice of the end of the XIX century 38
- Mazaev N. A., Vasiliev D. V.* Problems of railway transportation of cotton in the Russian empire at the beginning of the twentieth century 49
- Barinova E. P.* Saratov nobleman N. A. Pavlov in the social life of Russia in the early XX century 61
- Kiryanov I. K.* Appeal to History in Russian parliamentary debates during the First world war 73
- Gavroeva E. S.* “Constitutional declaration” M. V. Rodzyanko: on the question of the speech of the Chairman of the IV State Duma on November 15, 1912 84

Modern History of Russia

- Chemakin A. A.* Between democratism and estate system: “The Law on elections to the Kuban legislative rada (1919–1920)” 94
- Pikhoya R. G.* Soviet society: a social portrait 108

General History

- Pochekaev R. Yu.* The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in XVIIIth – XIXth centuries. Pt. 2: Kazakh khans as vassals of Khiva 142
- Uderbaeva S. K.* Oirats in the structure of international relations in Central Asia: modern historiography of the problem 155

Discussions

- Plenary session “Russia facing the challenges of the 20th century” of the All-Russian scientific and practical conference “Three dimensions of the political history of Russia: ideology, politics, practices”. Moscow, March 29, 2023 170

Authors of the MCU of Historical Studies,

2023, № 3 (51) 194

Requirements for the Style of Articles 197

УДК 433

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.01

Фаизова Ирина Викторовна

кандидат исторических наук

Музеи Московского Кремля

Москва, Россия

faizovy@mail.ru; ORCID: 0009-0008-3142-5841

УТВЕРЖДЕНИЕ НА РОССИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ ЕКАТЕРИНЫ II И ПИАР-КАМПАНИЯ 1762–1763 гг.

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания и презентации официального образа Екатерины II в 1762–1763 гг. Тема ранее не изучалась исследователями, что и определяет ее актуальность.

Дворцовый переворот 28 июня 1762 г., в ходе которого законный император был свергнут и убит, а его супруга-иноземка пришла к власти, был неоднозначно воспринят современниками. Для удержания власти необходимо было обосновать неспособность Петра III править страной и создать такой образ Екатерины II, который убеждал бы подданных в ее исключительных личных качествах, позволивших преступить закон. Эти задачи решались в ходе политической пиар-кампании, развернувшейся в 1762–1763 гг.

Образ императрицы первоначально был разработан законодательно первыми указами новой власти и подавался на фоне негативных характеристик свергнутого императора. Государственный переворот против Петра III был объявлен героическим актом спасения государства. Императрицу провозгласили «Богом данной», «Героиней», «Спасительницей Отечества и православия», «Матерью Отечества». Ее символически включили в генеалогическое древо Романовых как «внуку» Петра I и «племянницу» Елизаветы Петровны. Подписанные императрицей документы повелевали титуловать ее Великой и Всемилощивейшей.

Образ Екатерины II тиражировала пресса, озвучивали профессора Академии наук и Московского университета во время торжественных заседаний; для жителей столиц он визуализировался во время зрелищных представлений. Его первая публичная презентация состоялась в Москве во время праздничных мероприятий по случаю коронации. Декорации триумфальных ворот, коронационный костюм императрицы, праздничные иллюминации и фейерверки воплощали ее официальный образ и обосновывали легитимность ее власти. Во время аллегорических представлений императрицу начали уподоблять античным богиням Минерве и Астрее.

Рассмотренные материалы позволяют заключить, что утверждение на российском престоле Екатерины II стало результатом не только успешного переворота, но и виртуозно проведенной пиар-кампании, в ходе которой супруга покойного императора для современников и потомков была превращена в героическую «Спасительницу России и православия» и «Великую Мать Отечества».

Ключевые слова: Екатерина II, Петр III, образ императрицы, пиар-кампания, коронация, иллюминации, фейерверки, маскарад.

UDC 433

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.01

Faizova Irina V.

Candidate of Historical Sciences

Moscow Kremlin Museums

Moscow, Russia

faizovy@mail.ru; ORCID: 0009-0008-3142-5841

APPROVAL OF CATHRIN II ON THE RUSSIAN THRONE AND THE PR CAMPAIGN OF 1762–1763

Abstract. The article discusses the process of development and presentation of the official image of Catherine II in 1762–1763. The topic has not been previously studied by researchers, this determines its relevance.

The coup d'état on June 28, 1762, during which the legitimate emperor was overthrown and killed, and his foreign wife came to power, was ambiguously perceived by contemporaries. To retain power, it was necessary to justify the inability of Peter III to rule the country and create such an image of Catherine II that would convince her subjects of her exceptional personal qualities, which allowed her to break the law. These tasks were solved during the political PR campaign that unfolded in 1762–1763.

The image of the empress was originally developed legislatively by the first decrees of the new government and was presented against the background of the negative characteristics of the deposed emperor. The coup d'état against Peter III was declared a heroic act of saving the state. The Empress was proclaimed “Given by God”, “Heroine”, “Savior of the Fatherland and Orthodoxy”, and also “Mother of the Fatherland”. She was symbolically included in the Romanov family tree as the “granddaughter” of Peter I and the “niece” of Elizabeth Petrovna. The documents signed by the Empress commanded to title her “Great” and “Mother of the Fatherland”.

The official image of Catherine II was replicated by the press, voiced by professors of the Academy of Sciences and Moscow University during ceremonial meetings, for residents of the capitals it was visualized during spectacular performances. Its first public presentation took place in Moscow during the celebrations on the occasion of the coronation. The scenery of the triumphal gates, the coronation costume of the Empress, festive illuminations and fireworks embodied her official image and substantiated the legitimacy of her power. During the allegorical performances, the empress began to be likened to the ancient goddesses Minerva and Astrea.

The reviewed materials make it possible to establish that the approval of Catherine II on the Russian throne was the result of not only a successful coup, but also a masterfully conducted PR campaign, during which the wife of the late emperor for contemporaries and descendants was turned into the heroic “Savior of Russia and Orthodoxy” and the “Great Mother of the Fatherland”.

Keywords: Catherine II, Peter III, image of the empress, PR campaign, coronation, illuminations, fireworks, masquerade.

Введение. Дворцовый переворот 28 июня 1762 г., в ходе которого законный император был свергнут и убит, а его супруга-иноземка пришла к власти, был неоднозначно воспринят современниками и не мог гарантировать заговорщикам полный успех. Для удержания власти следовало склонить на сторону императрицы общественное мнение полной посмертной дискредитацией Петра III и создать такой образ Екатерины II, который убеждал бы подданных в ее исключительных личных качествах, позволивших преступить закон. Эти задачи решались в ходе пиар-кампании, развернувшейся в 1762–1763 гг. Ее изучению посвящена настоящая работа.

Личности Екатерины II и ее правлению посвящено множество трудов. Однако выбранный нами аспект — создание ее имиджа после вступления на престол — еще не стал предметом специального изучения ни отечественных, ни зарубежных историков XIX–XXI вв.; затрагивались лишь отдельные стороны этой проблемы. Ричард С. Уортман рассмотрел придворные церемонии и празднества как значимый фактор в процессе утверждения и функционирования власти в императорской России, в том числе в первый год правления Екатерины II¹. Г. В. Ибнеева обратила внимание на значение титула «Мать Отечества» как легитимирующего власть императрицы, на проецирование этого образа не только на дворянство, но и на другие слои населения, на ее сакрализацию, на «проявление коллективного благоговения, соборного единения перед лицом венценосной особы» во время ожидания ее въезда в города во время путешествия². Н. В. Бессарабова подчеркнула большую роль политической рекламы в создании монаршего образа³. О. А. Котова затронула приемы формирования его образа идеальной государыни⁴. Анализу мифологических аллегорий императрицы в литературе, уподоблявших ее античным богиням, посвящена книга В. Ю. Проскуриной⁵. Важными для нашей работы представляются выводы А. А. Махотиной, показавшей, что декор триумфальных арок Москвы, оформленных к приезду Екатерины II, подчинялся единой программе и создавал образ «триумфатора-победителя»⁶. При всей значимости накопленных наблюдений в них не учитывалась концептуальная основа и первая публичная презентация образа, а это не позволяет составить о нем целостное представление. Задача данного исследования — выявить законодательную основу образа Екатерины II, его главные черты и реконструировать процесс его разработки и презентации подданным во время праздничных мероприятий 1762–1763 гг. Это определяет новизну и актуальность исследования.

Источники для изучения темы многочисленны и разнообразны. основополагающими документами стали императорские указы, в которых была сформулирована

¹ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 17, 18, 350–351.

² Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. Глава 7. Церемониал путешествий венценосной особы. М., 2009. С. 336–407.

³ Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М., 2014. С. 102–109.

⁴ Котова О. А. Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 74–94.

⁵ Проскурина В. Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

⁶ Махотина А. А. Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. С. 38–47.

концепция имиджа Екатерины II. Они рассылались по стране, доводились до сведения подданных чиновниками и духовенством, публиковались в «Московских ведомостях» и «Санкт-Петербургских ведомостях». Вторым важным комплексом материалов стали описания церемоний с изложением речей их участников из числа высших сановников, местных элит и духовенства, сохранившиеся в сообщениях камер-фурьерских журналов за 1762–1763 гг. и в прессе; публикации речей профессоров Академии наук и Московского университета, проповеди духовенства. Они раскрывают процесс усвоения и интерпретации представителями различных социальных групп официальной трактовки образа императрицы. Третья группа источников — описания зрелищных представлений, проходивших в Москве и Санкт-Петербурге, позволяющие понять формы визуализации официального образа. К их числу относится и сценарий⁷ маскарада «Торжествующая Минерва», замысел которого был непосредственно связан с задачами пропагандистской кампании. Образ императрицы воплощали дошедшие до нас вещественные памятники: предметы ее коронационного костюма — платье и корона; изобразительные материалы — медали А. Г. Вехтера; живописные портреты, скульптура и другие. Среди архивных источников в настоящей работе использовались документы Святейшего синода⁸ и Комиссии о коронации Екатерины II.

Ход и результаты исследования. Первые недели правления Екатерины II отмечены изданием указов, призванных успокоить подданных, склонить общественное мнение на сторону новой власти и создать благоприятный фон для презентации ее образа. Первого июля гвардейским полкам была возвращена прежняя форма⁹ и содержание на прежнем основании¹⁰. Пятого июля был учрежден элитный кавалергардский корпус¹¹ и по всей стране была снижена цена на соль на десять копеек за пуд¹², манифест 18 июля обещал бороться с процветавшим в стране лихоимством и мздоимством¹³, 12 августа был отменен манифест Петра III о секуляризации монастырских вотчин¹⁴.

Одновременно шла законодательная разработка имиджа императрицы в высочайших указах. Контуры образа были обозначены уже в первых манифестах 28 июня

⁷ «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, генваря дня». М., 1763.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Синод. Оп. 43. Д. 165, 179.

⁹ Указ 1 июля 1762 г. «О имени в полках мундиров, какие при государыне императрице Елизавете Петровне, были» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшиеся с благополучнейшего вступления ее императорского величества на всероссийский императорский престол, с 28 июля 1762 года по 1763 год. М., 1763. С. 5.

¹⁰ Указ 5 июля 1762 г. «О содержании лейб-гвардии полков на прежнем основании» // Там же. С. 11.

¹¹ Указ 5 июля 1762 г. «Об учреждении кавалергардского корпуса» // Там же. С. 38–41.

¹² Указ 5 июля 1762 г. «О сбавке с соли по 10 копеек с пуда» // Там же. С. 12; Московские ведомости. 1762. 23 июля. № 59.

¹³ Указ 18 июля «О лихоимстве» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 41–44; Российский государственный архив древних актов. (РГАДА). Ф. 248. Комиссия о коронации Екатерины II. Д. 7468. Л. 177.

¹⁴ Указ 12 августа 1762 г. «Об отдаче архиерейских и монастырских деревень по-прежнему в управление духовным» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 92–99; Московские ведомости. 1762. 10 сентября. № 73.

и 6 июля и подавались на фоне негативных характеристик свергнутого императора. Смена власти обосновывалась «непригодностью» Петра III к правлению страной и христианскими представлениями о Божественной природе власти¹⁵. По византийской традиции «императора обожествляли как божьего избранника, не было страшнее преступления, чем “оскорбление величества”. Но мятеж против него как личности, недостойной трона, не осуждался, если мятежники выходили победителями»¹⁶. В таком случае свержение монарха можно было расценивать с точки зрения «общего блага», теории хорошо известной в России со времен Петра I¹⁷.

Стержнем пропагандистской кампании стал тезис о завоевании императрицей престола как героическом акте спасения государства. Переворот 28 июня был объявлен героическим жертвенным подвигом ради любви к подданным и их избавления от «опасности, нависшей над страной». Императрица провозглашалась «Богом данной», «Героиней», «Спасительницей России и православия», окруженной «любовью... верноподданных и истинных сынов российских». Эти клише в дальнейшем вошли во многие указы¹⁸ и через прессу¹⁹ и духовенство проникали в сознание подданных. Действия же Петра III задачам общего блага и пользы не соответствовали. Проводимая им внутренняя и внешняя политика изображалась как не отвечающая интересам страны и противоречившая линии предшественников. Его обвинили в покушении на православие, намерении принять «иноверный закон», «ниспровержении» внутренних порядков, нарушении порядка престолонаследия (не провозгласил Павла Петровича наследником), пренебрежении законами и правосудием, «расточительстве государственных средств», ненависти к гвардии, заключении мира с Пруссией и намерении вести войну с Данией. Петр III объявлялся неспособным к правлению из-за своих личных качеств: «малости духа к правлению столь великой империей», «самовластию» и предпочтении угождать «своим страстям»²⁰. Несостоятельность большей части обвинений в последние годы была обоснована исследователями²¹.

Манифест 6 июля наметил еще одну важную грань образа Екатерины II — ее мифическую принадлежность к династии Романовых, что было важно для утверждения легитимности ее власти. Петр III как бы отделялся от своего рода через обвинение в будто бы враждебном отношении к родной тетке Елизавете Петровне

¹⁵ «...Ибо нет власти не от Бога» (Павел. «К римлянам». 13:1. [Матф. 29:18].); Манифест «О вступлении на престол императрицы Екатерины II» 6 июля 1762 г. // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 3–4.

¹⁶ *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М., 1974. С. 49–50.

¹⁷ См. об этом: *Ибнеева Г. В.* Указ. соч. С. 305–306.

¹⁸ См. например: О являющихся преступниках <Указ о заговоре Гурьевых – Хрущовых> 27 октября 1762 г. // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 137–140.

¹⁹ См., например: Московские ведомости. 1762. 23 июля. № 59.

²⁰ Обстоятельный манифест о восшествии Ее Императорского Величества на Всероссийский престол // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 14–23.

²¹ См., например: *Мыльников А. С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 133–136; *Сафонов М. М.* Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59; *Его же.* «Полк Его Высочества» // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37; *Фаузова И. В.* Коронационный маскарад 1763 г. — феномен политической сатиры // Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники: сб. статей в 2 кн. / отв. ред. И. А. Воронникова. Кн. 1. М., 2020. С. 347–388.

и стремлении «поручить» наследие и заветы великого деда. Екатерина Алексеевна, напротив, была представлена последним звеном правящей династии, почитательницей Елизаветы Петровны и преемницей дел Петра I. Ее «включили» в генеалогическое древо Романовых через объявление покойной императрицы ее «вселюбезнейшей теткой», а Петра I — ее «дедом»²². Указание на эти «родственные» связи вошло во многие последующие документы. Например, в указе «О военной дисциплине» Елизавета Петровна была названа ее теткой²³. В указе об отмене тайной канцелярии Петр I был назван ее дедом²⁴.

Мифология преемственности от законных правителей стала важным направлением конструирования образа Екатерины II, а в дальнейшем была соединена и с династией Рюриковичей через отливку ее колоколов из колоколов предшественников. В 1775 г. эта символика была воплощена сразу в двух колоколах. Один из них — «Лебедь» — был отлит из колокола великого князя Василия III 1532 г., который переливался из колокола его отца великого князя Ивана III 1503 г.²⁵ Второй колокол — «Медведь» — был перелит из благовестника царя Ивана Грозного, отлитого в Новгороде в 1571 г.²⁶

Другим примером развития этого мифа является хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) гравюра неизвестного автора XVIII в., на которой Екатерина II изображена в центре в окружении князя Владимира, осеняющего ее крестом, царя Ивана IV, возлагающего на ее голову корону, Петра Великого, передающего ей скипетр, и Елизаветы Петровны, подающей ей подзорную трубу²⁷. Таким образом, Екатерина II представлена преемницей не только Романовых, но и Рюриковичей.

Через четыре дня после переворота, 2 июля 1762 г., была опубликована «Форма о титулах»²⁸. Этот документ присвоил Екатерине II титулы «Великая» и «Всемиловитивейшая». Титул «Великая» необходимо было писать в докладах от Сената и коллегий, в челобитных и доношениях. Титул «Всемиловитивейшая» следовало указывать после титула «Великая» в челобитных и доношениях²⁹, он был включен в присягу³⁰ подданных и таким способом прочно вошел в их сознание. Принесение

²² Обстоятельный манифест о восшествии Ее Императорского Величества на Всероссийский престол. С. 14–23.

²³ Указ 22 сентября 1762 г. «О военной дисциплине» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 113; Московские ведомости. 1762. 28 сентября. № 78.

²⁴ Указ 19 октября 1762 г. «О уничтожении Тайной Канцелярии» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 130–136.

²⁵ Костина И. Д. Колокола XIV–XIX веков: каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2015. С. 130–133.

²⁶ Там же. С. 133–136.

²⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 4. № 736. Л. 1. Гравюра была введена в научный оборот Г. В. Ибнеевой (*Ибнеева Г. В.* Указ. соч. С. 392).

²⁸ Форма о титулах Ея Императорского Величества // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 5–7.

²⁹ Там же. С. 6, 7.

³⁰ Текст присяги Екатерине II: «Аз нижеименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Евангелием, в том, что хочу и должен Ее Императорскому Величеству, моей Всемиловитивейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, и Ее Императорского Величества Любезнейшему Сыну, Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному Всероссийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя

присяги началось в день переворота, продолжалось во время и после коронации. Присягать должны были все подданные: лица гражданские, военные и духовные³¹. Титул «Великая» присутствовал и в самом названии первого сборника указов Екатерины II, опубликованного в 1763 г.³² «Форма о титулах» была разослана по всей стране. По указу 8 июля 1762 г. сто экземпляров издания направили «к синодальным членам и прочим епархиальным архиереям, в ставропигиальные лавры и монастыри ко властям с братиею, также в московскую синодальную контору»³³. Титул «Великая» был включен в «возношения во всех церквях... высочайших имен» императрицы и наследника в церковных службах всех храмов. По епархиям были разосланы две тысячи специальных служебных форм титулования императрицы во всех священнослужениях³⁴.

Эффективным способом легитимизации новой власти стали создание образа Матери Отечества и акцентировка «матерней» заботы императрицы о подданных и ее «матернего милосердия». Петр I, изменивший порядок престолонаследия, «ввел в российскую политическую мысль новый критерий оценки личности самодержца, который своими деловыми качествами должен соответствовать роли повелителя великой страны»³⁵. С этим связан выработанный Феофаном Прокоповичем постулат о долге, обязанности монарха и его образцовой службе на троне. Это подвело базу под идею патернализма (монарха — отца отечества и народа)³⁶. Образ царя-труженика после Петра I стал эталоном для российских правителей. Екатерина II взяла его за образец. Служение общему благу подданных как Матери Отечества стало неотъемлемой частью ее имиджа. Вскоре после переворота образ заботливой и милосердной матери, которая самоотверженно служит Отечеству, стал появляться в императорских указах, в печати и постепенно проникал в общественное сознание. «*Матерним милосердием*» и «*матерним попечением*» были продиктованы указы о снижении цены на соль³⁷ и «О лихоимстве»³⁸. О своих трудах «с *Матерним попечением*» императрица заявила в манифесте о заговоре Гурьевых – Хрущовых, разосланном по всей империи³⁹ и опубликованном в прессе. «*Матерним милосердием*» диктовалась амнистия заключенным по случаю

живота своего до последней капли крови; в чем Господь Бог мне душевно и телесно да поможет. В заключении сей моей клятвы, целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь» (РГАДА. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 310. Л. 3; Присяга. Клятвенное обещание // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 4).

³¹ В документах Св. Синода сохранилось дело о рассылке манифестов 28 июня и 6 июля 1762 г. с текстом присяги и получении отчетной документации из всех епархий с подписями всех присягнувших священнослужителей (РГИА. Ф. 796. Синод. Оп. 43. Д. 179. Л. 1–5, 7–22, 38–47).

³² См. прим. 9.

³³ РГИА. Ф. 796. Синод. Оп. 43. Д. 165 «О короновании Екатерины II». Л. 7.

³⁴ Там же. Д. 179. Л. 6–6 об., 25–33, 34 об.– 37 об.

³⁵ *Андреева Л. А.* Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. С. 123.

³⁶ Там же.

³⁷ Указ 5 июля 1762 г. «О сбавке с соли по 10 копеек с пуда». С. 12.

³⁸ Указ 18 июля «О лихоимстве». С. 42–44; РГАДА. Ф. 248. Комиссия о коронации Екатерины II. Д. 7468. Л. 177.

³⁹ О являющихся преступниках <Указ о заговоре Гурьевых – Хрущовых> 27 октября 1762 г. С. 137–140.

коронации⁴⁰. В «Описании вшествия в Москву и коронования...» Екатерина II была титулована «Великой государыней» «Матерью и избавительницей Отечества»⁴¹.

Первая публичная презентация образа императрицы состоялась во время коронационных торжеств, начавшихся с приезда Екатерины II в Москву 9 сентября. 11 сентября в селе Петровском с благополучным прибытием ее поздравляло высшее духовенство, московская знать, генералитет, придворные и прибывшие из Малороссии войсковые старшины. Первенствующий член Священного синода новгородский архиепископ Дмитрий в своей речи озвучил узаконенные черты ее образа и величал императрицу «*Матерью и защитницей Отчества и благочестия*»⁴². Атаман Запорожского казачества назвал ее «*Богом данной*» «*благочестивейшей, великой государыней... Матерью Отечества Всемилостивейшей*»⁴³.

13 сентября «при неопisanном множестве народа и при неоднократной пальбе из пушек»⁴⁴ состоялось торжественное «вшествие» Екатерины II в первопрестольную. На ее пути по Тверской улице стояли вновь возведенные триумфальные ворота в Земляном городе (современная Триумфальная площадь) и в Белом городе (современная Пушкинская площадь); старые Воскресенские и Никольские ворота приобрели новое декоративное убранство⁴⁵. По сторонам первых ворот располагались церковь Дмитрия Солунского и Страстной монастырь⁴⁶, создававшие сакральное пространство над аркой. Вторые ворота соседствовали с храмом Благовещения Пресвятой Богородицы, их венчала пышная императорская корона⁴⁷. В художественном убранстве первых двух ворот присутствовали знамена, военная арматура и трофеи, символизируя въезд в Москву императрицы-победительницы⁴⁸. В декоре арок угадывались клише образа царицы: на всех воротах она была изображена «спасительницей народа, посланной Богом», «защитницей православия», исполненной любовью к народу и окруженной ответной любовью подданных к ней⁴⁹. В оформлении арок присутствовали негативные образы Петра III и его эпохи как времени упадка и невзгод, и знаки процветания наступивших времен⁵⁰. Православную составляющую имиджа царицы как Божьей избранницы включили в украшения всех арок, но особый акцент сделали на декоре парадных въездов в Кремль — Воскресенских и Никольских воротах. Центральную

⁴⁰ Указ 22 сентября 1762 г. «Об отпущении вин впадшим в разные преступления, и начетах, и казенных взысканиях» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 116–118.

⁴¹ Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в императорскую древнюю резиденцию, богоспасаемый град Москву, и освященнейшего коронования ее августейшего величества, всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы Екатерины Второй, самодержицы всероссийской, матери и избавительницы Отечества, еже происходило вшествие 13, коронование 22 сентября, 1762 года // Камер-фурьерский журнал 1762 года. № 63. СПб., 1763. С. 1.

⁴² Там же. С. 6–7.

⁴³ Там же. С. 8–9; Московские ведомости. 1762. 1 октября. № 79.

⁴⁴ Московские ведомости. 1762. 17 сентября. № 75.

⁴⁵ Махотина А. А. Указ. соч. С. 31.

⁴⁶ Там же. С. 32–34.

⁴⁷ Там же. С. 34.

⁴⁸ Там же. С. 42.

⁴⁹ Там же. С. 43–44, 46–47.

⁵⁰ Там же. С. 44, 47.

нишу Воскресенских ворот венчал вензель императрицы под короной⁵¹. Она была нарисована на них держащей за руку цесаревича Павла Петровича. Вседержитель одной рукой ее благословлял, а другой подавал скипетр. На внутренней стороне Никольских ворот со стороны Кремля было изображено миропомазание⁵².

Возле этих ворот Московский митрополит Тимофей приветствовал царицу как «благочестивейшую великую государыню», «российскую избавительницу» и «чадолюбивую мать»⁵³. Студенты Славяно-греко-латинской академии, выстроенные по обеим сторонам ворот, в белых одеяниях с венцами на головах и лавровыми ветвями в руках восславили ее как «избранницу Бога»⁵⁴.

Вечером того же дня перед зданием университета состоялась иллюминация. Обелиски с монограммами ее величества, портретом и парящей славой окружали пальмовые и лавровые ветви — символы победы и бессмертия. Аллегорические изображения на обелисках показывали царицу образцом благочестия и гарантом безопасности страны, а сходящая с небес Астрея с весами и рогом изобилия обещала наступление золотого века — времени справедливости и благополучия⁵⁵.

Апогеем триумфа Екатерины II стала коронация 22 сентября. Она проходила в Успенском соборе Кремля, где с середины XVI в. совершались все инаугурационные церемонии и благодать Святого Духа изливалась на российских правителей. Символический смысл церемонии был тщательно продуман. Образ императрицы воплотил главную идею первых манифестов о ее исключительной героической миссии как спасительницы России. Коронационное платье украшала аппликация из ста семидесяти двух гербов, шитых цветными шелками, блестками и золотыми нитями⁵⁶. «Множественное... повторение изображения государственного герба в коронационном платье позволило создать поистине триумфальный образ императорской власти. <...> Выйдя на Красное крыльцо утром в день коронации... императрица еще до совершения над ней таинства миропомазания предстала перед подданными в образе самой России»⁵⁷. Во время церемонии образ ее величества дополнили золотая парчовая мантия с горностаем, на которой сияли еще двести два герба, и корона, ставшая «самой богатой вещью в Европе»⁵⁸. Она была выполнена ювелиром И. Позье⁵⁹ в традиционной форме из двух ажурных полушаров — знака единства светской и духовной власти в руках монарха, — скрепленных венцом-обручем. «Снизу сетку полушарий охватывали пышные лавровые

⁵¹ Обстоятельное описание торжественных порядков... С. 35.

⁵² Там же. С. 44, 45.

⁵³ Там же. С. 24–25.

⁵⁴ Там же. С. 26–27.

⁵⁵ Описание иллюминации, представленной пред домом Императорского Московского Университета, для благополучного пришествия в Москву Ея Императорского Величества, Благочестивейшей, Великой Государыни Императрицы Ек-атерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской. 1762 году. [М.], [1762]. С. 3.

⁵⁶ Амелехина С. А. Церемониальный костюм российского императорского двора в собрании музеев Московского Кремля. М., 2016. С. 84; РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. Л. 18; Музеи Московского Кремля. Инв. № Тк-2893/1–3.

⁵⁷ Амелехина С. А. Указ. соч. С. 88.

⁵⁸ Позье И. Записки придворного бриллианщика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 год // Русская старина. 1870. Т. I. С. 136.

⁵⁹ Там же.

ветви — символ власти и славы... триумфатора», гирлянда из дубовых листьев и желудей между полушариями означала крепость и прочность власти⁶⁰. Созданный во время коронации образ воплощал триумф и славу персонифицировавшей Россию Екатерины II.

Процедура коронации включала вручение регалий и таинство миропомазания, во время которого на государя сходил Святой Дух и он приобретал дар общения с Богом⁶¹. Во время церемонии императрица приняла корону из рук архиепископа Дмитрия и сама возложила ее на голову⁶². Он же вручил ей скипетр и державу⁶³. В своей речи архиепископ подчеркнул Божественную природу ее власти, генеалогию связал с «*бого-венчанными предками*» и провозгласил «*благочестивейшей Великой государыней*»⁶⁴, публично обозначив от лица Святейшего синода новую грань ее образа.

Та же образная символика присутствовала на двух коронационных медалях и визуализировалась во время торжеств после коронации. На одной из них императрица выступала спасительницей православной веры и России: на лицевой стороне помещалось ее профильное погрудное изображение в короне и мантии, на оборотной — фигуры Веры и России в виде женщин, держащих щит с вензелем императрицы. Над ними парил Божий Промысел с императорской короной и скипетром в руках⁶⁵. На оборотной стороне другой медали Екатерина II была представлена принимающей корону от коленопреклоненной фигуры Петербурга, а на лицевой ее стороне она была изображена в образе торжествующей Минервы⁶⁶.

Метафорический смысл первой медали был раскрыт перед публикой вечером 22 сентября во время иллюминации возле здания университета. В центре был портрет Екатерины, попирающей поверженные символы войны и принимающей с небес корону. Фигура России вручала ей скипетр и получала от нее пальмовую ветвь как символ мира, который царица будто бы даровала подданным. Аллегии коммерции, земледелия, наук, художеств и изобилия подходили к портрету и образу России⁶⁷ в знак грядущего благополучия при легитимной императрице.

Образ Спасительницы тысячи зрителей увидели и во время большого фейерверка, состоявшегося вечером 29 сентября напротив Кремля на Царицыном лугу. В его описании переворот 28 июня был назван «великим приключением патриотического и мужественного восшествия на престол... *Всемилоостивейшей... Матери Отечества*». Сначала был показан упадок страны в правление Петра III. Аллегория России увидела страну «в унынии и оскорблении». Темное облако угрожало жестокою грозой. «Россия пришла в обморок, и наклонялась к падению. Всемогущий Бог

⁶⁰ Горева О. В. Алмазная сокровищница России. М., 2006. С. 23.

⁶¹ 1 Цар. 9:15; 10:1, 6–9.

⁶² Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия... С. 86.

⁶³ Там же. С. 87.

⁶⁴ Там же. С. 77–78; 86–87.

⁶⁵ Вехтер И. Г. (?) Медаль «В память коронования императрицы Екатерины II. 1762 г.». Государственный исторический музей (ГИМ), Отдел нумизматики 93328/КП-71542 // Екатерина Великая и Москва. Каталог выставки. М., 1997. С. 48–49.

⁶⁶ Вехтер И. Г. Медаль «На вступление на престол императрицы Екатерины II. 1762». ГИМ 93328 КП ОН 715428 // Екатерина II: путь к трону. Каталог выставки. М., 2012. С. 237.

⁶⁷ Штелин Я. Я. Описание аллегорической иллюминации, представленной во всерадостнейший день коронации ея императорскаго величества, Екатерины Вторья, самодержицы всероссийския, и пр., и пр., и пр. в Москве пред Университетским домом, 1762 году, сентября дня. [М.], 1762.

прогнал облако и послал избавление в лице императрицы, на вензель которой ниспослал корону. Россия ожила, новой будто жизнью озаренная»⁶⁸.

Одной из ключевых идей сценариев иллюминации и фейерверка был тезис о миротворческой миссии Екатерины, что стало еще одной важной характеристикой образа императрицы, якобы подарившей народу мир и связанные с этим блага. Однако в июле – сентябре 1762 г. Россия не вела военных действий и не заключала мирных договоров. Войну с Пруссией (1757–1762) завершил Петр III заключением сепаратного мира с Фридрихом II. Екатерина II не стала восстанавливать российское правление в Пруссии, подтвердила приказ о выводе с ее территории армии и мирный договор с Фридрихом II⁶⁹. В 1764 г., «спустя всего два года, когда пропагандистский шум в Петербурге утих, Екатерина подписала с тем же Фридрихом Прусским новый союзный договор, ряд статей которого... повторял пункты “предательского” договора Петра III»⁷⁰. Вопрос о войне с Данией, которую Петр III намеревался начать осенью 1762 г.⁷¹, с приходом к власти Екатерины II был снят с повестки дня. Но в указе 22 сентября «О военной дисциплине» императрица заявила, что после вступления на престол «того же часа... мы себе мир и тишину для сохранения рода человеческого в Отечестве нашем определили, а войску своему повелели вернуться в свои границы»⁷². Иными словами, заслугу прекращения войны она приписала себе. Такой вывод подтверждают и комментарии к описанию иллюминации 22 сентября: «Мир, который ныне предпочтен кровопролитной войне... будет надежнейшим средством к учинению подданных счастливыми»⁷³.

По случаю прошедшей коронации утром 3 октября в Московском университете состоялось публичное собрание ученых и любителей наук⁷⁴. Профессор ораторского искусства А. Барсов, озвучив узаконенные черты монаршего образа, расширил генеалогию императрицы и назвал Екатерину I ее «бабкой», а всех венчаных и коронованных российских правителей ее предками⁷⁵. Профессор истории Рейхель подчеркнул, что «науки приращение получают от покровительства и любви к ним государей»⁷⁶.

⁶⁸ Штелин Я. Я. Описание аллегорического изображения, в заключении великолепных торжеств, по совершении коронации ея величества Екатерины Вторья, императрицы и самодержицы всероссийския и проч. и проч. и проч., великим фейерверком представленного в императорской резиденции Москве, против Кремля, сентября 1762 года. М., [1762].

⁶⁹ Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии. Ч. 1. Калининград, 2001. С. 50.

⁷⁰ Мельников А. С. Указ. соч. С. 22.

⁷¹ Курукин И. В. «Горю желанием исполнить Всевысочайшее... соизволение...». Корпус П. А. Румянцева и несостоявшаяся война с Данией в 1762 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 59–64.

⁷² Указ 22 сентября 1762 г. «О военной дисциплине». С. 111–112; Московские ведомости 1763. 24 сентября. № 77. Прибавление.

⁷³ Штелин Я. Я. Описание аллегорической иллюминации...

⁷⁴ Московские ведомости. 1762. 4 октября. № 80.

⁷⁵ Барсов А. Слово, говоренное по совершении Высочайшего Коронования, Ея Всепресветлейшаго Величества Благодетельшии Великия Государыни, Екатерины Вторья, Императрицы и Самодержицы Всероссийския в публичном собрании императорскаго Московскаго Университета, Октября 3 дня 1762 году, профессором элоквенции Антоном Барсовым. М., 1762. С. 1–1 об., 2–2 об., 8–8 об.

⁷⁶ Московские ведомости. 1762. 4 октября. № 80.

Тезис развил и Г. Ф. Миллер на торжественном заседании в Академии наук 23 сентября⁷⁷. Екатерину II начали превозносить как покровительницу образования и просвещения⁷⁸. Эта же тема присутствовала и в описании иллюминации 22 сентября, где Екатерина II была представлена не только как православная царица и защитница православия, но и как языческая богиня Минерва. На одной из коронационных медалей она была изображена облаченной в доспехи Минервой.

Амбивалентный образ богини позволял видеть в ней и мудрого стратега войны, и покровительницу мирных занятий — наук, ремесел и искусств. Появление этой аллегии перед широкой публикой добавило новую, мифологическую грань к публичному образу императрицы и было напрямую связано с тезисом о ее «миротворчестве». В XVIII в. на фоне европеизации культуры наблюдалось противоестественное для православия соединение христианских и античных символов. Распространение мифологических знаний и уподобление монархов античным богам со времен Петра I стало частью государственной политики, направленной на европеизацию страны⁷⁹. «...Мифология становится чем-то вроде государственных регалий», или «гражданского культа императора»⁸⁰. Церковь, ставшая в ходе реформ частью вертикали власти, не только не осуждала этого, но, напротив, активно проводила в жизнь. Протест против мифологии мог восприниматься властью как противогосударственное деяние⁸¹. С богинями Минервой и Астреей сравнивали и предшественниц Екатерины II на российском престоле⁸². Великую княгиню Екатерину Алексеевну уподобляли богине мудрости еще в 1750-е гг.⁸³. После вступления на престол образ Минервы стал одной из важнейших ее аллегорий.

Второй античной аллегорией Екатерины II стала богиня справедливости Астрея. Ее образ был связан с мифом о золотом веке — земном рае, и явлении девы Астреи, спустившейся на землю, чтобы научить людей справедливости и закону, и последней из божеств покинувшей землю и вознесшейся на небо, когда с приходом железного века, царства зла, войн и пороков, люди забыли любовь и занялись грабежом⁸⁴. Вергилий в IV эклоге «Буколик» привел пророчество Сивиллы о скором наступлении золотого века, который принесет изобилие, добродетели, справедливость и закон⁸⁵, и связал с этим возвращение на землю Девы (Астреи) и рождение младенца —

⁷⁷ Торжество благополучно совершившагося в Москве коронования и миропомазания Благочестивейшия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския, отправленное Императорскою Академиею Наук в публичном собрании, Сентября 23 дня 1762 года. СПб., 1762.

⁷⁸ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 164.

⁷⁹ См. об этом: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV. XVIII – начало XIX века. М., 2000. С. 484–488.

⁸⁰ Там же. С. 481.

⁸¹ Там же.

⁸² Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 65–67; Уортман Р. С. Указ. соч. С. 122–128.

⁸³ Погосян Е. А. Момус и Превратный свет в маскарде «Торжествующая Минерва» // И время и место: Историко-филологический сборник к 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008. С. 55.

⁸⁴ Об этом см.: Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла. М., 2001; Овидий Назон Публий. Метаморфозы. М., 2021.

⁸⁵ Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / пер. С. Шервинского. М., 1971. С. 50, 51; Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 60.

Божественного отрока⁸⁶. Миф об Астрее был широко известен в европейской культуре. В России в XVIII в. после изменения Петром I порядка престолонаследия и появления на престоле несовершеннолетних законных царей при матерях, не являвшихся легитимными правителями, миф об Астрее и возвращении золотого века приобрел популярность. Образ богини связывали с Анной Леопольдовной и ее младенцем Иваном Антоновичем, с Елизаветой Петровной и ее племянником Петром Федоровичем. Настоящего расцвета миф об Астрее достиг в эпоху Екатерины II⁸⁷. Ее воцарение официальная пропаганда уподобила возвращению Астреи и провозгласила наступление золотого века.

Если в дни коронационных празднеств идеологи пиар-кампании сделали акцент на миротворчестве императрицы и образе Минервы, то новогодние торжества стали поводом заявить о грядущем благоденствии России при новой власти и обратиться к теме возвращения золотого века. Именно так был назван фейерверк, состоявшийся вечером 1 января 1763 г. перед императорским дворцом. Описание начиналось с рассуждений Овидия о добрых и злых временах, которые зависели от достоинств правителей. «Златым веком» в России автор назвал правление Петра Великого и его дочери Елизаветы. Обойдя молчанием правление Петра III и исключая его тем самым из числа достойных правителей, он утверждал, что с воцарением «всемиловитейшей матери Отечества» произошло возвращение золотого века⁸⁸. На первом плане в центре сцены возвышался столб римского императора-триумфатора Траяна с монограммой Екатерины под короной, окруженный множеством дымящихся алтарей. На них народы Российской империи возжигали «жертвы верности и любви» императрице. На втором плане на фоне цветущей аллеи стоял закрытый храм двуликого бога Януса, запиравшего ворота во время мира. На третьем, главном плане изображался «златой век» — земной рай. Астрея на облаке сходила с небес для пребывания между блаженными от золотого века людьми.

Темы золотого века, явления Астреи и триумфа Минервы были продолжены во время уличного маскарада «Торжествующая Минерва», который проходил в Москве 30 января, 1 и 2 февраля 1763 г. и завершил торжества по случаю пребывания в Москве императрицы. Маскарад инициировали сторонники императрицы при ее участии. Главным режиссером, сценаристом и постановщиком был участник переворота, автор первого манифеста 28 июня — актер Ф. Г. Волков; М. М. Херасков написал стихи, а А. П. Сумароков — хоры к маскараду. Образ Екатерины II, начиная с манифеста 6 июля, формировался как антитеза образу Петра III. В полной мере она была развернута в маскараде. В сценарии первого, сатирического отделения были противопоставлены супруги-соперники. Аллегорией свергнутого императора выступал бог насмешки и злословия Момус, выходом которого представление начиналось. В восьми из девяти его частей присутствовали отчетливые намеки на страсти покойного,

⁸⁶ Публий Вергилий Марон. Указ. соч. С. 50; Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 60.

⁸⁷ Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 64–67.

⁸⁸ Возвращение золотого века, при благословенном и благополучнейшем государствовании Ее императорского величества, всепресветлейшей, державнейшей, Великой государыни Екатерине Второй, императрицы и самодержицы всероссийской, с вернейшим усердием и всеподданнейшим поздравлением Нового года, от счастливой России под кротчайшей ее императорского величества державою, в фейерверке представленное пред императорским домом в Москве в первый вечер 1763 году. [М.], [1763].

которые безжалостно высмеивались⁸⁹. Далее следовала сцена с Юпитером, наказывавшим пороки. Она, вероятно, символизировала переворот. Затем являлась Астрея и добродетели — символы золотого века и нового правления. Завершался маскарад торжеством богини Минервы, которая сходила с небес в запряженной восьмеркой белых лошадей колеснице со шлемом на челе, знаками своего могущества и трофеями. Маскарад 1763 г. завершил единоборство супругов: политический противник Екатерины II — ее покойный муж — в образе бога Момуса был полностью дискредитирован; бывшая немецкая принцесса в образе богини мудрости одержала триумфальную победу.

Образ российской Минервы вновь появился в Петербурге 28 июня 1763 г. По случаю первой годовщины вступления императрицы на престол перед Летним дворцом на Неве состоялся фейерверк, в котором публика увидела богиню сразу в двух ипостасях⁹⁰. В одной картине она явилась на скалистом острове на фоне храма Паллады, облаченная в воинские доспехи как грозная, справедливая и мудрая защитница Отечества. Во второй она предстала на цветущем острове Наук и Увеселений как покровительница науки, ремесел и художеств, с рогом изобилия в руке и совой, символом мудрости, возле ног.

В этот же день во всех храмах империи прошло «благодарственное моление... за возведение на российский престол „Благочестивейшей... Великой Государыни“». Оно было составлено по решению Святейшего синода вскоре после коронации. Его следовало совершать во всех церквях дважды в году: в день ее восшествия на престол и в день коронации»⁹¹. В молении присутствовали главные черты образа императрицы и проводилась мысль, что возведением на престол Екатерины II Господь «оживил всеми своими силами Россию, умертвленную внутренними смятениями и внешними напастями»⁹².

Заключение. Официальный образ Екатерины II был сконструирован законодательно в первые недели после переворота. Императрица была представлена «Богом данной» героической «Спасительницей» России и православия, «Великой» «Благочестивейшей» «Всемиловитвейшей» «Матерью Отечества» и миротворицей, подарившей подданным мир. Официальная пропаганда утверждала, что она состояла в родственных отношениях с Романовыми. Первая публичная презентация монаршего образа состоялась в Москве во время коронационных торжеств и последующих празднеств. Концепция образа была воплощена в декоре триумфальных арок, в коронационном костюме императрицы, в сценариях иллюминаций и фейерверков, в коронационном маскараде, в речах духовенства и знати, в докладах профессоров Академии наук и Московского университета. Ее тиражировала пресса. Образ императрицы подавался на фоне крайне негативных характеристик Петра III.

⁸⁹ Подробно о коронационном маскараде см.: Фаизова И. В. Указ. соч. С. 346–389.

⁹⁰ Штелин Я. Я. Описание аллегорического фейерверка...

⁹¹ «Благодарственное моление к всещедрому Богу за премилостивый его промысел во возведении на Всероссийский престол Благочестивейшей Самодержавнейшей Великой Государыни императрицы Екатерины Алексеевны и во утверждении самодержавия ее ко твердому Российской империи благосостоянию явленный в лето господне» // ОР РНБ. Фонд № 1443. Архив Барановского. Д. 66.

⁹² Там же. Л. Д об.

Таким образом, утверждение на российском престоле Екатерины II стало результатом не только успешно осуществленного государственного переворота, но и виртуозно проведенной пиар-кампании, в ходе которой бывшая немецкая принцесса и супруга свергнутого ею законного императора в глазах современников и потомков была превращена в героическую Спасительницу России и православия и Великую Мать Отечества.

Литература

1. Амелехина С. А. Церемониальный костюм российского императорского двора в собрании музеев Московского Кремля. М.: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2016. 334 с.
2. Андреева Л. А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. 252 с.
3. Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М.: Эксмо, 2014. 350 с.
4. Горева О. В. Алмазная сокровищница России. М.: Лишбергов В. Б., 2006. 111 с.
5. Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV. XVIII – начало XIX века. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 449–535.
6. Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 468 с.
7. Костина И. Д. Колокола XIV–XIX веков: каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М.: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2015. 210 с.
8. Котова О. А. Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 245 с.
9. Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии: в 2 ч. Ч. 1. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 272 с.
10. Курукин И. В. «Горю желанием исполнить Всевысочайшее... соизволение...». Корпус П. А. Румянцева и несостоявшаяся война с Данией в 1762 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 59–64.
11. Махотина А. А. Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 249 с.
12. Мыльников А. С. Петр III: Повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2002. 510 с.
13. Проскурина В. Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 323 с.
14. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

References

1. Amelekhina S. A. Tseremonial'nyi kostium rossiiskogo imperatorskogo dvora v sobranii muzeev Moskovskogo Kremliia [Ceremonial costume of the Russian imperial court in the collection of the Moscow Kremlin museums]. Moscow: Gos. ist.-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'», 2016. 334 p. (In Russ.).
2. Andreeva L. A. Religiiia i vlast' v Rossii. Religioznye i kvazireligioznye doktriny kak sposob legitimizatsii politicheskoi vlasti v Rossii [Religion and power in Russia. Religious and quasi-religious doctrines as a way of legitimizing political power in Russia]. Moscow: Ladomir, 2001. 252 p. (In Russ.).

3. Bessarabova N. V. Puteshestviia Ekateriny Velikoi po Rossii: ot Iaroslavlia do Kryma [Travels of Catherine the Great in Russia: from Yaroslavl to the Crimea]. Moscow: Eksmo, 2014. 350 p. (In Russ.).
4. Goreva O. V. Almaznaia sokrovishchnitsa Rossii [Diamond treasury of Russia]. Moscow: Lishbergov V. B., 2006. 111 p. (In Russ.).
5. Zhivov V. M., Uspenskii B. A. Metamorfozy antichnogo iazychestva v istorii russkoi kul'tury XVII–XVIII veka [Metamorphoses of ancient paganism in the history of Russian culture of the XVIIth – XVIIIth centuries] // Iz istorii russkoi kul'tury. T. IV. XVIII – nachalo XIX veka. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2000. P. 449–535. (In Russ.).
6. Ibneeva G. V. Imperskaia politika Ekateriny II v zerkale ventsenosnykh puteshestvii [Imperial policy of Catherine II in the mirror of crowned travels]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2009. 468 p. (In Russ.).
7. Kostina I. D. Kolokola XIV–XIX vekov: katalog sobraniia Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo muzeia-zapovednika «Moskovskii Kreml'» [The bells of the XIVth – XIXth centuries: catalogue of the collection of the Moscow Kremlin state historical and cultural museum and heritage site]. Moscow: Gos. ist.-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'», 2015. 210 p. (In Russ.).
8. Kotova O. A. Gosudarstvennaia deiatel'nost' Ekateriny II [State activity of Catherine II]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2000. 245 p. (In Russ.).
9. Kostiashev Iu. V., Kretinin G. V. Rossiiane v Vostochnoi Prussii: v 2 ch. [Russians in East Prussia. Part 1. Biographical Dictionary]. Ch. 1. Kaliningrad: Iantarnyi skaz, 2001. 272 p. (In Russ.).
10. Kurukin I. V. «Goriu zhelaniem ispolnit' Vsevysochaishee... soizvolenie...». Korpus P. A. Rumiantseva i nesostoiavshaiasia voina s Daniei v 1762 godu [“I am desirous of fulfilling the Imperial assent...”. The corps of P. A. Rumyantsev and the 1762 abortive war against Denmark] // Voенно-istoricheskii zhurnal. 2019. № 10. P. 59–64. (In Russ.).
11. Makhotina A. A. Panagiricheskaiia programma i ee khudozhestvennoe voploshchenie v iskusstve gosudarstvennykh prazdnestv epokhi Ekateriny II [Panagieric program and its artistic embodiment in the art of public holidays of the era of Catherine II]: dis. ... kand. iskusstvovedeniia. Moscow, 2011. 249 p. (In Russ.).
12. Myl'nikov A. Petr III: Povestvovanie v dokumentakh i versiiakh [Peter III: Narrative in documents and versions]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2002. 510 p. (In Russ.).
13. Proskurina V. Iu. Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II [Empire myths. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 323 p. (In Russ.).
14. Wortman R. S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaiia I [Scenarios of power. Myth and Ceremony in Russian monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow: OGI, 2002. 607 p. (In Russ.).

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.02

Васильев Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

**РОССИЙСКО-ХИВИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ ПОХОДА ГЕНЕРАЛА В. ПЕРОВСКОГО
И ПЛАНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПО ЗАКРЕПЛЕНИЮ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ
КАСПИЙСКОГО МОРЯ. 1840–1864 гг.**

Аннотация. В статье рассматривается история российско-хивинских отношений в 1840–1864 гг. Это время между Зимним походом генерала В. Перовского и российским завоеванием Мавераннахра, за которым последовало непосредственное планирование высадки российских войск на восточном берегу Каспийского моря и основание фактории в Красноводском заливе. Привлечение труднодоступных источников позволяет проследить отдельные фазы развития политических взглядов российского правительства на проблему безопасности в регионе. Российские власти первоначально стремились завершить покорение Хивы военным путем. Позднее они отказались от идеи необходимости активных военных действий, перейдя к концепции установления контроля над Хивинским ханством с востока и запада (с Каспийского побережья). Источники убеждают, что кроме безопасности российских подданных важнейшей целью России в регионе было обеспечение торговых интересов империи и противостояние британскому влиянию. В 1864 г. интерес Российской империи непосредственно к Хиве падает, а вопрос закрепления на восточном берегу Каспийского моря, напротив, приобретает важнейшее значение.

Ключевые слова: Хивинское ханство, В. А. Перовский, Каспийское море, Красноводск, Оренбург, российско-хивинские отношения, Центральная Азия, Николай I, Азиатский департамент МИД, военное министерство, А. И. Чернышев, А. Г. Серебrenников.

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.02

Vasiliev Dmitry V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

**RUSSIAN-KHIVA RELATIONS AFTER THE TRIP OF 1839–1840
AND PLANS OF THE RUSSIAN EMPIRE
TO ESTABLISH AN OUTPOST ON THE EASTERN COAST
OF THE CASPIAN SEA. 1840–1864**

Abstract. The article deals with the history of Russian-Khivan relations in 1840–1864. This was the time between the Winter Campaign of General V. Perovsky and the Russian conquest of Maverannakhr, which was followed by direct planning for the landing of Russian troops on the eastern shore of the Caspian Sea and the foundation of a trading post in Krasnovodsk Bay. The involvement of the rare sources helps to trace the individual phases in the development of the political views of the Russian government on the problem of security in the region. The Russian authorities initially sought to complete the conquest of Khiva by military means. Later, they abandoned the idea of the need for active military action and moved on to the concept of control over the Khiva Khanate from the east and west (from the Caspian coast). The sources argue that in addition to the security of Russian subjects, Russia's most important goal in the region was to ensure the trading interests of the empire and to resist British influence. In 1864, the interest of the Russian Empire in Khiva fell, and the issue of conquering an outpost on the eastern shore of the Caspian Sea, on the contrary, became of paramount importance.

Keywords: Khanate of Khiva, V. A. Perovsky, Caspian Sea, Krasnovodsk, Orenburg, Russian-Khivan relations, Central Asia, Nicholas I, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, Ministry of War, A. I. Chernyshev, A. G. Serebrennikov.

Введение. Известно, что Хивинский поход генерала В. Перовского 1839–1840 гг.¹ закончился неудачей, хотя у нас есть все основания считать, что при этом его политическая задача была отчасти выполнена. Хива на несколько лет прекратила активные злонамеренные действия против русских. Но так как ханство не потерпело военного поражения и Россия не смогла закрепиться в этой части Центральной Азии, вопрос обретения здесь форпоста сохранял актуальность.

История российско-хивинских отношений традиционно остается в центре внимания исследователей. Среди работ последнего времени следует назвать статью Р. Т. Ганиева, посвященную активизации российско-хивинских отношений в начале XIX столетия². Понятно, что российско-хивинские дела вписываются в систему

¹ *Удербаетова С. К., Сагатов А. М.* Письма В. А. Перовского с походов в Хиву и Ак-Мечеть из «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» как исторический источник // *Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история азиатских окраин России: сб. научных статей.* Омск, 2021. С. 567–574.

² *Ганиев Р. Т.* Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: амбиции и реальность // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2013. № 2 (114). С. 107–123.

отношений Хивинского ханства со своими соседями³, что в рассматриваемый период укладывается в концепцию Большой игры. Отдельного упоминания заслуживают труды Р. Ю. Почекаева, в которых история Хивинского ханства более позднего периода рассматривается в разных ракурсах, а российское участие оценивается как чрезвычайно значимое⁴. Дипломатические и политические отношения Хивинского ханства и Российской империи середины – второй половины XIX в. исследованы Ш. Б. Мухамедовым⁵, Е. Н. Крупенкиным⁶, другими исследователями⁷.

При этом вне поля зрения остался существенный аспект центральноазиатского дискурса Российской империи — планы России по контролю над своевольным ханством и ее взгляд на будущее российского присутствия в регионе.

Редко привлекаемые исследователями тома «Сборника материалов для истории завоевания Туркестанского края» за 1848–1850 гг., подготовленные А. Г. Серебренниковым и изданные в Ташкенте, а также неизданные и хранящиеся в рукописях в Национальном архиве Узбекистана, вкуче с материалами МИД Российской империи, отложившимися в Архиве внешней политики Российской империи, позволяют реализовать эту задачу.

Ход и результаты исследования. Видимая неудача хивинской экспедиции не охладила Петербург. Не успели войска вернуться в места дислокации, как в столице стали появляться новые идеи об установлении контроля над этой частью Центральной Азии. Одним из центров влияния стало Морское министерство. Князь А. С. Меншиков 4 марта 1840 г. высказался так: «Поражением хивинцев достигнута будет настоящая цель правительства — восстановление упадающего влияния нашего в Средней Азии; но утверждение сего влияния на прочных основаниях должно быть последственной целью

³ Васильев С. Д. Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 658–672; Вдовин С. С. Взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в первой половине XIX в. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 3079–3086; Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*. 2021. № 4 (44). С. 103–120.

⁴ Почекаев Р. Ю. Договоры Российской империи с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом 1873 г.: Опыт историко-правового анализа // *Уральский исторический вестник*. 2022. № 4 (77). С. 168–177; *Его же*. Включение Бухарского эмирата и хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 172–184; *Его же*. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX – начале XX в. // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2015. № 6. С. 38–44.

⁵ Мухамедов Ш. Б. Особенности дипломатических отношений Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* М., 2019. С. 212–228.

⁶ Крупенкин Е. Н. Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867–1870 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 404. С. 101–104.

⁷ Васильев Д. В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 85–107.

наших действий». В российской столице вполне отдавали себе отчет в главном сопернике на центральноазиатском театре: «Покорение Кабула англичанами и сближение войск их с Бухарией может ныне, без сомнения, почитаться главнейшей причиной, противодействующей нашему влиянию; уничтожить ее можно лишь подобными с нашей стороны мерами — сближением наших войск с народами, в той полосе Азии обитающими, и основанием на Сырдарье значительного с поселением укрепления». Таким образом, Меншиков предложил новое направление потенциального похода на Хиву, который можно было разделить на два этапа: занятие пункта на Сырдарье и движение оттуда в ханство⁸.

Тем временем морское ведомство продолжало прорабатывать идею морского похода против Хивы. В первой половине марта Главным морским штабом было предложено поручить контр-адмиралу Н. П. Римскому-Корсакову безотлагательно направиться в Саратов и Астрахань, войти в соображение местных средств для организации морской транспортировки отряда к восточному берегу Каспийского моря, откуда он должен был продолжить движение на Хиву. Известному мореходу надлежало изучить возможные препятствия на этом пути и «начертать план удобнейшего доставления сводного отряда». Эта идея получила высочайшее одобрение⁹. Действовать Корсаков должен был в непосредственном взаимодействии с Перовским¹⁰. Наиболее удобным для высадки уже определенного состава будущей экспедиции (6809 чел.)¹¹ императору виделось побережье Мангышлакского полуострова, на что указала побывавшая там в 1839 г. экспедиция капитан-лейтенанта Бодиско и капитана Широкова¹², хотя самому контр-адмиралу было предписано рассмотреть возможность транспортировки войск и снаряжения в каждый из трех потенциальных пунктов: в Ново-Александровск, на Мангышлак и на Красноводскую косу¹³. Одновременно кавказское начальство получило указание об отзыве с крейсирования в Астрахань возможно большего числа судов для использования их в интересах новой экспедиции¹⁴, а В. А. Перовский — предписание задержать на Эмбе возвращающиеся из Хивинской экспедиции части¹⁵.

Размышляя об итогах своей экспедиции, В. А. Перовский соглашался, что «общие политические отношения империи, и в особенности местные Оренбургского края, требуют настоятельного исполнения начатого — покорения Хивы. Это одно может поставить нас в глазах своих азиатцев и всей соседней Азии на принадлежащую России точку. Нет также никакого сомнения, что впечатление было бы тем рачительнее, чем скорее вслед за первой неудачей был бы нанесен удар». Но при этом признавал: «Постигая все это в полной мере, я, однако же, не вижу никакой возможности приступить к делу в скором времени, напр[имер], еще в нынешнем году»¹⁶. К причинам такой задержки военный губернатор отнес не только необходимость пополнения личного состава, артиллерии и финансов, но, главное, недостаток транспортных средств —

⁸ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1840 / сост. полк. А. Г. Серебренников. Ташкент, 1912. С. 72–73.

⁹ Там же. С. 81–83.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 85.

¹³ Там же. С. 89.

¹⁴ Там же. С. 90–91.

¹⁵ Там же. С. 91–92.

¹⁶ Там же. С. 98.

верблюдов. Главной причиной своей неудачи В. А. Перовский назвал не «недостаток положительных сведений о местности», как полагал государь император, а непредсказуемое буйство стихии, которое, по мнению В. А. Перовского, погубило и отряд князя Бековича-Черкасского. Признавая наиболее удобным предпринять экспедицию поздней осенью или зимой, генерал считал целесообразным вновь пройти по уже опробованному пути, не обращая внимания на морской маршрут через Ново-Александровск как требовавший более серьезной (в том числе и финансовой) проработки¹⁷.

Однако император настаивал на организации экспедиции незамедлительно, в 1840 г. Принимая точку зрения В. А. Перовского о непригодности Ново-Александровска для морской поддержки будущего похода, он требовал осуществить занятие и укрепление Мангышлака¹⁸.

Документы свидетельствуют о том, что, несмотря на острое желание Николая I довершить покорение Хивы, генерал-адъютант В. А. Перовский затягивал организацию повторной экспедиции. Указывал на истощение местных средств — людских и материальных, на чрезвычайную затруднительность высадки войск на восточный берег Каспийского моря¹⁹. В своем следующем донесении генерал назвал графу А. И. Чернышеву желаемое время нового похода — не ранее осени 1841 г.²⁰

Судя по всему, император готов был занять позицию В. А. Перовского, согласившись принять его в столице²¹, хотя приготовления ко второй Хивинской экспедиции продолжались полным ходом: Каспийская эскадра собирала в Астрахани суда для предстоявшей отправки людей и грузов²². Но уже 4 мая государь согласился отложить новый поход на Хиву на определенное время²³. Вместе с этим занятия Н. П. Римского-Корсакова приобрели теоретический характер и вскоре прекратились²⁴.

Наконец, 14 июля 1840 г. В. А. Перовский представил в Петергофе «Предположение о вторичном походе в Хиву». Практически не останавливаясь на широко известных причинах будущей экспедиции (вероломство, грабежи караванов, набеги, пленение людей, подстрекательство туркмен и подданных России казахов), В. А. Перовский назвал ее очевидную цель: «Хивинское ханство, расположенное у Аральского моря на устьях рек Сыра и Аму, представляет удобнейшую опорную точку для всех политических и коммерческих предприятий наших в этой части Средней Азии»²⁵. Этой цели, как признавал оренбургский военный губернатор, «невозможно, однако же, достигнуть теперь одним ударом; для этого требовались бы слишком большие усилия, продолжительное время, а более всего — точное и подробное знание приаральской местности. Итак, действия предполагаемой экспедиции должны ограничиться наказанием ханства, т[о] е[сть] разорением городов, освобождением пленных, сменой хана и, если можно, сбором значительной контрибуции. Этого, без сомнения, будет достаточно на долгое время для смирения и обессиления Хивы. Что же касается до упрочения влияния

¹⁷ Сборник материалов для истории... С. 99–101.

¹⁸ Там же. С. 106–107.

¹⁹ Там же. С. 111–112.

²⁰ Там же. С. 115–118.

²¹ Там же. С. 125.

²² Там же. С. 125–126.

²³ Там же. С. 126.

²⁴ Там же. С. 95, 139–140, 144–145.

²⁵ Там же. С. 160.

нашего в Средней Азии, то для сего необходимо занятие и заселение устьев Сыра, предположенное еще в 1750 годах»²⁶. Подчеркнем, что имперские власти, во всяком случае Оренбург, считали присоединение ханства излишним, исходя то ли из внешне-политических, то ли из экономических соображений. Основание укрепления и колонии на Сырдарье считалось достаточным для контроля беспокойного соседа.

В. А. Перовский предложил три варианта пути на Хиву: с восточного берега Каспийского моря (неудобный в связи с нехваткой судов, неустроенностью побережья, вредной для человека средой или мелководьем); по восточному берегу Арала через Сырдарью и Амударью (неудобный вследствие большей на 300 верст протяженности, трудности форсирования рек и безводья); по западному берегу через Усть-Урт (здесь неудобство заключалось во временном недостатке корма и нехватке воды). В итоге В. А. Перовский счел наиболее подходящим третий вариант, т. е. тот путь, по которому шел отряд в 1839 г.²⁷ Этот маршрут определял и время выступления отряда — начало октября²⁸.

Оренбургский проект не впечатлил Николая I, и император повелел обсудить идею второго Хивинского похода в особом совещании²⁹.

Произошедшее в 1840 г. смягчение отношения хивинского хана к России побудило царское правительство сформулировать основные принципы будущих отношений с ханствами. В основе этих отношений должны были лежать политические и торговые интересы империи. Поставленная на первое место политическая цель состояла в упрочении в ханствах исключительного влияния России. Лишь на второе место были поставлены торговые интересы, состоявшие не только в росте товарооборота, но и в обеспечении безопасности караванов, торговцев и их имущества. Эти цели должны были реализоваться через учреждение в Хиве, Бухаре и Коканде российских агентов и подписание с их правителями обязательственных актов³⁰.

Были определены следующие конкретные условия для Хивинского ханства, с которого было решено начать воплощение новой политики.

1. Прекратить все действия против России и ее подданных, вернуть российских пленников.
2. Не распространять свой суверенитет (в том числе сбор податей) на подчиненных России казахов и туркмен.
3. Выдавать на российскую сторону укрывающихся беглецов.
4. Не останавливать и не направлять через Хиву караваны, участвующие в российско-азиатской торговле.
5. Прекратить сбор пошлины на Сырдарье и уничтожить возведенные там хивинские укрепления.
6. Оказывать покровительство российским купцам в Хиве и уравнивать взимаемую с них пошлину с хивинской.
7. Предоставить России свободное судоходство по Амударье.
8. Разрешить нахождение в Хиве российского агента с правом непосредственного обращения его к хану.

²⁶ Там же. С. 160–161.

²⁷ Там же. С. 169–173.

²⁸ Там же. С. 175.

²⁹ Там же. С. 186.

³⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб. Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 80. Л. 133–135.

«9. Ко всем законным и справедливым требованиям российского агента, относительно нашего и бухарского купечества, иметь надлежащее уважение.

10. В случае раздора Хивы с соседями, и в особенности с Бухарой, признавать российского агента неизменным посредником между ними.

11. Без совета российского агента не заключать никаких условий с какими бы то ни было народами.

12. В случае смерти в хивинских владениях кого-либо из российских подданных имущество его отнюдь не отбирать в ханскую казну, а в целости передавать в ведение российского агента.

13. Безопасность агента, а также всех российских и бухарских торговцев, и вообще соблюдение всех постановляемых условий, обеспечивается лицами и имуществом хивинских торговцев, в России находящихся»³¹.

Заметим, что не все условия были вынесены на переговоры с Хивой, вести которые было поручено находившемуся в Оренбурге капитану Генерального штаба П. Никифорову³², который в самом конце января 1841 г. отправился в столицу для получения инструкций перед поездкой в Хиву³³.

Азиатский департамент МИД подготовил для него инструкцию, которая указала задачу миссии: «Теперь остается принять меры к предупреждению, по возможности, на будущее время возобновления несогласий и к обеспечению безопасности российских торговцев. Это самое составляет главную цель, для которой Вы командуетесь в Хиву»³⁴. Капитану следовало припугнуть хана Аллакули фантомом нового военного нажима: «...несмотря на делавшиеся уже приготовления к возобновлению экспедиции против Хивы, его императорское величество повелел остановить отправление оной, лишь только получил известие об исполнении ханом главного требования нашего»³⁵. Угрозы прекращения торговых отношений и нового похода против Хивы должны были висеть над ханством, подталкивая его к сговорчивости.

Предстоявшие переговоры должны были вестись вокруг следующих предметов. «1. Уничтожение рабства и пленения русских и обеспечение лиц и имущества их в хивинских владениях. 2. Ограничение незаконного влияния Хивы на кочевые племена, издревле поступившие в подданство России. 3. Обеспечение торговли нашей как с Хивой, так и с соседственными владениями»³⁶.

Торговые интересы правительства сводились к 1) созданию условий для свободного и безопасного доступа русских купцов во все населенные пункты ханства; 2) установлению необременительной и единовременной пошлины для всех российских товаров; 3) допуску российского чиновника к участию в определении стоимости товаров в интересах обложения; 4) предотвращению насильственных остановок караванов и различного рода препятствий движению караванов в Россию и обратно³⁷.

³¹ Сборник материалов для истории... Л. 135 об. – 138.

³² Там же. С. 1.

³³ Там же. С. 5.

³⁴ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 27, 28 об. – 29. (Опубликованный текст инструкции: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1841. С. 10–24).

³⁵ Там же. Л. 30–30 об.

³⁶ Там же. Л. 32 об.

³⁷ Там же. Л. 40 об. – 41.

Решать торговые вопросы российский посланник должен был тоже с большой осторожностью. На него возлагалась надежда убедить Аллакули в установлении пошлины в 5 % от стоимости товаров, сославшись на трех- и пятипроцентные пошлины в Турции и Персии соответственно.

В случае удачного решения первых трех вопросов капитану П. Никифорову следовало убедить хана разрешить присутствие в Хиве российского чиновника. «Содельываясь политическим посредником между оренбургским начальством и Хивой, он был бы вместе с тем покровителем и справедливым заступником приезжающих в ханство российских подданных»³⁸. Итогом дипломатической миссии должно было стать заключение официального соглашения.

В августе 1841 г. миссия капитана П. Никифорова прибыла в Хиву. Уже в самом начале переговоров выяснилось, что Аллакули намеревался их использовать для разграничения казахских земель и реализации своих претензий на реки Эмбу, Ирғиз и Турғай. Все это выходило за пределы компетенций посольства. Такое обстоятельство, а также уклончивость хивинской позиции, нездоровье П. Никифорова и его недипломатичное высокомерие не позволили реализовать поставленные задачи. Видя бессмысленность дальнейшего затягивания переговоров, российский посланник перешел к решительным действиям и вручил хану декларацию оренбургского губернатора о том, что «1) всякий хивинский подданный, посланный для сбора податей между киргизами, кочующими по северную сторону реки Сыра, будет предан смерти как нарушитель мира; 2) всякий хивинский подданный, посланный для сбора податей с киргизов, кочующих в песках Барсуках (пустыни к северу от Аральского моря. — *Д. В.*), на реке Эмбе, на берегах моря, в урочище Кай-Кунакты и по берегам залива Карасу и на северных частях Чинка, будет предан смерти как нарушитель мира и 3) всякий хивинский подданный, являющийся в аулы киргизов, принадлежащих Российской империи, с намерением нарушить спокойствие оных, будет схвачен и предан смерти»³⁹.

После первых аудиенций у хана капитан П. Никифоров доносил в Оренбург, что Аллакули не готов был принять требование России о принадлежности ей восточного побережья Каспийского моря и кочевников, проживавших на западном берегу Арала⁴⁰. Спустя несколько недель неблагоприятное положение миссии усугубилось: хан не принимал предложенных ему условий вообще. Камнем преткновения стал вопрос о выходе России к Сырдарье. Капитан П. Никифоров окончательно разуверился в успехе: «Хан и его сановники чужды всякого понятия о политических переговорах и даже не могут понять слова. Уполномоченные, вполне сознавая свое бессилие, они не в состоянии оценить кротких сношений, но трепещут [от] силы, которая одна может их вразумить...»⁴¹. П. Никифоров объявил земли всех принявших российское подданство кочевников достоянием империи⁴² и заверил, что в любом случае выдвинутые Петербургом условия российско-хивинских отношений будут исполнены российской стороной. Предложив

³⁸ Там же. Л. 44 об.

³⁹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 127. (То же самое: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1841. С. 103)

⁴⁰ Сборник материалов для истории завоевания... С. 102.

⁴¹ Там же. С. 130.

⁴² Там же. С. 134.

хану подписать проект мирного договора, имперский посланник заявил, что в противном случае будет вынужден покинуть Хиву, что и случилось 27 октября. Ни одно из условий не было выполнено, договор не был подписан.

По пути в Петербург 27 января 1842 г. П. Никифоров скончался в поместье матери под Сызранью от инфаркта. А 17 февраля государю императору доложили о том, что бумаги покойного был направлен разбирать чиновник особых поручений при оренбургском военном губернаторе полковник Г. И. Данилевский⁴³, назначенный позднее главой новой миссии в Хиву. По другим сведениям, П. Никифоров простудился в дороге 13 января и 23 января скончался в Сызранском уезде в имении помещика Нечаева⁴⁴.

Отправленный вскоре в Хиву полковник Г. И. Данилевский получил ту же инструкцию, что и его предшественник⁴⁵ с тем дополнением, что ему следовало «озаботиться преимущественно на этот раз объяснениями касательно установления постоянной пошлины на русские товары в Хиве (в размере 5 %⁴⁶. — Д. В.) и отложить впредь до усмотрения разрешение вопроса об определении пределов влияния хивинцев на Киргизские степи (выделено мною. — Д. В.)»⁴⁷. В случае успеха переговоров по пошлине Данилевскому надлежало склонить хана к подписанию обязательного акта. К вопросу о границе российского влияния в Казахской степи можно было обратиться при соответствующем настрое хивинского правительства. Российский МИД подчеркивал, что главная цель нового посольства «состоит в том, чтобы утвердить хана в доверии к справедливости и добросовестности намерений императорского кабинета и приготовить пути к утверждению приязненных сношений»⁴⁸. Таким образом, очевидно, что главнейшей целью России в отношении Хивинского ханства было и оставалось развитие торговли и связанное с этим умиротворение взаимоотношений. А общее смягчение российской позиции однозначно убеждает в намерении мирного разрешения хивинского вопроса.

Миссия Г. И. Данилевского выступила из Оренбурга 1 августа и через шесть недель прибыла в пределы ханства. За это время скончался Аллакули и на престол 25 ноября взошел его сын Рахимкули⁴⁹. Довольно скоро новый правитель Хивы подписал предложенные ему фирман и обязательный акт, предусматривавший установление пошлины с российских товаров в размере искомых 5 % и отмену пошлины с транзитных товаров, следовавших через Сырдарью⁵⁰.

Как бы то ни было, но миссия Г. И. Данилевского увенчалась успехом и 31 декабря посольство вместе с хивинским посланником к высочайшему двору Мухаммедом-Эмином отбыло в Оренбург⁵¹. Вскоре последовало высочайшее повеление направить подполковника в столицу для представления его величеству и позволить хивинскому послу чуть позже также прибыть к высочайшему двору⁵².

⁴³ АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 82. Л. 41.

⁴⁴ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1842 и 1843 / сост. полк. А. Г. Серебrenников. Ташкент, 1914. С. 9.

⁴⁵ Там же. С. 24.

⁴⁶ В два раза больше, чем настаивал прежде В. А. Перовский.

⁴⁷ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1842 и 1843. С. 33, 34.

⁴⁸ Там же. С. 34–37.

⁴⁹ Там же. С. 73.

⁵⁰ Там же. С. 81–84.

⁵¹ Там же. С. 106–107.

⁵² Там же. С. 109.

До Николая I доходили сведения о беспокойствах со стороны туркмен, которые создавали препятствия для российского судоходства и промыслов у восточного берега Каспийского моря. Но, не разобравшись до конца с Хивой, с большим трудом отстаивая место гегемона в Европе, государь был не готов к спонтанной экспедиции против туркмен, в которую так или иначе был бы вовлечен правитель Хорезма.

Незадолго до отправления экспедиции Г. И. Данилевского генерал В. А. Перовский покинул свой пост в Оренбурге. За время его отсутствия Ново-Александровское укрепление было перенесено на Мангышлак и названо Ново-Петровским, устроено другое укрепление на Раимском полуострове Аральского моря (Аральское укрепление). Оба — для военного контроля Хивы. А в 1851 г. В. А. Перовский вернулся в Оренбург уже в более высоком статусе оренбургского и самарского генерал-губернатора.

Казалось бы, накал давления Хивы на российских подданных казахов за последние годы заметно снизился. Однако В. А. Перовский продолжал пугать столичных дипломатов ставшей уже мифической угрозой, видимо в надежде на полную реабилитацию собственного неудачного похода. «Хивинский хан, как известно министерству, несмотря на данное в 1843-м году торжественное обещание не предпринимать против России никаких ни тайных, ни явных враждебных действий, делал с тех пор во вред русских все, что только мог. Вторжения хивинских шаек в степь киргизов наших прекратились только с 1851 года вследствие страха, чтобы не последовало новой, по примеру 1839 года экспедиции на Хиву; тот же страх удерживал, по-видимому, хивинцев и от неприязненных против действий в продолжение экспедиции прошлого (1853 г. — *Д. В.*) лета на Ак-Мечеть. Но в настоящих обстоятельствах, увлеченный турецкими прокламациями и стараниями кокандцев, хан хивинский и решил, быть может, на грабительские в степь нашу вторжения и, возбуждая киргизов к восстанию против русского правительства, станет нападать на наши транспорты во время следования их на Сырдарью»⁵³.

Однако надо отдать должное государственному мышлению В. А. Перовского. Он предлагал простой и не совсем обычный для этого внешнеполитического направления выход, назвав «крайне полезным для противодействия с нашей стороны отправить к весне в Хиву неофициального агента, который бы объяснил хивинскому правительству всю выгоду оставаться в дружбе с могущественным соседом, доказавшим уже на деле, что он не нарушит мира, если сама Хива не накличет на себя грозы, увлекшись подстрекательством турок или англичан к каким-либо открытым или тайным враждебным против нас действиям, и что в последнем случае не должны уже они ожидать от нас пощады, а турки и англичане защитить их не могут. Все это понимают в некоторой степени и сами хивинцы, но по азиатскому легкомыслию могут поддаваться на противные внушения. Присутствие в Хиве русского агента, снабженного обычными в подобных случаях подарками, содействовало бы к ее успокоению и вместе с тем доставило бы нам о теперешнем положении дел и умов в соседних странах сведения, определительнейшие тех (более определенных. — *Д. В.*), какие получаем мы чрез посредство киргизов, которые ничего виденного или слышанного не могут передавать без прибавок и украшений собственного изобретения»⁵⁴.

⁵³ Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. 715. Оп. 1. Д. 15. Л. 38, 39.

⁵⁴ Там же. Л. 73, 74.

Заметим, что предложенная генерал-адъютантом В. А. Перовским практика со временем будет принята для Бухарского ханства. А пока «на все это последовало ныне высочайшее его императорского величества соизволение»⁵⁵.

Во время нахождения у власти В. А. Перовского активизировалась Аральская флотилия, присутствие которой оказывало на хивинского хана сдерживающий эффект⁵⁶.

По мере закрепления России на Мангышлаке и Арале, ее интересы сместились к южной границе туркменских владений, где они соприкасались с иранскими пределами. Российская империя стала более свободно чувствовать себя в орбите центральноазиатских отношений, могла уже более активно вмешиваться во внутренние дела региона. При этом преемник В. А. Перовского, оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин, весьма сдержанно относился к идеям резких движений в отношении местных туркмен⁵⁷. Тем более что в районах их расселения обер-квартирмейстер Оренбургского корпуса полковник В. Д. Дандевиль искал оптимально удобное место для российской фактории. В середине сентября 1859 г. генерал А. А. Катенин донес в столицу о завершении изыскательских работ полковника В. Д. Дандевилья по исследованию восточного побережья Каспийского моря. На всем берегу лишь Красноводский залив мог стать российским форпостом в Туркменской степи. Непросто пришлось российской экспедиции: захваченные туркменами нижние чины, отогнанные верблюды и лошади, вооруженные нападения... Однако все недоразумения были улажены, виновники наказаны и аманаты возвращены⁵⁸.

Докладывая об этом военному министру, А. А. Катенин обратил внимание на весьма существенный момент, который на длительное время определил будущее тогда еще не завоеванного края: «Считаю долгом заявить теперь же Вашему высокопревосходительству мое убеждение, родившееся вследствие затруднительности положения экспедиции в продолжение некоторого времени в Красноводском заливе, когда я не мог подать ей отсюда не только никакой помощи, но не имел даже возможности доставлять вовремя мои предписания.

Оставаясь при том мнении, что устройство укрепления в Красноводском заливе крайне для нас необходимо и полезно в видах политических и торговых, я полагаю, что исполнение этого предприятия будет удобнее, скорее, дешевле и успешнее исполнено средствами Кавказской армии, нежели средствами Оренбургского корпуса»⁵⁹. Одной из главных трудностей были взаимоотношения с местными туркменами, которые иногда приобретали форму вооруженного противостояния.

В итоге министры, морской, военный и иностранных дел, приняли решение приостановить процесс основания фактории, так как он вместо мирного принял военный характер. Министры посчитали, что «приведение... предприятия сего ныне в исполнение силой восстановило бы еще более против нас туркменские племена и дало повод к подозрению о завоевательных намерениях наших на восточном берегу Каспия». В качестве другой насущной меры они назвали необходимость военного усиления Астрабадской морской станции, которая не могла в условиях туркменских происков

⁵⁵ Национальный архив Узбекистана... Л. 85.

⁵⁶ НАУз. Д. 22. Л. 112–113.

⁵⁷ Там же. Л. 8.

⁵⁸ Там же. Л. 198.

⁵⁹ Там же. Л. 200.

обеспечивать их отражение и достаточную защиту российских интересов. Это мнение получило высочайшее утверждение 2 ноября 1859 г.⁶⁰

Что же касается Хивы, то у русских на ханство были планы, выходящие за рамки российско-туркменских отношений. Это идея занятия устья Амударьи, для реализации которой было бы неплохо заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом ханства⁶¹. Трудно сказать, насколько реализация этой задачи была возможна, тем более что обстановка в Хиве и вокруг нее оставалась постоянно напряженной: взаимная вражда туркмен с подданными России — казахами не прекращалась⁶².

В рапорте военному министру в ноябре 1859 г. А. Катенин сформулировал не только собственный, но и правительственный взгляд на туркмено-хивинский вопрос: «Занятие юго-восточного берега Каспия и возведение укрепления на Красноводском заливе издавна признавалось необходимостью. В настоящее время, казалось, не следовало бы откладывать это давно задуманное намерение. В политическом отношении построение укрепления в Красноводском заливе заставит признать овладение оным за дело уже окончательно совершившееся и положить конец замыслам англичан, которые, неуклонно создавая нашему правительству затруднения на Востоке, могут склонить к тому персиян, обнаруживших уже свои притязания как на этот берег, так и на господство над туркменами, которые, в сущности не признают поныне ни чьей власти. Кажется, не трудно было бы доказать дипломатическим путем как право наше на Красноводский залив, так и повод к занятию оно не в видах завоевательных, а торговых.

Отношения же наши к туркменам могут быть названы или административными, или охранными для нас самих, ибо, несмотря на неоднократные присяги на подданство России, своевольные туркмены не перестают и ныне грабить, и захватывать наших торговцев, рыбопромышленников и киргизов, кочующих в соседстве с ними по Устюрту. Станция наша на Ашур-Аде не в силах остановить морские грабежи туркмен пока не будет укрепления в Красноводском заливе. По всем сим причинам Красноводске укрепление должно быть возведено, по моему мнению, не далее будущего 1860 года.

Что же касается до занятия Аму в видах как распространения нашей торговли в Хиве, Бухаре и выше по течению Аму, так и в той надежде, что с распространением этой торговли товары, идущие теперь к нам сухопутьем, могут со временем большей частью быть сплаваемы по этой реке и потом от известного на ней места идти караванным путем на Красноводский залив, то, признавая эту мысль возможной, я не отвергаю пользы занятия на Амударье одного или двух укрепленных пунктов, которые, кроме торговой цели, в виде станций для судов и складочных мест для товаров, могут существенно содействовать в отношении туркмен и Хивы нашим административным видам; но действие это должно быть последовательным, т. е. по занятии уже Красноводского залива, ибо тогда только разъяснится вполне будущие наши виды на туркмен и Хиву и надежды на распространение торговли по Аму. Если правительство на основании этих указаний найдет полезным занятие дельты Амударьи, то и в таком случае занятию этому должна предшествовать основательная рекогносцировка»⁶³.

⁶⁰ Там же. Л. 360–361.

⁶¹ Там же. Л. 312.

⁶² Там же. Л. 357.

⁶³ Там же. Ф. 715. Оп. 1. Д. 15. Л. 391–393.

Приведенное мнение главного начальника Оренбургского края, фактически курировавшего российские интересы на восточном берегу Каспийского моря, раскрывает все смыслы присутствия империи в этой части Центральной Азии: исключительно торговые интересы; противодействие замыслам англичан; усмирение туркменских грабежей как постоянной угрозы для развития торговли; основание фактории в Красноводске и взятие под контроль течения Амударьи, что, так или иначе, заставило бы Хивинское ханство считаться с российскими интересами. Но самое пристальное внимание следует обратить на то, каким образом А. А. Катенин определил будущие отношения с туркменами, а именно как административные или охранительные (от них), а вовсе не как подданические или какие-либо иные формы зависимости. Иными словами, речи об аннексии или военном занятии Туркменской степи не велось, во всяком случае на региональном уровне. Забегая вперед, заметим, что российское законодательство в будущей Закаспийской области постоянно сохраняло административный характер, не вмешиваясь глубоко и не подрывая напрочь традиционные устои туркменского общества.

Предложения А. А. Катенина о занятии Красноводского залива было решено обсудить 16 января 1960 г. в 12 ч. дня на заседании совещательного комитета с участием генерал-адмирала Константина Николаевича, военного министра генерал-адъютанта Н. О. Сухозанета, министра иностранных дел А. М. Горчакова, главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского и генерал-адъютанта А. А. Катенина⁶⁴.

Обсуждались два вопроса, поставленные командиром Оренбургского корпуса. Первый: следовало ли немедленно приступить к строительству укрепленной фактории в Красноводском заливе? Отвечая на этот вопрос, высшие чиновники империи дали вполне очевидный ответ: «Принимая в соображение наши, в настоящее время довольно натянутые, отношения к Персии, и не желая ныне доводить эти отношения до крайности, комитет полагает устройство укрепленной фактории отложить до более благоприятных обстоятельств»⁶⁵.

Второй вопрос касался исследования устья Амударьи. И здесь было решено обойтись без резких движений. «В настоящее время признано достаточным довольствоваться теми сведениями, которые мы приобрели в течение двух экспедиций флигель-адъютанта Бутакова, а потому с открытием навигации новой экспедиции в устья Аму не предпринимать...»⁶⁶.

Местная российская администрация отдавала себе отчет, что захват новых территорий в регионе (например, удержание за собой устья Амударьи) укрепит влияние на Хиву и Бухару, распространит на местных казахов и каракалпаков имперское подданство, но не компенсирует за счет сборов с населения соответствующих финансовых затрат и возбудит недовольство англичан, опасаящихся приближения России к их индийским владениям⁶⁷.

А вскоре продвижение российских войск в сторону Коканда и соединение Оренбургской и Сибирской линий вообще сняли с повестки хивинские дела. Министры,

⁶⁴ НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.

⁶⁵ Там же. Л. 53.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1864 год. Ч. 1 / сост. полк. А. Г. Серебрянников. Ташкент, 1914. С. 74.

военный и иностранных дел, убеждали государя: «Из числа среднеазиатских ханств Хива и Бухара, отделенные от наших пределов кызылкумскими песками, не представляют большой опасности; притом Хива слишком слаба, чтобы делать какие-либо неприязненные покушения...»⁶⁸. А потому вновь повторяли российский внешнеполитический императив в регионе: «Приобретением нравственного влияния на среднеазиатские ханства, не вмешиваясь в их управление, внутренние дела и политические отношения, но стараясь путем мирных и торговых сношений рассеять их недоверие к нашей политике и установить прочные отношения, чтобы иметь возможность ограждать в самых ханствах интересы и безопасность наших подданных, развить нашу азиатскую торговлю и открыть новые рынки для сбыта русских произведений...»⁶⁹.

Заключение. Проведенный анализ исторических источников показывает, что курс Российской империи по отношению к Хивинскому ханству был достаточно динамичным. Сразу же вслед за Зимним походом в правительственных кругах родилась идея повторить сухопутную экспедицию с целью занятия Хивы. Однако одновременно с этим стала набирать сторонников и идея морского десанта на восточный берег Каспийского моря с вариантами высадки на Мангышлаке или в Красноводском заливе. Не сразу, но император Николай I согласился отложить покорение Хивы, понимая его несвоевременность. Еще более осторожной была позиция оренбургской администрации, которая считала присоединение ханства избыточным. Генерал В. А. Перовский вынашивал план трехстороннего движения на Хиву (один маршрут — с морского побережья). Спустя более 30 лет это предположение реализовалось самым неожиданным образом.

Дипломатические документы бескомпромиссно свидетельствуют, что главной целью российского интереса к Хиве (как позднее и к занятию восточного берега Каспийского моря) было развитие торговли с центральноазиатскими ханствами и соседними крупными державами. А наведение порядка, безопасность и освобождение пленных были производными от этого.

Пятидесятые годы XIX столетия стали началом военной активизации России в отношении южных казахов, Кокандского ханства и отчасти Бухарского эмирата как с целью округлить владения империи, так и с целью развития торговли и укрепления безопасности рубежей. Осуществляя продвижение на юг, Российская империя не забывала и про Хиву, устраивая сухопутные укрепления и осваивая водные маршруты (Аральская флотилия).

С этого времени в центральноазиатской политике России происходит разделение прежде единого хивинского направления на два: 1) собственно хивинское (сухопутное), которое уже реально маркировалось укреплениями на военных картах, и 2) туркменское (каспийское) направление, планы в отношении которого все еще вынашивались российскими властями. Заметим, что самим туркменам в этих планах отводилось место, названное имперскими чиновниками административным, под которым понималось невоенное выстраивание мирных взаимоотношений. А будущее влияние на Хиву мог бы обеспечить постоянный российский агент, что, кстати, и было воплощено позднее в отношении Бухарского эмирата.

⁶⁸ Там же. С. 198.

⁶⁹ Там же. С. 199.

Литература

1. Васильев Д. В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 85–107. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.105
2. Васильев С. Д. Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 658–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-658-672
3. Вдовин С. С. Взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в первой половине XIX в. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 3079–3086. DOI: 10.35775/PSI.2022.89.8.032
4. Ганиев Р. Т. Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: амбиции и реальность // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 107–123.
5. Крупенкин Е. Н. Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867–1870 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 101–104. DOI: 10.17223/15617793/404/15
6. Мухамедов Ш. Б. Особенности дипломатических отношений Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. научных трудов международного семинара (Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г.) / [под науч. ред. Д. В. Васильева]. М: ОнтоПринт, 2019. С. 212–228.
7. Почекаев Р. Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184
8. Почекаев Р. Ю. Договоры Российской империи с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом 1873 г.: опыт историко-правового анализа // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 168–177. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-168-177
9. Почекаев Р. Ю. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX – начале XX в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 6. С. 38–44.
10. Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Часть 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4 (44). С. 103–120. DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08
11. Удербаева С. К., Сагатов А. М. Письма В. А. Перовского с походов в Хиву и Ак-Мечеть из «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» как исторический источник // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей / отв. ред. Н. Г. Суворова. Омск: ОмГУ, 2021. С. 567–574. DOI: 10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.567-574

References

1. Vasilyev D. V. Dualizm rossiiskoi administratsii na vostochnom beregu Kaspiiskogo moria [The dualism of the Russian administration on the Eastern Caspian Coast] // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. Vol. 65. Issue 1. P. 85–107. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.105 (In Russ.).
2. Vasilyev S. D. Turkmeny v kontekste regional'noi vnesheinei politiki v Tsentral'noi Azii pervoi poloviny XIX v. [Turkmens in Russia's foreign policy in Central Asia, early to mid XIXth century] // Oriental Studies. 2021. Vol. 14. № 4. P. 658–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-658-672 (In Russ.).
3. Vdovin S. S. Vzaimootnosheniia Khivinskogo khanstva s sosediama v pervoi polovine XIX v. [Relationships of the Khanate of Khiva with neighbors in the first half of the XIXth century] //

Issues of National and Federative Relations. 2022. Vol. 12. № 8 (89). P. 3079–3086. DOI: 10.35775/PSI.2022.89.8.032 (In Russ.).

4. Ganiev R. T. Khivinskaiia problema Rossiiskoi imperii v 1-i polovine XIX v.: ambitsii i real'nost' [The Khivan problem of the Russian Empire in the 1st half of the XIXth century: ambitions and reality] // Izvestia. Ural Federal University. Series 2: Humanities and Arts. 2013. № 2 (114). P. 107–123 (In Russ.).

5. Krupenkin E. N. Politicheskie otnosheniia Rossiiskoi imperii i Khivinskogo khanstva v 1867–1870 gg. [Relations between the Russian Empire and the Khanate of Khiva in 1867–1870] // Tomsk State University Journal. 2016. № 404. P. 101–104. DOI: 10.17223/15617793/404/15 (In Russ.).

6. Mukhamedov Sh. B. Osobennosti diplomaticheskikh otnoshenii Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva s Rossiiskoi imperiei (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Peculiarities of diplomatic relations of the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva with the Russian Empire (second half of the XIXth – early XXth centuries)] // Tsentral'naia Aziia na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.: sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminara (Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.) / [pod nauch. red. D. V. Vasil'eva]. Moscow: OntoPrint, 2019. P. 212–228 (In Russ.).

7. Pochekaev R. Yu. Vkluchenie Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva v tamozhennuiu chertu Rossiiskoi imperii (1895 g.) [Inclusion of Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the customs system of the Russian Empire (1895)] // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2016. № 3. P. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184 (In Russ.).

8. Pochekaev R. Yu. Dogovory Rossiiskoi imperii s Khivinskim khanstvom i Bukharskim emiratom 1873 g.: opyt istoriko-pravovogo analiza [The 1873 treaties of the Russian Empire with the Khanate of Khiva and the Emirate of Bukhara: a historical and legal analysis] // Ural Historical Journal. 2022. № 4 (77). P. 168–177. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-168-177 (In Russ.).

9. Pochekaev R. Yu. Osobennosti pravovogo regulirovaniia statusa rossiiskikh torgovtsev v Bukharskom emirate i Khivinskom khanstve vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Legal regulation of the status of Russian traders in the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva in the second half of the XIX – beginning of the XXth Century] // Vostok. Afro-Aziatskie obschestva: istoriia i sovremennost'. 2015. № 6. P. 38–44. (In Russ.).

10. Pochekaev R. Yu. Khivinskii faktor rossiisko-kazakhskikh otnoshenii v XVIII–XIX vv. Chast' 1: Kazakhskie khany na trone Khivy [The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in XVIIIth and XIXth centuries. Pt. 1: Kazakh khans on Khiva and the point of Russia] // MCU Journal of Historical Studies. 2021. № 4 (44). P. 103–120. DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08 (In Russ.).

11. Uderbaeva S. K., Sagatov A. M. Pis'ma V. A. Perovskogo s pokhodov v Khivu i Ak-Mechet' iz «Trudov Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii» kak istoricheskii istochnik [Letters of V. A. Perovsky from campaigns to Khiva and Ak-Mosque from the “Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission” as a historical source] // Liudi imperii — imperiia liudei: personal'naia i institutsional'naia istoriia Aziatskikh okrain Rossii: sbornik nauchnykh statei / otv. red. N. G. Suvorova. Omsk: OmGU, 2021. S. 567–574. DOI: 10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.567-574. (In Russ.).

УДК 94 (575.1)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.03

Асанова Светлана Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент

Филиал Российского государственного педагогического

университета им. А. И. Герцена в Ташкенте

Ташкент, Узбекистан

asa_svetlana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5368-6681

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ: ИДЕИ И ПРАКТИКА КОНЦА XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как завоевание Россией Средней Азии во второй половине XIX в. повлияло на изучение геологических богатств края и перспективности их использования для империи, а также как военная администрация края стала оказывать всемерную поддержку в разработке полезных ископаемых края.

Поначалу исследования каменноугольных копий и золотых приисков, сделанные Н. А. Северцовым и А. С. Татариновым, внушали определенный оптимизм, однако к началу 1870-х гг. был сделан вывод о бесперспективности намеченных разработок, что привело к первым разочарованиям.

Тем не менее в начале 70-х гг. XIX в. распоряжением К. П. Кауфмана было организовано новое геологическое исследование Туркестана. Подбором подходящих для этого кандидатов занялся вновь назначенный чиновник особых поручений по горной части К. В. Гилев. При его одействии в Туркестанский край приехал молодой выпускник Петербургского горного института И. В. Мушкетов, позже — профессор того же института Г. Д. Романовский. Именно с их подачи была составлена первая общая геологическая структура края и сделаны отдельные выводы насчет месторождений угля, нефти и других полезных ископаемых. Именно в этот период вопрос о геологических богатствах Туркестана начал широко освещаться в прессе и было озвучено мнение, что Туркестан со временем может стать вторым Уралом.

Но этот оптимизм был недолгим: как и их предшественники, Мушкетов и Романовский приходят к заключению, что природные богатства края бедны. После смерти Кауфмана в 1882 г. геологическое изучение края на перспективность его богатств и вовсе прекращается вплоть до начала XX в.

Ключевые слова: Средняя Азия, Российская империя, полезные ископаемые, исследователи, горные инженеры, К. В. Гилев, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский.

UDC 94 (575.1)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.03

Asanova Svetlana A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Tashkent Branch of the Herzen State Pedagogical University
Tashkent, the Republic of Uzbekistan

asa_svetlana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5368-6681

MINERALS OF THE TURKESTAN TERRITORY IN THE SERVICE OF THE EMPIRE: IDEAS AND PRACTICE OF THE END OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article deals with the question of how the conquest of Central Asia by Russia in the second half of the XIXth century influenced the study of the geological riches of the region and the prospects for their use for the empire. From the moment of its conquest, the military administration of the region began to provide all possible support for the geological study of the region.

The first optimistic studies by N. A. Severtsov and Tatarinov of coal mines and gold mines, by the beginning of the 70s, led to the first disappointments, which consisted in their futility.

However, in the early 70s of the XIX century, by order of K. P. Kaufman organized a new geological study of Turkestan. The selection of suitable candidates was undertaken by the newly appointed official for special assignments for the mining part K. V. Gilev. With his assistance, a young graduate of the St. Petersburg Mining Institute, I. V. Mushketov, and later a professor of the same institute, G. D. Romanovsky, came to the Turkestan region. It was from their submission that the first general geological structure of the region was compiled and certain conclusions were drawn about deposits of coal, oil and other minerals. It was during this period that the issue of the geological riches of Turkestan began to be widely covered in the press and the opinion was voiced that Turkestan could eventually become the second Ural.

But this optimism was short-lived, just as their predecessors Mushketov and Romanovsky come to the conclusion that the natural resources of the region are poor. After the death of Kaufman in 1882, the geological study of the region for the prospects of its wealth ceased altogether until the beginning of the XXth century.

Keywords: Central Asia, Russian Empire, minerals, researchers, mining engineers, K. V. Gilev, I. V. Mushketov, G. D. Romanovsky.

Введение. Интерес к природным богатствам Средней Азии Россия проявляла задолго до ее покорения. О несметных богатствах, в частности золота, в крае издавна ходили легенды, они привлекали к себе внимание лиц, интересующихся горным делом.

Известная своей трагической судьбой экспедиция князя А. Бековича-Черкасского снаряжена была еще Петром I в XVIII в., в том числе и с целью исследования месторождения золота в верховьях Амударьи, слава о которых была широко распространена. Когда же край был завоеван империей, то вопрос об исследовании его на перспективность в горнопромышленном плане встал одним из первых. Только с середины XIX в. этим занимались П. П. Семенов-Тянь-Шанский¹,

¹ Первая поездка на Тянь-Шань, или Небесный Хребет, до верховья системы р. Яксарта, или Сырдарьи, действительного члена П. П. Семенова в 1857 году (с картой) // Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1858. Ч. XXIII. Отд. II. С. 1–28;

М. И. Венюков², Н. А. Северцов³, Л. Ф. Костенко⁴, А. П. Федченко⁵, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский, В. А. Обручев, Л. С. Берг и др. В результате были получены важные сведения о геологическом строении и полезных ископаемых Средней Азии, а также о ее растительном и животном мире.

Золото привлекло в Туркестан и первых русских горнопромышленников: Кузнецовых, Бенардаки, Колесникова и других, — и первые исследования в этом направлении велись на средства государственной казны известным натуралистом Н. А. Северцовым⁶.

В середине XX в. интерес к вкладу русских исследователей в развитие геологии региона возрос. Именно в это время отдел редких фондов Центрального государственного архива УзССР подготовил и выпустил серию сборников документов под общим названием «Русские ученые-исследователи Средней Азии». Данное издание вызывает большой научный интерес и освещает деятельность таких исследователей края, как Н. А. Северцов, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский⁷. К этому же периоду относятся работы М. Массона⁸, рассматривающего зарождение горного дела на этой территории в древности, и труды Ю. Ф. Бурякова⁹.

В настоящее время узбекистанские ученые также обращаются к вопросу изучения горного дела в регионе. Так, в работе С. Р. Тураевой рассматриваются вопросы поиска и местонахождения рудников, разработки полезных ископаемых, материального обеспечения рудокопов, добычи и торговли драгоценными металлами в Бухарском,

Туркестан / подгот. кн. В. Масальский // Краины России (Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России) / под ред. П. П. Семенова, СПб., 1900. С. 129–210; *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 2. Путешествие в Тянь-шань в 1856–1857 годах. М., 1946.

² *Венюков М. И.* Поступательное движение России в Средней Азии. СПб., 1877.

³ Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского географического общества доктором зоологии, членом Русского географического и других ученых обществ Н. Северцовым: [Ч. 1]. СПб., 1873.

⁴ Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С картою Средней Азии / сост. кап. Ген. штаба Л. Костенко. СПб., 1870; Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа / сост. полк. Ген. штаба Л. Ф. Костенко. Т. 1–3. СПб., 1880.

⁵ Путешествие в Туркестан члена-основателя Общества А. П. Федченко, совершенное от Общества любителей естествознания по поручению Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана. СПб.; М., 1874–1888.

⁶ *Назаров П. С.* Беспольная книга о полезных ископаемых // Туркестанский сборник: статьи и заметки из русских и иностранных газет. Т. 562. СПб., 1913. С. 306–317.

⁷ Н. А. Северцов: сборник документов / [вступ. статья Е. Коровина]. Ташкент, 1958. (Русские ученые-исследователи Средней Азии / Архивный отд. МВД УзССР. Центр. гос. ист. архив УзССР. Под ред. действ. чл. АН УзССР Е. П. Коровина и др.; Т. 2); И. В. Мушкетов: сборник документов / [предисл. акад. А. Уклонского]. Ташкент, 1960. (Русские ученые-исследователи Средней Азии / Архивное упр. МВД УзССР. Центр. гос. архив УзССР. Отд. дореволюционных фондов / под ред. акад. А. С. Уклонского и канд. ист. наук В. А. Шишкина; Т. 3); Г. Д. Романовский: сборник документов / [предисл. акад. проф. А. С. Уклонского]. Ташкент, 1961. (Русские ученые-исследователи Средней Азии / Центр. гос. архив УзССР. Отд. дореволюционных фондов / под ред. А. С. Уклонского, канд. ист. наук В. А. Шишкина; Т. 4).

⁸ *Массон М. Е.* К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

⁹ *Буряков Ю. Ф.* Горное дело и металлургия древнего Илака. V – начало XIII века. М., 1974.

Хивинском и Кокандском ханствах¹⁰. М. Сайидова в своей статье доказывает, что история горного дела в регионе имеет древние корни¹¹.

В настоящей статье на основе документов Канцелярии туркестанского генерал-губернатора рассматривается организация геологического изучения в крае в 1865–1882 гг.

Ход и результаты исследования. Отправной точкой в исследовании Туркестана на перспективность добычи полезных ископаемых в имперский период стал 1865 г. Буквально сразу после покорения Ташкента в горные районы Средней Азии двинулись научные экспедиции, организованные Императорским русским географическим обществом и Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и естествознания.

Научный интерес к региону был обусловлен в первую очередь его стратегическими перспективами и необходимостью обеспечивать военные потребности благодаря местным ресурсам. Военная администрация края это осознавала, а потому уже спустя месяц после взятия Ташкента, 29 июля 1865 г., в письме генерал-квартирмейстера главного управления Генерального штаба А.И. Веригина Н. А. Северцову значилось, что «вследствие ходатайства командующего войсками Оренбургского края генерал-адъютанта Крыжановского о необходимости всестороннего изучения занятого в минувшем году Зачуйского края, государь император высочайше повелеть соизволил отправить в Туркестанскую область на два года ученую экспедицию из двух отделов: математического, для производства астрономических определений и топографических работ под начальством надворного советника Струве и физического под руководством Северцова, одновременно исполняющего обязанность натуралиста экспедиции. Физический отдел кроме всего прочего должен был заняться геологическим изучением Зачуйского края и сбором минералогической коллекции»¹². Зачуйские земли и Сырдарьинская линия в результате административно-территориальной реформы начала 1865 г. вошли в состав Туркестанской области, находящейся в подчинении Оренбургского генерал-губернатора, являвшегося одновременно командующим войсками Оренбургского военного округа¹³.

В состав данной экспедиции для геологических и минералогических изысканий были назначены горный инженер, штабс-капитан Никольский, два штейгера и десять горных рабочих. Штабс-капитану Никольскому предписано было перед поездкой в Туркестанскую область съездить на Урал и Алтай для ознакомления с исследованием кристаллических горных пород. Для устройства разработки каменного угля в Туркестанской области был отправлен инженер, подполковник Татаринов¹⁴.

¹⁰ Тураева С. Р. Архивные документы как источник изучения истории горного дела Узбекистана (XVI–XX вв.) // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 255–262.

¹¹ Сайидова М. Г. Истоки горнодобывающего и перерабатывающего производства на территории Узбекистана // Наука и образование сегодня. 2019. № 10 (45). С. 19–21.

¹² Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. И-1. Оп. 32. Д. 136. Л. 7–11.

¹³ Васильев Д. В. К истории образования Туркестанского генерал-губернаторства (1864–1867 гг.) // Военно-исторический журнал. 2017. 28 октября. URL: <http://history.milportal.ru/k-istorii-obrazovaniya-turkestanskogo-general-gubernatorstva-1864-1867-gg/> (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁴ НАУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 136. Л. 7–11.

Работа по изучению Туркестанской области шла медленно, ее тормозили политическая нестабильность и волнения в крае, поэтому двух лет, отведенных на экспедицию, оказалось недостаточно. Через два года экспедиция запросила продолжение изыскательных работ минимум на полгода. Государственный совет в департаменте государственной экономии запрос удовлетворил и распорядился о выделении для этих целей дополнительных средств¹⁵.

В конце 1867 г. Н. А. Северцов подает прошение на имя К. П. Кауфмана о переводе его из сверхштатных чиновников особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе в чиновники особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе¹⁶. Буквально сразу после перевода Н. А. Северцова в аппарат туркестанского генерал-губернатора, в начале 1868 г., он просит К. П. Кауфмана командировать его в Петербург для представления собранных экспедицией научных результатов Главному штабу и Императорскому русскому географическому обществу. Согласно рапорту, он в разных научных организациях, преимущественно в петербургском Географическом обществе и московском Обществе любителей естествознания, собирался запрашивать дальнейших инструкций для продолжения научных работ в своей новой должности при К. П. Кауфмане и вообще указания для организации постоянных исследований малоизученной природы Туркестанского края. В своей резолюции К. П. Кауфман, заинтересованный в получении практических результатов работы экспедиции, удовлетворил и эту просьбу Н. А. Северцова, а также одобрил ему двойные прогонные на проезд в Петербург¹⁷.

Таким образом, данная экспедиция положила начало геологическим изысканиям в Туркестанском крае. А после образования Туркестанского генерал-губернаторства в его штат с августа 1868 г. было введено два горных инженера, из них один именовался старшим чиновником особых поручений по горной части, а другой — младшим. Первым старшим чиновником при Туркестанском генерал-губернаторе стал А. С. Татаринов, занимавшийся разработкой каменного угля в Туркестанской области.

В 1869 г. именно А. С. Татаринов открыл Ленгерское месторождение угля в Чимкентском уезде. Позже он отмечал, что разработка велась вслепую и неоднократно прерывалась или прекращалась полностью из-за исчезновения пластов. Ввиду того что А. С. Татаринов об этом нюансе писал позже, месторождение было признано крупным и перспективным и на разработку данного месторождения были выделены средства из казны. Фактически вплоть до 1872 г. все усилия К. П. Кауфмана были направлены на финансирование изыскательных работ по поиску новых месторождений каменного угля и золота.

В июле 1872 г. А. С. Татаринова сменил горный инженер К. В. Гилев, прибывший с Кавказа. Службу в Туркестанском крае на новой должности он начал со сбора сведений о состоянии горной промышленности в Туркестанском крае. Соответствующий отчет был представлен им в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора. Из отчета следовало, что горных заводов к 1872 г. в Туркестанском крае так и не появилось, однако имелись три каменноугольных копи:

1) казенная, Татариновская, в хребте Кара-Тау в 200 верстах на северо-восток от Ташкента. В 1872 г. здесь было добыто 900 пудов каменного угля. Работой на копи

¹⁵ НАУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 34. Л. 2–7.

¹⁶ Там же. Оп. 33. Д. 514. Л. 1.

¹⁷ Там же. Оп. 32. Д. 436. Л. 1–2.

ежедневно было занято от 12 до 50 рабочих. Главная работа 1872 г. заключалась в пробивке штольни и буровой скважины, а также в постройке дома;

2) частная, принадлежащая полковнику Фавицкому. Находилась в 40 верстах на юго-восток от Ходжента или в 180 верстах от Ташкента. В 1872 г. здесь было добыто около 50 000 пудов каменного угля, рабочих (киргизы) задействовано от 12 до 25 человек в сутки;

3) частная, Карамкульская, принадлежала почетному гражданину Первушину, в восьми верстах на юг от Ходжакента, верстах в 80 на северо-восток от Ташкента. В течение 8 месяцев 1872 г. угля здесь было добыто 46 500 пудов и задействовано в среднем 28 человек рабочих в сутки. Но с ноября 1872 г. работы на этой копи остановлены за прекращением пласта вследствие сдвига. По этой причине Первушиным в том же году производилось бурение скважин в поисках каменноугольных пластов. Такой пласт со слабым наклоном был обнаружен в окрестностях Ходжикента и Кумсана по реке Угам. На этих работах было занято около 18 человек в сутки.

Золотой прииск в Туркестанском крае имелся лишь один; принадлежал он наследнику коммерции советника Кузнецова И. Кузнецову; находился на урочище Кызыл-Тагай по реке Тенкен-Су, впадающей в озеро Ала-Куль в Семиреченской области. Здесь в течение лета 1872 г. шла опытная промывка по американскому способу. Добыто 2 фунта $10 \frac{3}{4}$ золотника, содержание промытых песков — от 20 до 24 долей в 100 пудах. Точного количества промытых песков не указывается за неполучением сведений. В одной кубической сажени заложеного пласта песку 500 пудов, остальное — валуны. Рабочих задействовано до 30 человек в сутки¹⁸.

Таким образом, произведенная К. В. Гилевым ревизия по состоянию горнодобывающей промышленности выявила слабое ее развитие. Позже, в 1874 г., он весьма резко высказался по этому поводу, заявив, что развивающаяся с 1867 г. в Туркестанском крае частная горная промышленность породила «много вопросов, имеющих весьма серьезное значение и в смысле научном и по отношению к практической горнопромышленной технике. Известное мне добывание в крае каменного угля в количестве нескольких десятков тысяч пудов и золота в количестве двух фунтов нельзя назвать развитием частной горной промышленности»¹⁹.

В своем рапорте на имя туркестанского генерал-губернатора К. В. Гилев отмечает, что Туркестанский край как никогда нуждается в топливе, а сохранение деревьев весьма желательно. Он отмечал, что поверхностное знакомство с геологическим строением края подает надежду на открытие «благонадежных пластов» каменного угля вблизи населенных пунктов. Поэтому, по его мнению, существует необходимость начать исследования каменноугольной формации вблизи не только Ташкента, но и Верного. При этом он настаивал, что затягивание с решением этого вопроса может печально отозваться в будущем²⁰.

С целью улучшения организации геологических исследований К. В. Гилев обратился к профессору Горного института Еремееву с просьбой рекомендовать горного инженера, специально занимающегося геологией и обещающего добросовестно относиться к делу, на место одного из младших чиновников особых поручений по горной части Туркестанского генерал-губернаторства. Выбор пал на молодого

¹⁸ Там же. Оп. 35. Д. 8. Л. 33.

¹⁹ Там же. Оп. 15. Д. 144. Л. 61.

²⁰ Там же. Л. 1–6.

горного инженера И. В. Мушкетова, изучающего каменноугольные копи на Урале. После получения его согласия занять предложенное ему место К. В. Гилев обратился к К. П. Кауфману с просьбой ходатайствовать перед министром финансов о назначении горного инженера И. В. Мушкетова на место младшего чиновника особых поручений по горной части при Туркестанском генерал-губернаторе²¹. Поскольку К. П. Кауфман находился в это время в Хивинском походе, а его должность исполнял генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский, то он и направил 31 июля 1873 г. министру финансов М. Х. Рейтерну означенное ходатайство.

Извещение из Горного департамента о своем назначении в Туркестанский край И. В. Мушкетов получил в начале октября 1873 г.²² Находящийся в это время в Петербурге К. П. Кауфман встретился с ним и порекомендовал ему ехать в Ташкент через Сибирь, чтобы познакомиться по пути с алтайскими месторождениями свинца и серебра и особенностями геологического строения северо-восточного Туркестана. Выполняя рекомендации К. П. Кауфмана, И. В. Мушкетов выехал из Петербурга в конце декабря 1873 г., а до Ташкента он добрался только в середине марта 1874 г.²³ Приехав в Ташкент, он в тот же день встретился с К. В. Гилевым и вступил в должность. Ему было поручено в первую очередь заняться поисками залежей каменного угля в районах, прилегающих к Ташкенту.

Одновременно с назначением И. В. Мушкетова К. В. Гилев обратился с предложением изучить Туркестанский край еще к двум ведущим специалистам по геологии: Г. В. Абиху, занимавшемуся изучением Кавказа, и профессору Горного института Г. Д. Романовскому. Первый, сославшись на занятость, предложение К. В. Гилева не принял, а вот Г. Д. Романовский изъявил желание отправиться из Петербурга в Туркестанский край на шесть месяцев для детального геологического исследования окрестностей городов Ташкента и Верного²⁴.

После изучения состояния горного дела Туркестанского края и согласования с туркестанским генерал-губернатором назначения новых научных кадров по горной части К. В. Гилев принимает решение о прекращении работы на нерентабельных каменноугольных копиях. В своем рапорте на имя К. П. Кауфмана он указывал, что производимые работы на Татаринской копи не оправдывают затрачиваемых на них денег, поэтому он «покорнейше просит разрешения прекратить совсем производство работ по Татаринской копи». К. В. Гилев считал, что в этой копи более нет угля, однако допускал, что там еще есть громадные его запасы, но запасы неисследованные, поэтому и рациональной добычи не может быть. При этом он предлагает К. П. Кауфману сделать основной акцент на разведке месторождения каменного угля Фавицкого, находящегося по реке Угам всего в 100 верстах от Ташкента²⁵. Себестоимость этого угля им определяется в 40 копеек за пуд, т. е. ниже, чем уголь с Татаринской копи, и это еще до начала его промышленной добычи. В резолюции К. П. Кауфмана на этом документе значилось: «С мнением согласен и предоставляю ст. сов. Гилеву действовать в этом случае, относительно продолжения или прекращения работ

²¹ И. В. Мушкетов: сборник документов. С. 18–19.

²² НАУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6182. Л. 3.

²³ *Басков Е. А.* Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902) / отв. ред. А. П. Марковский; АН СССР. Л., 1986. С. 78.

²⁴ НАУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 144. Л. 1–6.

²⁵ Там же. Л. 8–10.

на Татариновской копи, по ближайшему его усмотрению. Прошу следить за ходом работ по изучению Угамской частной копи и рекомендую Гилеву частные поездки на копь Фавицкого».

Намерение К. В. Гилева, а вслед за ним и К. П. Кауфмана в отношении предстоящих исследований в Туркестанском крае с привлечением Г. Д. Романовского заключались в выяснении запасов, находящихся к востоку от Ходжента, Ташкента и к югу от Чимкента месторождений каменного угля, а также рентабельности его добычи. Г. Д. Романовский при этом заявил, что он постарается себя поставить вне советов местных научных деятелей для определения общего геологического характера страны²⁶. От приглашенного Г. Д. Романовского ожидалось составление программы дальнейшего изучения геологической природы Русского Туркестана, выяснение нужд горнопромышленного дела в крае и направление существующих работ к их наилучшему удовлетворению.

К. В. Гилев предложил И. В. Мушкетову объединить свою работу с Г. Д. Романовским. Совместно они исследовали верховья реки Угам, где осмотрели небольшое угольное месторождение Кызыл-Тал, затем побывали на Татариновской копи и подтвердили заключение Гилева о нецелесообразности дальнейшего ведения здесь разведочных работ. В долине Темерчи ими было обследовано месторождение свинцово-цинковых руд²⁷. Позже они побывали в Самарканде, в долинах Эмане, Тенг-баш, Кокине-Сай, посетили Монгол-тау у Ходжента (Ленинабада), осмотрели месторождения каменной соли в горах Ак-чеку и месторождения свинца и бирюзы в горах близ ст. Мурзерабата, а также совершили несколько экскурсий в долину реки Келеса. Вернувшись в Ташкент, Г. Д. Романовский подал рапорт К. П. Кауфману, в котором отмечал, что имеющиеся в Туркестанском крае каменноугольные месторождения не могут быть предметом промышленной добычи угля и не смогут заменить древесного топлива. Он также указывал на то, что изыскательные работы необходимо начать в других местностях. Позже Г. Д. Романовский представил перспективный прогноз месторождений каменного угля в Туркестане, который настолько воодушевил К. П. Кауфмана, что тот предложил Г. Д. Романовскому оставить работу в Горном институте и продолжить изучение Туркестанского края в течение четырех лет. Предложение было принято.

С этого времени исследования Туркестанского края заметно активизировались. В них принимали участие Н. А. Северцов, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский. На протяжении восьми лет ими были исследованы практически все отдаленные местности Туркестанского края. Несмотря на научные споры между учеными, все это время К. П. Кауфмана не покидал оптимизм, он всячески содействовал научным изысканиям, испрашивал помощи у чиновников, выделял деньги. При нем число младших чиновников по горной части было увеличено до трех.

К этому времени вопрос о геологических богатствах Туркестана вышел за пределы канцелярской переписки и начал широко освещаться в прессе. Тогда же впервые было озвучено мнение, что здешние местности по обилию и громадности старых выработок, по многочисленным старым рудникам и по горам шлака можно сравнить лишь с Англией или Бельгией. Высказывалась также мысль, что Туркестан со временем может стать вторым Уралом. Научным изысканиям в крае оказывалась всяческая поддержка. Так, при геологическом исследовании в Сырдарьинской и Семиреченской областях, а также в Кульджинском районе в течение лета 1875 г. И. В. Мушкетову

²⁶ Там же. Л. 23–24.

²⁷ Г. Д. Романовский: сборник документов. С. 52–56.

оказывалось «самое обширное содействие», даже выделялся конвой из казаков, а уездным начальникам предписывалось принимать собранные ученым коллекции и отправлять их в химическую лабораторию²⁸.

После обнаружения угля в Ходженском уезде в 1876 г. Северцов подал на имя К. П. Кауфмана записку, в которой высказывал соображения об экономическом значении и условиях выгодной разработки этого месторождения. Он также просил генерал-губернатора о награждении ходженских жителей, муллы Сангина-Авы-Баделя и Азиза Сафиджанова, указавших это месторождение, а также месторождения других полезных минералов: медных, железных, свинцовых руд и каменной соли. «По важности этих указаний, преимущественно же каменного угля, и для поощрения прочих жителей к подобным указаниям, особенно же принимая в расчет, что сарты вообще охотнее скрывают месторождения минералов и недружелюбны к указывающим их, не могут не признать упомянутых муллу Сангина и Азиза достойными серебрянных медалей за усердие при открытии угля и халатов 3-го разряда за указание прочих руд»²⁹. К. П. Кауфман согласился с этим предложением.

В 1876 г. Н. А. Северцов по итогам исследования Ферганской долины и Памира подал докладную записку К. П. Кауфману. Последний наложил на нее следующую резолюцию: «Исследование Памира составляет мою давнишнюю мечту. Я откладывал исполнение сего предположения по необходимости. Теперь, когда долина Ферганы в наших руках, это предположение возможно. Прежде, однако, надо получить убеждение в полном успокоении горного населения между долиною и плоскогорьем Памира. Этим временем следует воспользоваться для исследования, по возможности во всех отношениях, долины, с которой мы мало знакомы. Прошу доктора Северцова составить ныне подробную смету расходов, разделив ее на две части: 1. Исследование Ферганской области и 2. Экспедиция на Памир»³⁰.

При исследовании нефтяных месторождений в Ферганской области в 1877 г. И. В. Мушкетову по приказу Кауфмана военное руководство Ферганской области также оказывало всяческое содействие³¹.

Похоже, К. П. Кауфман безмерно верил в перспективность использования природных богатств края на благо империи. Когда в конце 1877 г. министр государственных имуществ П. А. Валуев сообщил об утверждении И. В. Мушкетова адъютантом Горного института, П. К. Кауфман, не желая его отпускать, просил хотя бы на лето 1878 и 1879 гг. освободить И. В. Мушкетова от службы в институте для продолжения работы в крае. Летом 1878 г. Мушкетов исследовал Нарынское укрепление. А приехав в край в 1879 г., принял участие в экспедиции великого князя Николая Константиновича и, согласно рапорту К. В. Гилева, не занимался теми геологическими исследованиями, незаконченность которых и вызвала приглашение его в Туркестанский край. При этом все это время за ним сохранялось место младшего чиновника особых поручений по горной части. В связи с этим К. В. Гилев ходатайствовал об отстранении И. В. Мушкетова от должности и принятии на его место горного инженера Д. Л. Иванова. К. П. Кауфман эту просьбу удовлетворил³².

²⁸ НАУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 192. Л. 7.

²⁹ Там же. Оп. 32. Д. 455. Л. 1–8.

³⁰ Там же. Оп. 20. Д. 6182. Л. 3.

³¹ Там же. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.

³² Там же. Оп. 32. Д. 378. Л. 13–14.

Спустя две недели уже Д. Л. Иванов подает докладную записку на имя К. П. Кауфмана, в которой описывает все заслуги и вклад в сборе фактологического материала его предшественника — И. В. Мушкетова. Более того, Д. Л. Иванов полагал, что лучше И. В. Мушкетова никто не сможет сделать выводов по собранному им материалу и просил К. П. Кауфмана пересмотреть его решение об увольнении И. В. Мушкетова. Генерал-губернатор согласился обсудить вопрос с К. В. Гилевым и Д. Л. Ивановым³³. Это была последняя попытка К. П. Кауфмана реанимировать геологическое изучение края, однако и И. В. Мушкетов, и Г. Д. Романовский после восьмилетнего изучения края вынесли свой вердикт: Туркестан малоинтересен в горнопромышленном отношении. Все это надолго охладило интерес к региону, бедному полезными ископаемыми.

22 августа 1882 г. (после смерти К. П. Кауфмана) должность старшего чиновника особых поручений по горной части в Туркестанском крае и вовсе была упразднена, а младшие чиновники были переименованы в чиновников по горной части при генерал-губернаторе, из которых был образован временный горный комитет под председательством Д. Л. Иванова. В 1883 г. уже при генерал-губернаторе М. Г. Черняеве имелось только два горных инженера, при чем Д. Л. Иванов был оставлен за штатом. В марте 1884 г. была сделана первая попытка организации в Ташкенте среднеазиатского горного промышленного товарищества, но оно существовало только на бумаге.

В 1895 г. образовался Туркестанский горный округ, подведомственный Министерству торговли и промышленности. В состав округа входили Сырдарьинская, Ферганская и Самаркандская области. Но никаких серьезных научных исследований уже не велось.

Оживление горноразведочной деятельности снова началось лишь в 1898–1899 гг., когда были основаны два иностранных акционерных общества: одно для разработки медных руд на Сырдарье, другое для разработки каменного угля близ селения Учкурган. Тогда же было открыто месторождение самородной меди по реке Сырдарье и месторождение ванадиевых и урановых руд в Маргеланском уезде, которые позже получили мировую известность³⁴. Но исследование этих месторождений пришлось уже на XX в.

Заключение. Завоевание Россией Средней Азии, помимо прочего, ставило перед ней задачу оптимально использовать имеющиеся в крае природные ресурсы. Стратегические перспективы региона и отсутствие адекватной транспортной инфраструктуры для связи с империей, безусловно, выдвигали на первый план его геологическое изучение. В первые годы после завоевания существенный вклад в изучение естественных богатств края внесли многочисленные научные экспедиции, организованные Императорским русским географическим обществом и Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В этот период благодаря усилиям именно К. П. Кауфмана работы по геологическому изучению края фактически встали в один ряд с административными и политическими вопросами. Особое внимание уделялось поиску новых месторождений каменного угля и золота. Однако проведенные восьмилетние исследования доказали бесперспективность Туркестана в этом отношении, что надолго охладило интерес

³³ Там же. Л. 16–22.

³⁴ Назаров П. С. Указ. соч. С. 306–317.

к краю. А с 1882 г., после смерти К. П. Кауфмана, все работы по изучению природных богатств Туркестанского края были прекращены. Правда, в марте 1884 г. была предпринята попытка организации в Ташкенте Среднеазиатского горного промышленного товарищества, но оно существовало только на бумаге. А образованный в 1895 г. Туркестанский горный округ, состоявший в ведомстве Министерства торговли и промышленности, серьезных научных исследований не проводил.

Литература

1. Басков Е. А. Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902) / отв. ред. А. П. Марковский; АН СССР. Л.: Наука, 1986. 224 с.
2. Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия древнего Илака. V – начало XIII века. М.: Наука, 1974. 141 с.
3. Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент: АН УзССР, 1953. 74 с.
4. Сайидова М. Г. Истоки горнодобывающего и перерабатывающего производства на территории Узбекистана // Наука и образование сегодня. 2019. № 10 (45). С. 19–21.
5. Тураева С. Р. Архивные документы как источник изучения истории горного дела Узбекистана (XVI–XX вв.) // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 255–262.

References

1. Baskov E. A. Ivan Vasil'evich Mushketov (1850–1902) [Ivan Vasilyevich Mushketov (1850–1902)] / otv. red. A. P. Markovskii; AN SSSR. Leningrad: Nauka, 1986. 224 p. (In Russ.).
2. Buryakov Yu. F. Gornoe delo i metallurgiiia drevnego Ilaka. V – nachalo XIII veka [Mining and metallurgy of ancient Ilak. Vth – early XIIIth century]. Moscow: Nauka, 1974. 141 p. (In Russ.).
3. Masson M. E. K istorii gornogo dela na territorii Uzbekistana [To the history of mining on the territory of Uzbekistan]. Tashkent: AN UzSSR, 1953. 74 p. (In Russ.).
4. Saiidova M. G. Istoki gornodobyvaiushchego i pererabatyvaiushchego proizvodstva na territorii Uzbekistana [Origins of mining and processing industry in Uzbekistan] // Nauka i obrazovanie segodnia. 2019. № 10 (45). P. 19–21. (In Russ.).
5. Turaeva S. R. Arkhivnye dokumenty kak istochnik izucheniia istorii gornogo dela Uzbekistana (XVI–XX vv.) [Archive documents as a source to study history of the mining in Uzbekistan (XVIth – XXth centuries)] // Voprosy Istorii. 2020. № 4. P. 255–262. (In Russ.).

УДК 94 (47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.04

Мазаев Никита Андреевич

магистрант

Высшая школа экономики

Москва, Россия

Mazaev-nikita14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0615-8987

Васильев Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

ПРОБЛЕМЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК ХЛОПКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Развитие железнодорожного строительства в центральноазиатских владениях Российской империи рассматривается в историографии как причина модернизационных изменений во всех сферах жизни региона, включая и хлопковое дело. Не отрицая колоссального влияния этого фактора, авторы стремятся продемонстрировать, что функционирование железных дорог в Русском Туркестане имело не только положительные, но и отрицательные, проблемные стороны, которые прямо препятствовали дальнейшему росту хлопководства. Нерешенность многих проблем позволяет поставить под вопрос наличие у Российской империи четкой, последовательной, целенаправленной политики по развитию указанной отрасли сельского хозяйства. Сложность, а нередко рассогласованность взаимодействия между представителями различных ведомств и чиновниками приводила к тому, что инициативы по решению проблем, появившиеся как у центральной, так и у местной власти, не получали дальнейшего развития.

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, хлопководство, хлопок, железные дороги, железнодорожное строительство.

UDC 94 (47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.04

Mazaev Nikita A.

undergraduate student

Higher School of Economics

Moscow, Russia

Mazaev-nikita14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0615-8987

Vasiliev Dmitry V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

PROBLEMS OF RAILWAY TRANSPORTATION OF COTTON IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The development of railway construction in the Central Asian possessions of the Russian Empire is considered in historiography as the cause of modernization changes in all spheres of life in the region, including the cotton business. Without denying the enormous influence of this factor, the author seeks to demonstrate that the functioning of railways in Russian Turkestan had not only positive, but also negative, problematic sides that directly hindered the further growth of cotton growing. The unresolved nature of many of that makes it possible to question whether the Russian Empire has a clear, consistent, purposeful policy for the development of this branch of agriculture. The complexity and, often, inconsistency of interaction between representatives of various departments and officials led to the fact that initiatives to solve problems that appeared both in the central and local authorities did not receive further development.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, cotton growing, cotton, railways, railway construction.

Введение. Причины развития хлопкового дела в русском Туркестане часто привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. Ученые разных поколений в подавляющем большинстве сходятся во мнении, что одним из ключевых факторов, способствовавших стремительному становлению хлопкового дела в этом регионе, было проведение железных дорог сначала от Каспийского побережья к Самарканду и затем к Ташкенту, а в дальнейшем и от Оренбурга к Ташкенту¹.

¹ Алимджанов Б. А. История торговли между Персией и Россией через Туркестанское генерал-губернаторство (начало XX в.) // Мавродинские чтения 2018 / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 337–340; Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; Брежнева С. Н., Богданова О. А. «Белое золото» Туркестанского генерал-губернаторства (попытки решения проблем хлопководства в начале XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (45). С. 45–60; Бочкарева И. Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 5 (109). С. 33–38; Бочкарева И. Б., Чекрыжова О. И. Оценка эффективности железных дорог в Центральной Азии как экономического института (конец XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического

Безусловно, стабилизация и сокращение времени транспортировки различных грузов, включая хлопок, стали катализатором модернизационных процессов в Центральной Азии. Так, начиная с 1888 г. (года завершения строительства ветки Закаспийской железной дороги до Самарканда) отмечалось значительное увеличение посевных площадей под хлопком, его урожая и вывоза. Этому способствовало и льготное налогообложение этой сельскохозяйственной культуры. Но, несмотря на такую, казалось бы, идиллическую ситуацию, в начале XX в. все чаще раздавались голоса чиновников как местных, так и общеимперских институтов власти, которые были недовольны существующими условиями перевозки хлопка по железным дорогам Российской империи. По мнению многих из них, некоторые особенности процесса транспортировки (способы погрузки и перевозки, тарифная и категориальная разница перевозок на окраинных и внутренних территориях и т. д.) представляли собой препятствие для дальнейшего развития хлопкового дела. Эти и подобные проблемы рождают ряд исследовательских вопросов, а именно: развитие хлопководства в контексте функционирования железных дорог в Туркестане в начале XX в.; проведение железных дорог в регион как один из шагов последовательной политики Российской империи по развитию хлопкового дела и создания собственного источника этого сырья; формирование ясной, логичной единой системы использования центральноазиатских земель для развития хлопководства. Обращение к ним и попытка ответа на них поможет взглянуть по-новому на экономику Русского Туркестана, а также создать перспективу исследований, составной частью которых станет не столько анализ большого имперского (или иного) нарратива, сколько исследование непосредственного взаимодействия завоевателей и завоеванных. Это, в свою очередь, может внести вклад в современные рефлексии и понимание характера колониальных отношений в Русском Туркестане.

Немецкая исследовательница Юлия Обертрайс отметила, что немецкая историография в последние годы обратила свое внимание на взаимоотношения между властью и инфраструктурой. Говоря об ирригации, она подчеркнула, что устаревшее функционирование оросительных систем региона, коррумпированные чиновники, нерациональное и чрезмерное использование ресурсов могли приводить к делегитимации власти в конкретном регионе². Под грузом нерешенных проблем подобного рода управленческие структуры в глазах местного населения могли потерять свой авторитет. Взгляд на проблему, предложенный Ю. Обертрайс, представляется применимым и к проблемам функционирования железных дорог. Однако следует подчеркнуть, что в рамках данной статьи фокус исследования несколько смещен с восприятия власти

университета. 2022. № 1 (41). С. 86–97; Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Закаспийская железная дорога как фактор региональной политики Российской империи в Центральной Азии (по материалам прессы) // *Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона*. Барнаул, 2020. С. 14–23; Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. М., 2010; Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д. Г. Янченко и др.; отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб., 2021; Morrison A. Russian rule in Samarkand, 1868–1910: a comparison with British India. Oxford, 2008; *Idem*. The Russian conquest of Central Asia: a study in imperial expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021; Penati B. The cotton boom and the land tax in Russian Turkestan (1880s – 1915) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14. № 4. P. 741–774; Sahadeo J. Russian colonial society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2010.

² Obertreis J. Imperial desert dreams: cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen, 2017. P. 43.

местными жителями на нерешенность инфраструктурных проблем как фактор репрезентации власти.

В контексте связи развития хлопкового дела и железнодорожного строительства также важно упомянуть работу М. А. Давыдова. В разделе об азиатской России он обратил внимание на то, что фабриканты до 1906 г. предпочитали не покупать хлопок непосредственно в Туркестане, поскольку они могли получить продукт худшего качества или вовсе не тот. Еще одной немаловажной причиной были потери при транспортировке во внутренние губернии³. Вместе с этим он заметил, что существовавшие железнодорожные тарифы давали преимущество прямым отправлениям хлопка в районы потребления. Само утверждение представляется теоретически верным, однако обращение к практической стороне функционирования поездов прямого назначения показывает всю сложность существовавшей ситуации. Возможность составить поезд прямого следования из Туркестана до фабричных районов появлялась далеко не всегда, многие вагоны с хлопком нередко включались в обычный грузовой состав. Эти и другие особенности будут рассмотрены далее. Одним из факторов, повлиявших на предпочтение отечественными производителями туркестанского хлопка иностранному, М. А. Давыдов назвал объявление красноводских складов каспийских пароходств завозными⁴. Это, по его словам, привело к удешевлению транспортировки хлопка во внутренние губернии. Однако общая польза функционирования таких складов осталась нераскрытой, так как автор ограничился констатацией установленного факта и не привел аргументов со ссылкой на первичные или вторичные источники по этому вопросу. Таким образом, оценивая преимущества завозных складов, важно обратить внимание на условия хранения сырья в их помещениях и качество конечного продукта, который могли получить фабриканты.

Одной из последних работ по этой проблематике является книга Н. А. Магазинера. Она непосредственно посвящена проблематике железнодорожного строительства в Русском Туркестане. Во введении автор безличным предложением сделал весьма спорное заявление о том, что есть большая вероятность того, что именно торгово-промышленные круги Российской империи стали причиной продвижения вглубь Центральной Азии⁵. В разделе «Изменения в промышленности и сельском хозяйстве» он попытался рассмотреть становление хлопководства в контексте железнодорожного строительства⁶, но при этом само содержание раздела больше похоже на общий очерк развития хлопкового дела. Влияние же функционирования железных дорог осталось невыясненным. Спорным представляется и заявление Н. А. Магазинера о том, что развитие хлопководства в Туркестане привело к тому, что империя смогла практически полностью перейти на отечественный хлопок⁷. Имперская статистика того времени показывала, что в период наибольшего вывоза туркестанского хлопка во внутренние губернии государства он покрывал промышленные потребности лишь наполовину.

³ Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. СПб., 2016. С. 745.

⁴ Там же. С. 746.

⁵ Магазинер Н. А. Бросок на юг: железнодорожная экспансия России в Туркестане (конец XIX – начало XX века). СПб., 2022. С. 11.

⁶ Там же. С. 513.

⁷ Там же. С. 519.

Таким образом, анализ историографической ситуации по исследуемому вопросу демонстрирует важность и необходимость изучения проблемы связи железнодорожного строительства и развития хлопководства.

Ход и результаты исследования. Одним из учреждений, выразивших неудовлетворенность от существовавшей практики функционирования железных дорог, был Кокандский биржевой комитет. В 1907 г. его служащие отметили, что, несмотря на установление в Ферганской области железнодорожного сообщения, этот регион все равно испытывал трудности с грузовыми и пассажирскими перевозками. Особенно они подчеркнули задержки в погрузке и отправлении хлопка: по их словам, в сезон уборки урожая на станциях скапливалось такое его количество, что невозможно было даже приблизительно понять, когда его смогут увезти⁸. Проблемой было и складирование хлопка под открытым небом, ведь палящее солнце, поднимающаяся пыль, любая непогода причиняли серьезный ущерб качеству сырья. Более того, они отметили, что с самого начала своей деятельности железнодорожный вопрос был одним из самых животрепещущих, а потому им приходилось обращать на него особое внимание. Так, в связи с последствиями Русско-японской войны, общей политической ситуацией, а также транспортировкой железнодорожными составами хлеба в неурожайные области на станциях Фергана и Ходжент «получились громадные залежи хлопка... достигшие в начале января 1907 г. солидной цифры 3707 вагонов, на общую сумму приблизительно 20 миллионов рублей»⁹. А в марте 1907 г. из-за забастовочного движения в Красновожде скопилось множество тюков хлопка на сумму около 10 миллионов рублей¹⁰. Озабоченность биржевого комитета подкреплялась и тем, что центральный промышленный район Российской империи испытывал серьезную необходимость в постоянной и бесперебойной поставке хлопка. Заключенные контракты на поставку этой культуры грозили быть сорванными, что привело бы к финансовым потерям обеих сторон и, более того, негативно сказалось бы как на репутации, так и на перспективах развития отечественного хлопководства¹¹. Именно поэтому служащие комитета обратились с просьбой о срочной помощи к министерствам торговли и промышленности, путей сообщения, а также к своим коллегам из Москвы и Санкт-Петербурга. И только к концу января 1907 г. удалось несколько выправить ситуацию¹².

Другой не менее важной проблемой было техническое оснащение станций. Недостаток необходимых погрузочных устройств серьезно сказывался на пропускных возможностях железных дорог края. Так, комментируя все ту же ситуацию с переизбытком грузов в конце 1906 – начале 1907 г., служащие биржи отметили низкую эффективность станции Ташкент вследствие ее неудовлетворительной технической

⁸ Доклад Кокандского биржевого комитета общему собранию за время с 16 ноября 1906 г. по 1 января 1908 г. Коканд, 1908. С. 14.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Подтверждение сложности возникшей ситуации отразилось и в материалах Московского порайонного комитета. В том же году его служащие отметили, что приток среднеазиатского хлопка в Московский промышленный район упал настолько, что если бы не удалось выправить ситуацию, то следовало ожидать серьезного хлопкового кризиса со всеми нежелательными последствиями (см.: Московский порайонный комитет по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам. Отчет за 1907 г. М., 1908. С. 93).

¹² Доклад Кокандского биржевого комитета общему собранию... С. 15.

оснащенности. Именно на этой станции осуществлялась сортировка грузов между Среднеазиатской и Ташкентской железными дорогами. По словам членов биржевого комитета, дело доходило до необходимости приостановки приема новых грузов на станции, для того чтобы освободить для них место от чрезмерного скопления старых¹³. На одном из заседаний комитета в 1909 г. прозвучало предложение об ограничении допустимого приема подвозимого на станции хлопка в размере 40 000 пудов в сутки, поскольку именно такое количество можно было отправить по железной дороге, не прибегая при этом к ограничению приема новых грузов или даже временного закрытия станции¹⁴.

В 1907 г. служащий Кокандского биржевого комитета И. И. Аигин представлял свое учреждение на заседаниях в Восточном порайонном комитете и обратил внимание присутствовавших на недостаточную развитость станции Ташкент. При этом он получил ответ, согласно которому эта действовавшая станция будет специально сведена к пассажирскому формату, а товарная станция будет перенесена на старое, первоначальное ее место, где только предполагалось устроить все принадлежности для погрузки, разгрузки, хранения товаров и еще только подвести пути¹⁵.

Предлагая пути решения насущных проблем, биржевой комитет как выразитель интересов торговых и промышленных сил края ходатайствовал об учреждении порайонных комитетов по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам. Эффективное функционирование путей сообщения требовало не только участия в них железнодорожных служащих, но и внедрения представителей упомянутых выше кругов¹⁶. Одним из предложенных ими путей решения проблемы с залежами грузов стало ходатайство в Восточный порайонный комитет и последовавшее выделение двух так называемых хлопковых поездов, шедших прямым транзитным путем из Ферганы в Москву, покрывая этот путь за 18 дней¹⁷. Эта мера должна была способствовать стабилизации снабжения фабрик центрального промышленного района империи. Важность этих поездов вновь стала актуальной в 1908 г.¹⁸. А в 1912 г. предлагалось отправлять все вагоны прямого сообщения из крайнего пункта Среднеазиатской железной дороги — Андижана. Такая мера должна была не только способствовать упрощению сообщения между Москвой, Петербургом, Лодзью и Туркестаном, но и даже решать местные проблемы сообщения между Ташкентом и Андижаном¹⁹.

Время доставки хлопка до места назначения на этих сквозных поездах было значительно меньше, чем в том случае, когда вагон с хлопком прикреплялся к простому грузовому составу. В 1909 г. служащие комитета обратили внимание на это и подчеркнули необходимость составления поездов только из вагонов хлопка, что исключило бы необходимость их остановки в тех районах, где хлопок не обрабатывался, а соответственно, и не находился заказчик. Однако они же заметили, что такая мера была

¹³ Доклад Кокандского биржевого комитета общему собранию... С. 15.

¹⁴ Кокандский биржевой комитет 1909 г. Коканд, 1910. С. 121.

¹⁵ (КОНВОЛЮТ) Восточный порайонный комитет по регулированию перевозок массовых грузов по железным дорогам. Журнал первого заседания комитета с 10 по 13 февраля 1907 г. Самара, [1907]. С. 24.

¹⁶ Доклад Кокандского биржевого комитета общему собранию... С. 15–16.

¹⁷ Там же. С. 16–17.

¹⁸ Кокандский биржевой комитет 1908 г. М., 1911. С. 35.

¹⁹ Кокандский биржевой комитет 1912 г. Коканд, 1913. С. 117.

труднодостижима, потому что на станции отправления в Туркестане хлопок также доставлялся неравномерно.

Служащие биржевого комитета отмечали, что для обеспечения грузоперевозок у Среднеазиатской железной дороги не хватало крытых вагонов. А в 1913 г. в Министерстве путей сообщения заявили, что вопросы перевозки хлопка на открытых платформах носили теоретический характер, поскольку в этом учреждении не было известно об указаниях на эти трудности, их масштабы, а также на случаи отклонения железными дорогами претензий к качеству их работы²⁰. Это, в свою очередь, поднимало проблему взаимодействия по линии Министерства путей сообщения и конкретной железной дороги. Тем не менее вынесение вопроса транспортировки грузов упомянутым способом по железным дорогам Туркестана на обсуждение в Восточном порайонном комитете привело к тому, что на участке Оренбург – Ташкент удалось ввести полную ответственность дороги за перевозку. Но в направлении Красноводска положение дел осталось неизменным²¹. Однако с установлением полного наземного сообщения Туркестана с остальной частью империи перевозки хлопка по этой ветке несколько уменьшились, поскольку новое направление позволило сократить время транспортировки.

Использование крытых вагонов могло решить одну проблему, но создало бы другие. Так, Министерство путей сообщения намеревалось установить единую норму в 600 пудов для загрузки крытого вагона. Однако существовавшие в Туркестане возможности по спрессовке и загрузке хлопка позволяли осуществлять погрузку лишь 460 пудов хлопка в один вагон. Хотя служащие биржевого комитета и признали теоретически возможным предложение министерства, но подчеркнули, что это потребовало бы полного переоснащения туркестанских хлопкообрабатывающих заводов, что в краткосрочной перспективе было невозможно²². По этой причине в 1908 г. было достигнуто общее соглашение об установлении верхней границы прессовки в 500 пудов для крытого вагона как максимально доступной для оборудования всех заводов края²³. Однако нельзя сказать, что согласованное мнение членов биржевого комитета означало решение проблемы. Так, даже в 1912 г. сотрудники других инстанций настаивали на необходимости увеличения прессовки и загрузки хлопка в вагон. Председатель Восточного порайонного комитета Г. И. Лесинский во время своего приезда в Коканд и совещания в местном биржевом комитете настаивал на легкости перехода к более высокой нагрузке, по-видимому, не придавая серьезного значения аргументам местных чиновников²⁴.

В ходе заседания Кокандского биржевого комитета от 19–20 октября 1907 г. отдельно обсуждался вопрос улучшений в сфере транспортировки хлопка и продовольственных продуктов. Помимо признания необходимости увеличения пропускной способности обеих дорог и улучшения состояния станции Ташкент служащие пришли к заключению о важности проведения железной дороги в Наманган²⁵. Этот же вопрос

²⁰ Кокандский биржевой комитет 1913 г. Коканд, 1914 г. С. 172.

²¹ Доклад Кокандского биржевого комитета общему собранию... С. 17

²² Там же. С. 18–19.

²³ Кокандский биржевой комитет 1908 г. С. 44.

²⁴ Кокандский биржевой комитет 1912 г. С. 129.

²⁵ Протоколы заседаний Кокандского биржевого комитета от 23/24 сентября, 19/20 октября, 11 ноября 1907 г. Минск, 1908 г. С. 23.

поднимался и в 1908 г., а кроме него еще и вопрос о присоединении ветки Андижан – Черняево – Ташкент к Ташкентской железной дороге²⁶. В 1912 г. Туркестан посетил министр путей сообщения С. В. Рухлов. Поблагодарив его за внимание к нуждам края, сотрудники комитета все же отметили ряд проблем, которые требовали решения. Одной из них было строительство подъездных узкоколейных путей к главным железнодорожным магистралям края. Их строительство должно было способствовать упрощению доставки грузов на станции отправки, что было особенно важно в контексте упомянутых трудностей подвоза в осенний, зимний и весенний периоды. Кроме того, по их словам, развитие местной железнодорожной сети способствовало бы серьезному развитию местного сельского хозяйства и торговли²⁷.

Не менее серьезным вопросом было увеличение тарифа на перевозку хлопка. Служащие комитета в 1908 г. писали, что с 1 июля 1909 г. должно было вступить в силу повышение тарифа на хлопок (на 10 копеек), ввозимый из центральноазиатских владений во внутренние губернии²⁸. Этот шаг обосновывался тем, что предполагаемый негативный эффект был минимален. В целом проведение в жизнь подобной меры вновь подчеркивает важность обращения к общей имперской политике в отношении развития хлопководства и обнаруживает ее сложность, многосторонность и порой неоднозначность. Вряд ли введение нового тарифа можно назвать благоприятной мерой в отношении хлопководов и потребителей их продукции, ведь это неизбежно вело к увеличению затрат и первых, и вторых. К примеру, в обсуждениях повышения показателей прессы хлопка, упомянутых выше, затрагивалась и проблема повышения перевозного тарифа при увеличении повагонной загрузки хлопка. Служащие подчеркнули, что разница между тарифами не должна превышать 5 копеек на пуд, иначе это приведет к еще большему обнищанию местного населения²⁹.

Затрагивая тему постройки хлопкового завозного склада в Московском районе, служащие Кокандского биржевого комитета в 1910 г. дали положительную оценку динамике перевозок хлопка в империи. По их словам, массовые залежи хлопка уходили в прошлое, функционировало два пути перевозки этого сырья, проблемы с оформлением транспортных документов также уменьшились³⁰. Все эти достижения использовались как аргумент в пользу строительства хлопкового склада. Сравнивая зарубежную и отечественную практики транспортировки хлопка, они обратили внимание на то, что количество складов в Европе и Америке было большим, что позволяло создавать как региональные, так и зарубежные хлопковые рынки. В Российской империи на расстоянии более 2000 верст от Туркестана до столицы был лишь один склад — в Красноводске, находившемся практически в начале смешанного водно-наземного пути. В оренбургском направлении складов вовсе не было³¹. Таким образом, строительство складов, прежде всего рядом с Москвой, могло способствовать развитию хлопкового рынка империи. Уже в отчете за следующий год сообщалось, что было разрешено строительство помещений для хранения хлопка по Московской кольцевой дороге, а также возле Оренбурга³².

²⁶ Кокандский биржевой комитет 1908 г. С. 29.

²⁷ Кокандский биржевой комитет 1912 г. С. 111–112.

²⁸ Кокандский биржевой комитет 1908 г. С. 22.

²⁹ Там же. С. 45

³⁰ Кокандский биржевой комитет 1910 г. С. 61–62.

³¹ Там же. С. 63–64.

³² Кокандский биржевой комитет 1912 г. С. 112.

Однако ввод в эксплуатацию этих складов в 1913 г. обнаружил недовольство членов Кокандского биржевого комитета их функционированием. Так, по их словам, открытые при Московской окружной дороге завозные склады способствовали уклонению хлопкового груза от прямого пути следования до фабричных производств. Это, в свою очередь, вело к увеличению затрат, поскольку уклонение с этого пути вместе с завозом хлопка на Московскую окружную дорогу вело к необходимости уплаты до трех копеек с пуда хлопка. Явно жалуясь на московских железнодорожников и, вероятно, драматизируя ситуацию, служащие комитета заметили, что доплачивать приходилось не только по факту движения по этой дороге, но и при пересечении ее путей или даже нахождении рядом³³. Из их слов можно сделать вывод, что сам факт учреждения завозных складов, безусловно, положительный. Тем не менее их создание должно было соответствовать как минимум двум условиям — близости к рынкам сбыта и отсутствию необходимости уклонения с наиболее выгодного пути следования. Случай с функционированием московского склада показал, что второй пункт не выполнялся и вел к итоговому увеличению издержек участников хлопкового бизнеса в империи.

Иной проблемой, прямо вытекавшей из развития хлопкового дела в Туркестане, был ввоз хлеба из внутренних губерний империи. Становление хлопководства и расширение посевных площадей под хлопок привело к тому, что посевы зерновых стали сокращаться, а земледельцы стали в определенной мере зависеть от поставок хлопка из других регионов. Так, в отчете Оренбургского биржевого комитета за 1910 г. сообщалось, что на станциях Ташкентской железной дороги скопилось до 4000 вагонов с зерном и мукой. Служащие комитета предостерегали не только от того, что такая ситуация негативно повлияет на мукомольную промышленность и торговлю в Центральной Азии, но и приведет к голоду. Итогом этого стало бы то, что местные жители перестали бы выращивать хлопок и вновь начали бы засеивать зерновые. Причиной возникшей ситуации стала полная неготовность Ташкентской железной дороги к доставке хлеба и, как следствие, ее низкая пропускная способность в южном направлении³⁴. В отчете за 1911 г. сообщалось как о медленной погрузке и отправке хлеба в Туркестан, так и о возникшем голоде в Ферганской области, Хиве и Бухаре. Именно поэтому служащих Ташкентской железной дороги заранее предупредили о необходимости вести усиленную работу. Примечателен тот факт, что как работники упомянутой дороги, так и члены Восточного порайонного комитета получили телеграмму от председателя Кокандского биржевого комитета А. И. Зигеля, в которой сообщалось о том, что муки было достаточно, а необходимости в ее внеочередной отправке в край не было. Оренбургский комитет, в свою очередь, скептически отнесся к этому сообщению, поскольку требования на отправку муки поступали в больших количествах, а на станциях Ташкентской железной дороги даже образовывались очереди. Именно поэтому члены комитета приняли решение ходатайствовать о направлении в край особого лица, который бы выяснил всю обстановку на месте и внес ясность³⁵.

³³ Кокандский биржевой комитет 1913 г. С. 148–149.

³⁴ Отчет о деятельности Оренбургского биржевого комитета за 1910 г. Оренбург, 1911. С. 28–30.

³⁵ Отчет о деятельности Оренбургского биржевого комитета и о состоянии и движении денежных сумм, принадлежащих Оренбургскому биржевому обществу. За 1911 год. Оренбург, 1912. С. 19–20.

Приведенные выше факты явно указывают на то, что существовавшая практика функционирования железных дорог создавала серьезные проблемы как для туркестанского хлопководства, так и для жизни края в целом. Кроме того, они демонстрируют и сложность взаимоотношений между разными учреждениями в разных регионах. Так, телеграмма А. И. Зигеля вполне может рассматриваться как нежелание раскрывать негативные стороны в жизни региона, которые могли бы выставить местные власти и самих биржевых служащих в плохом свете.

Заключение. Строительство и функционирование железных дорог в Русском Туркестане, безусловно, имело положительное значение. Исследуя этот вопрос в связи со становлением и развитием хлопководства, можно обнаружить как положительные, так и довольно спорные взаимовлияния. Рассмотренные выше транспортные, инфраструктурные, межведомственные и иные проблемы ставят под вопрос наличие у Российской империи четкого и последовательного плана по развитию хлопкового дела в Туркестане. Причины строительства железных дорог в крае лежали прежде всего в военной и интеграционной сферах в самом широком смысле. Именно это позволяет увидеть серьезную противоречивость ситуации. С одной стороны, Российская империя действительно стремилась содействовать развитию хлопководства. С другой стороны, практика функционирования железных дорог, взаимоотношения региональных железнодорожных и иных учреждений между собой, а также с вышестоящими институтами показала разное видение ими проблем развития хлопкового дела. Многие инициативы местных служащих не нашли поддержки у имперской власти. В то же время устоявшаяся общеимперскую практику функционирования железных дорог вряд ли можно назвать гибкой, поскольку вопросы выделения отдельных вагонов и поездов для хлопка, дополнительных паровозов, инженерно-технического обеспечения станций оставались нерешенными, несмотря на заявляемую общегосударственную важность развития хлопкового дела. Исходя из всего сказанного выше, анализ связи функционирования железных дорог и развития хлопкового дела остается актуальным не только в контексте статистических исследований, но и дает новую перспективу при обращении к конкретным практикам по этим направлениям хозяйственной деятельности.

Литература

1. Алимджанов Б. А. История торговли между Персией и Россией через Туркестанское генерал-губернаторство (начало XX в.) // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 года) / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 337–340.
2. Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России / отв. ред. Б. В. Лунин. Ташкент: Узбекистан, 1966. 212 с.
3. Бочкарева И. Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 5 (109). С. 33–38. DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-04
4. Бочкарева И. Б., Чекрыжова О. И. Оценка эффективности железных дорог в Центральной Азии как экономического института (конец XIX– начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 1 (41). С. 86–97. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.8

5. Брежнева С. Н., Богданова О. А. «Белое золото» Туркестанского генерал-губернаторства (попытка решения проблем хлопководства в начале XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 45–60. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.4
6. Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Закаспийская железная дорога как фактор региональной политики Российской империи в Центральной Азии (по материалам прессы) // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня открытия Туркестано-Сибирской железной дороги (Барнаул, 29 октября 2020 года). Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. С. 14–23.
7. Глушенко Е. А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. 573 с.
8. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетей, 2016. 1080 с.
9. Магазинер Н. А. Бросок на юг: железнодорожная экспансия России в Туркестане (конец XIX – начало XX века). СПб.: Реноме, 2022. 582 с.
10. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д. Г. Янченко и др.; отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. 660 с.
11. Morrison A. Russian rule in Samarkand, 1868–1910: a comparison with British India. Oxford University Press, 2008. 395 p.
12. Morrison A. The Russian conquest of Central Asia: a study in imperial expansion, 1814–1914. Cambridge University Press, 2021. 641 p.
13. Obertreis J. Imperial desert dreams: cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen: V&R Unipress, 2017. 536 p.
14. Penati B. The cotton boom and the land tax in Russian Turkestan (1880s – 1915) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14. № 4. P. 741–774.
15. Sahadeo J. Russian colonial society in Tashkent, 1865–1923. Indiana University Press, 2010. 337 p.

References

1. Alimdzhанov B. A. Istoriiа torgovli mezhdu Persiei i Rossiei cherez Turkestanskoe general-gubernatorstvo (nachalo XX v.) [The history of trade between Persia and Russia through the Turkestan General-Governorship (early XXth century)] // Mavrodinskiе chteniia 2018: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia professora Vladimira Vasil'evicha Mavrodina (Sankt-Peterburg, 29–31 oktiabria 2018 goda) / pod red. A. Iu. Dvornichenko. Saint Petersburg: Nestor-Istoriiа, 2018. P. 337–340. (In Russ.).
2. Aminov A. M., Babakhodzhaev A. Kh. Ekonomicheskie i politicheskie posledstviia prisoineniia Srednei Azii k Rossii [Economic and political consequences of the annexation of Central Asia to Russia] / otv. red. B. V. Lunin. Tashkent: Uzbekistan, 1966. 212 p. (In Russ.).
3. Bochkareva I. B. Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v strategii Rossiiskoi imperii po osvoeniui Turkestana [Railway construction in the Russian empire strategy for Turkestan development] // Izvestiya Altai State University. 2019. № 5 (109). P. 33–38. DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-04. (In Russ.).
4. Bochkareva I. B., Chekryzhova O. I. Otsenka effektivnosti zheleznykh dorog v tsentral'noi Azii kak ekonomicheskogo instituta (konets XIX – nachalo XX veka) [Evaluation of the railways effectiveness in Central Asia as an economic institution (late XIX – early XX century)] // Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2022. № 1 (41). P. 86–97. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.8. (In Russ.).
5. Brezhneva S. N., Bogdanova O. A. «Beloe zoloto» Turkestanskogo general-gubernatorstva (popytki resheniia problem khlopkovodstva v nachale XX veka) [The “white gold” of Turkestan

Governorate-General (solving the problems of cotton growing in early XX century)] // Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2023. № 1 (45). P. 45–60. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.4. (In Russ.).

6. Vasilyev D. V., Mazaev N. A. Zakaspiiskaia zheleznaia doroga kak faktor regional'noi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii (po materialam pressy) [Transcaspian railway as a factor of the regional policy of the Russian Empire in Central Asia (based on press materials)] // Industrial'noe stroitel'stvo v Tsentral'noi Azii: istoricheskoe znachenie dlia regiona: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchenoi 90-letiiu so dnia otkrytiia Turkestano-Sibirskoi zheleznoi dorogi (Barnaul, 29 oktiabria 2020 goda). Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2020. P. 14–23. (In Russ.).

7. Glushchenko E. A. Rossiia v Srednei Azii: zavoevaniia i preobrazovaniia [Russia in Central Asia: conquests and transformations]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 573 p. (In Russ.).

8. Davydov M. A. Dvadtsat' let do Velikoi voiny: rossiiskaia modernizatsiia Vitte – Stolypina [Twenty years before the Great War: the Russian modernization of Witte – Stolypin]. 2-e izd., ispr. i dop. Saint Petersburg: Aleteiia, 2016. 1080 s. (In Russ.).

9. Magaziner N. A. Brosok na iug: zheleznodorozhnaia ekspansii Rossii v Turkestane (konets XIX – nachalo XX veka) [A dash to the South: Russia's railway expansion in Turkestan (late XIX – early XX century)]. Saint Petersburg: Renome, 2022. 582 p. (In Russ.).

10. Tsentri i regiony: ekonomicheskaiia politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917) [Center and regions: economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)] / D. G. Ianchenko i dr.; otv. red. M. V. Khodiakov. 2-e izd. Saint Petersburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021. 660 p. (In Russ.).

11. Morrison A. Russian rule in Samarkand, 1868–1910: a comparison with British India. Oxford University Press, 2008. 395 p.

12. Morrison A. The Russian conquest of Central Asia: a study in imperial expansion, 1814–1914. Cambridge University Press, 2021. 641 p.

13. Obertreis J. Imperial desert dreams: cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen: V&R Unipress, 2017. 536 p.

14. Penati B. The cotton boom and the land tax in Russian Turkestan (1880s – 1915) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14. № 4. P. 741–774.

15. Sahadeo J. Russian colonial society in Tashkent, 1865–1923. Indiana University Press, 2010. 337 p.

УДК 94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.05

Баринава Екатерина Петровна

доктор исторических наук, профессор

Самарский филиал

Московского городского педагогического университета

Самара, Россия

barinovaep@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-2514-9421

**САРАТОВСКИЙ ДВОРЯНИН Н. А. ПАВЛОВ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.**

Аннотация. В статье анализируется биография и общественная деятельность публициста и крупного землевладельца Саратовской и Тамбовской губерний Н. А. Павлова. Приводятся генеалогические сведения о его семье. На основе анализа его публицистических и литературных произведений, выступлений на дворянских собраниях и съездах выявлены политические и экономические взгляды автора. Выделены этапы его деятельности. Установлено, что дворянин Н. А. Павлов принимал активное участие в политической и общественной жизни Российской империи начала XX в., зарекомендовал себя как знаток крестьянского вопроса. Прослежена его деятельность как сотрудника «Московских ведомостей», «Гражданина», «Русского знамени» и других изданий монархической направленности. Яркий оратор и видный правый деятель, в годы Первой российской революции инициировал идею создания союза земельных собственников. На съездах Объединенного дворянства он представил на обсуждение проекты, в которых содержалась не только критика верховной власти, но и требования расширения экономических привилегий российского дворянства. Обращено внимание на то, что он, владея ораторским искусством, целеустремленно отстаивал свой проект объединения дворян с крестьянами-собственниками на «почве экономической». Несмотря на поддержку проекта частью сословия и оживленную полемику по этому поводу на VII–VIII съездах Объединенного дворянства, он не был поддержан. Н. А. Павлов последовательно критиковал с консервативных позиций политику правительства. После революции 1917 г. эмигрировал.

Ключевые слова: дворянство, Н. А. Павлов, Постоянный совет Объединенного дворянства, экономические проекты, общественная жизнь, правые партии, публицистика.

UDC 94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.05

Barinova Ekaterina P.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Samara branch of Moscow City University

barinovaep@mgpu.ru; ORCID 0000-0002-2514-9421

**SARATOV NOBLEMAN N. A. PAVLOV
IN THE SOCIAL LIFE OF RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY**

Abstract. The article analyses the biography and public activity of N. A. Pavlov, a publicist and a major landowner of Saratov and Tambov provinces. Genealogical information about his family is given. Based on the analysis of his publicistic and literary works, speeches at noblemen's meetings and congresses the political and economic views of the author are revealed. The stages of his activity

are distinguished. It is established that nobleman N. A. Pavlov actively participated in the political and public life of the Russian Empire in the beginning of the XXth century and proved himself as an expert of the peasant's question. His activity as an employee of Moskovskiye Vedomosti, Grazhdanin, Russkiye Znamen' and other monarchic editions is traced. Prominent orator and right-wing activist in the years of the first Russian revolution, he initiated the idea of union of landowners. At the congresses of the United Nobility he submitted for discussion the projects which contained not only criticism of the supreme power, but also demands of expansion of economic privileges of the Russian nobility. Attention is drawn to the fact that he, having mastered the art of oratory, single-mindedly defended his project of unification of the nobility with the peasant proprietors on the "economic ground". Despite the support of the project by part of the nobility, and a lively polemic on this subject at the VII–VIII Congresses of the united nobility, it was not supported. The nobleman Pavlov consistently criticised the government's policies from a conservative standpoint. After the revolution of 1917 he emigrated.

Keywords: nobility, N. A. Pavlov, Permanent Council of the United Nobility, economic projects, social life, right-wing parties, journalism.

Введение. Информация о саратовском помещике Николае Алексеевиче Павлове крайне скудна и противоречива¹. Его имя упоминается в работах отечественных историков, посвященных формированию и деятельности политических салонов монархической направленности и правых партий². Авторы ряда нарративных источников путают его отчество, именуя его Александровичем. Достоверны дата и место смерти Павлова: 31.01.1931, г. Ванв, округ Парижа³. Родился он в Тамбове, вероятно в 1866 г. (упоминается и иная дата — 1878 г.) Первым браком был женат на Надежде Александровне Ветчининой (по второму браку — на Погуляевой). В 1908 г. он вступил во второй брак с Еленой Павловной Шуваловой (урожд. Демидовой, 10.06.1884 – 04.04.1959).

В своих воспоминаниях Николай Алексеевич отмечал, что он 35 лет прожил в деревне. Впечатляет его карьера: предводитель дворянства, выборщик в Государственный совет от дворянства на протяжении 11 лет. В течение 22 лет являлся земским деятелем, 18 лет — почетным судьей. В 1895 г. Н. А. Павлов — корреспондент Главного управления государственного коннозаводства по Саратовской губ. В 1902–1904 гг. он входил в состав двух уездных и Саратовского губернского комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В 1903–1906 гг. служил в Переселенческом управлении Министерства земледелия⁴.

Николай Алексеевич последовательно отстаивал свои убеждения как на страницах периодической печати, так и с трибуны земских и дворянских собраний, а впоследствии на съездах Объединенного дворянства. Министр внутренних дел В. К. Плеве

¹ Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / отв. редактор О. А. Платонов. М., 2008.

² Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004; Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000; Гайда Ф. А. «Кабинет» князя Н. Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75–90; Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; Кирьянов Ю. И. Численность и состав членов Русского собрания (1901–1916 гг.) // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 338–369.

³ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. Т. 5. М., 2004. С. 234.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 7. Д. 2595.

рекомендовал Н. А. Павлова как знатока аграрного вопроса, автора многочисленных записок по крестьянским делам В. И. Гурко. Однако последний оценил Н. А. Павлова как необузданно честолобивого человека, интересного собеседника, весьма неглупого и талантливое, но фантазера, непригодного к практической работе⁵. По отзывам либералов, Николай Алексеевич «смущал своими крепостническими — дворянскими выступлениями даже самых правоверных дворян»⁶, что сделало его имя нарицательным как одного из лидеров консерваторов. Однако подобные оценки однобоки и нуждаются в уточнении.

Ход и результаты исследования. Сравнение генеалогических сведений позволило установить, что Николай Алексеевич принадлежал к роду дворян Павловых, внесенных во вторую часть родословной книги Тамбовской губернии. Отметим, что он находился в родстве с одной из ветвей дворянского рода Буниных. В документах ревизской сказки 1816 г. «деревня Никольская, Бунино тож» принадлежала двум помещикам — мичману флота, участнику Отечественной войны 1812 г. Николаю Анатольевичу Бунину (1783–1857) и его зятю, лейтенанту флота Ивану Александровичу Павлову (1784–?), женатому на его сестре — Варваре Анатольевне. Н. А. Бунину принадлежало 39 крепостных мужского пола и 32 — женского, И. А. Павлову — 39 крепостных (20 мужчин и 19 женщин)⁷. Они также владели д. Николаевка, и с. Марфино Усманского уезда Тамбовской губернии. Оба помещика проживали в с. Марфино. В 1843 г. Марфино посетил прусский чиновник, барон и экономист А. Гакстгаузен, который был потрясен рациональной организацией помещичьего хозяйства, внедрением многопольного севооборота, применением новейших сельскохозяйственных орудий и прогрессивной технологии земледелия⁸. На протяжении десяти лет Н. А. Бунин был предводителем дворянства Усманского уезда (1819–1828), что свидетельствует о его авторитете в среде местного дворянства⁹. Активный член сельскохозяйственных обществ, он изложил свои мысли по поводу организации помещичьего хозяйства в ряде книг и брошюр¹⁰. По свидетельству П. П. Семенова Тянь-Шанского, предприимчивый помещик Н. А. Бунин покупал за бесценок земли в Саратовской губернии, переселял туда крестьян и таким образом разбогател¹¹.

Иван Александрович Павлов в 1797 г. поступил в Морской кадетский корпус, после окончания которого участвовал в высадке десанта на берег Голландии и на остров Рюген. В 1805–1807 гг. был смотрителем при Адмиралтействе в Санкт-Петербурге, в 1807 г. вышел в отставку. В марте 1825 г. И. А. Павлов подал прошение о причислении его к дворянству Тамбовской губернии, которое было удовлетворено. В семье было семеро детей — три дочери и четыре сына. Н. А. Бунин был крестным

⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 252.

⁶ Тейтель Я. Из моей жизни за сорок лет. Париж, 1925. С. 124.

⁷ Елисеев В. Марфинская экономия [Электронный ресурс] // Подъем. URL: <http://www.pereplet.ru/podiem/n5-07/Elis.shtml> (дата обращения: 01.03.2023).

⁸ Из истории д. Марфино [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/425/16049.php> (дата обращения: 01.03.2023).

⁹ Бунин Николай Анатольевич [Электронный ресурс] // Добринская энциклопедия. URL: https://baht.ucoz.ru/publ/personalii/bunin_nikolaj_anatolevich/1-1-0-64 (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁰ Бунин Н. А. Статистическое описание Усманского уезда Тамбовской губернии. СПб., 1836.

¹¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Т. 1. Пг., 1917. С. 25.

отцом всех детей Павлова. Один из сыновей, Алексей Иванович Павлов (1823–1885), был женат на Вере Ивановне Буниной (1830–1896). Скорее всего, именно они были родителями Николая Алексеевича Павлова, так как он упоминает, что его отец умер в 1885 г. и ему достались по наследству три имения в Саратовской губернии (около 9000 десятин), а в дальнейшем и имение в с. Марфино.

Описывая свой опыт хозяйствования, Н. А. Павлов отмечал, что все имения были в запущенном состоянии и с довольно большим обременением в виде банковского долга. Ему также пришлось выплачивать наследственные пошлины, долги наследодателей, в том числе и за отказ от претензий на раздел имений. Одно имение размером в 2500 десятин давало ежегодно доход 5000 рублей, другое (6000 десятин) — не более 8000 рублей. Он вынужден был включить жесткий режим экономии средств и приступить к интенсификации хозяйства. Отметим, что опыт ведения хозяйства у него практически отсутствовал, что и побудило его впоследствии написать книгу «Записки землевладельца» в качестве наставления молодым помещикам. Н. А. Павлову пришлось немало потрудиться, чтобы хозяйство стало приносить прибыль. В книге он описывал свой опыт управления имениями и те трудности, которые возникали у него в ходе освоения предпринимательских практик. Он пришел к выводу о том, что жизнь и деятельность землевладельцев окружена внутренними и внешними препятствиями: неработающими законами, отсутствием исполнительно-административной власти и строгого, справедливого суда, правительственного надзора и контроля за действием земств, дешевого кредита и т. д. Он считал, что против помещиков ополчились все: управляющие обкрадывают, торговцы обдирают, крестьяне нарушают все обязательства и ненавидят дворян лютой ненавистью. Эти взгляды он изложил уже на первой странице книги: «Землевладелец, не управляющий лично своим имением, удержать его в своих руках не может»¹².

Самое крупное имение в д. Шатчинка (Щадчина, Веселеевка) Галаховской волости Актарского уезда Саратовской губернии он решил продать в 1907 г., мотивируя это тем, что после крестьянских волнений он потерял уважение и доверие к своим крестьянам¹³. После трех лет заграничной жизни он вновь возвратился к занятиям сельским хозяйством в Саратовской и Тамбовской губерниях. В с. Марфино (Усманского уезда, в настоящее время — территория Липецкой области) у него был конезавод, основанный еще его дедом И. А. Павловым и Н. А. Буниным в 1818 г.¹⁴

Николай Алексеевич неоднократно призывал дворян к занятию активной общественной позиции. В 1897 г. по его предложению Саратовское дворянство ходатайствовало о проведении реформы местного управления. Выступая на Саратовском губернском дворянском собрании в 1902 г., он отмечал равнодушие дворянства к корпоративным проблемам, утрату связи с местной жизнью и предлагал конкретные меры для повышения престижа сословия, которые, однако, были категорически отвергнуты губернской корпорацией¹⁵.

Н. А. Павлов активно участвовал в деятельности Актарского уездного и Саратовского губернского комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

¹² Павлов Н. А. Записки землевладельца. Пг., 1914. С. 1.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 128.

¹⁵ Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 106.

Он входил в состав финансовой комиссии и комиссии по реформе Крестьянского банка. В 1903 г. он дважды возглавлял делегацию из 24 уполномоченных крестьян, которая должна бы выяснить возможности переселения в Сибирь землевладельцев Саратовской губернии. Этот проект был вызван стремлением сословия поддержать мелкопоместное и безземельное дворянство. Экстренное дворянское собрание 3 сентября 1903 г. приняло решение ходатайствовать перед правительством об организации группового переселения дворянства и крестьянства в Сибирь¹⁶.

Особенно возросла активность Н. А. Павлова в годы Первой российской революции. В начале 1905 г. он принял участие в заседаниях политического салона Б. В. Штюмера, предтечи Отечественного союза, элитарной политической организации, действовавшей в 1905–1906 гг. Но ортодоксальный консерватор Н. А. Павлов, посетивший несколько заседаний кружка, уже 19 апреля 1905 г. «говорил насчет Штюмера, что он и весь его кружок — либералы»¹⁷. Затем Н. А. Павлов вошел в состав правого салона генерала Е. В. Богдановича. Его публицистические статьи в «Московских ведомостях», «Гражданине», «Русском знамени», которые он подписывал «Дворянин Павлов» или «Дворянин», были очень популярны у представителей правых партий¹⁸. В письмах в адрес Русского монархического собрания и выступлении на его заседании в 1908 г. он предложил объединить разрозненные организации правых в общероссийский союз и выработать совместный план их действий¹⁹.

К осени 1905 г. в сознании дворянства возникла идея о консолидации сил. В сентябре Н. А. Павлов предложил саратовскому дворянству выступить инициатором создания Союза землевладельцев для охраны неприкосновенности частной собственности. 17–20 ноября 1905 г. в Москве состоялся I съезд Всероссийского союза землевладельцев, учредителями которого стали 203 собственника земли. Его организаторы полагали, что союз должен быть экономической корпорацией для помощи в сельскохозяйственных нуждах и одновременно политической организацией²⁰. Они выступали за немедленное введение «решительных репрессивных мер» для прекращения революционного движения и решительно отвергали проекты отчуждения помещичьей земли, не допуская даже саму эту возможность²¹. 1 декабря 1905 г. Николай II принял депутацию союза, в которую входил и Н. А. Павлов, вручившую ему адрес с изложением экономического плана российских дворян.

Николай Алексеевич был сторонником подавления крестьянских волнений жесткими репрессивными мерами. Он высоко ценил Тамбовского губернатора, а впоследствии Петербургского градоначальника В. Ф. фон-дер Лауница, который в короткий срок подавил погромы «помещичьих гнезд» в Тамбовской губернии. Он с горечью писал о гибели от рук террористов бескомпромиссного и решительного

¹⁶ *Бабинова Е. П.* Проекты «насаждения частного землевладения» в Сибири и их судьба // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019. № 1. С. 138–144.

¹⁷ *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 171.

¹⁸ *Репников А. В.* Дневник Л. А. Тихомирова // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 89.

¹⁹ *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 177–179.

²⁰ Первый съезд Всероссийского союза землевладельцев 17–20 ноября 1905 г. М., 1906. С. 6–7, 10–14.

²¹ Работа съезда подробно рассмотрена в кн.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 199–202.

борца с революцией, полагая, что «Лауниц стал опасен тогдашнему правительству и его сняли из Тамбова и взяли в градоначальники... под бомбу»²². Обладая даром публициста, Н. А. Павлов воссоздавал панораму «безнадежного разложения деревни» в 1905–1906 гг., горько сетуя о потерях «культурных хозяйств и лучшего производства» дворян²³. Он обвинял крестьян в пьянстве, воровстве, «неимоверной лени». Выход из сложившегося положения помещик видел в применении властью суровых законов за малейшие проступки. Только такой метод, с его точки зрения, «вернет зараженный народ на путь порядка»²⁴.

Н. А. Павлов вошел в состав подготовительной комиссии, созданной для организации I съезда уполномоченных от дворянских обществ. Впоследствии он принимал активное участие в работе съездов Объединенного дворянства. Выступая в прениях по аграрному вопросу на I съезде, Павлов горестно отмечал, что социальная революция вызвана нерешенностью земельного вопроса. «Двенадцать лет назад я предсказывал черный передел», — отмечал он²⁵. Его причины Павлов видел в неэффективности внутренней политики правительства, в особенности в области земельного кредита и переселенческого дела. Он обвинял исполнительную власть в нерешительности, безволии, потере авторитета. В этой связи он полагал, что «революция идет сверху, а не снизу, народ никогда не шел против нас, поскольку обладает здравым смыслом»²⁶. Крайне негативно он оценивал деятельность I Государственной думы, которая, по его мнению, являлась «революционным аппаратом социальной революции». Он считал, что в думе представлены не иначе как «500 Пугачевых», а представители партии кадетов — «лгуны»²⁷. Обладая ораторским талантом, он с пафосом говорил о том, что Государственная дума обсуждает законы злобы и насилия. В этой связи выход из сложившейся кризисной социальной ситуации Н. А. Павлов видел в апелляции дворянства к царю. Он был избран в редакционную комиссию для обсуждения Всеподданнейшего адреса императору и членом Постоянного совета Объединенного дворянства²⁸.

Вместе с тем, несмотря на свои монархические воззрения, он понимал необходимость реформ. Правомерно считая, что «вопросы земли и политического строя неразрывны», он предлагал выработать «простую и ясную программу с цифрами для народа»²⁹. В выступлениях с трибуны I съезда уполномоченных губернских дворянских обществ он подверг острой и нелицеприятной критике политику Крестьянского банка. Павлов настаивал на том, «чтобы твердо было обставлено право собственности крестьян на землю». Он выступал за то, чтобы четко прописать условия выхода крестьян из общины³⁰. Эта идея генетически связана с предложенными им еще в 1902 г. проектами об изменении устава Дворянского банка и реорганизации

²² Павлов Н. А. Владимир Федорович фон-дер Лауниц // Отдельный оттиск газеты «Русское знамя». № 5. Б. м., б. г.

²³ Павлов Н. А. Деревня // Московские ведомости. 1906. 16 (29) сентября. № 226.

²⁴ Павлов Н. А. Деревня (окончание) // Московские ведомости. 1906. 17 (30 сентября). № 227.

²⁵ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 г. В 3 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. Т. 1. 1906–1908 гг. М., 2001. С. 48.

²⁶ Там же. С. 117.

²⁷ Там же. С. 67, 81.

²⁸ Там же. С. 128.

²⁹ Там же. С. 66, 69.

³⁰ Там же. С. 104.

Крестьянского поземельного и Дворянского банков в один Государственный земельный банк³¹. Вероятно, именно поэтому он был избран председателем комиссии Постоянного совета по разработке вопросов о деятельности Крестьянского и Дворянского банков, о создании всесословного ипотечного банка и о переселении³². Вопрос о целесообразности создания всесословного ипотечного банка был вновь им озвучен на II съезде³³.

Н. А. Павлов был одним из инициаторов исключения дворян, подписавших «Выборгское воззвание», из числа членов дворянских обществ как изменников, выступал по этому вопросу в Русском собрании. А в родной Саратовской губернии он настоятельно призывал исключить из состава сословия молодого дворянина С. А. Котляревского, подписавшего воззвание³⁴.

На II съезде Объединенного дворянства Павлов предложил рассмотреть параллельно основному свою версию доклада «Об имущественной безопасности»³⁵, в котором он настаивал на ужесточении наказаний за грабежи и поджоги дворянских имений. Он предлагал безотлагательно ввести поезде в губерниях, охваченных крестьянскими волнениями, положения чрезвычайной охраны и действие военно-полевых судов, организовать в них воинские охранительные отряды, взыскивать убытки с виновных путем продажи их имущества, а также расширить финансовые меры помощи землевладельцам, прежде всего путем предоставления помещикам кредита. Он призывал депутатов съезда «способствовать всеми мерами скорейшему переходу от общинного владения к подворному с устройством хуторов на отрубных участках»³⁶.

Как и на втором съезде Всероссийского союза собственников (февраль 1906 г.), Н. А. Павлов критиковал проект Н. Н. Кутлера, в котором было предусмотрено частичное принудительное отчуждение в пользу крестьян удельных и части помещичьих земель. В качестве аргументов он использовал доводы о принципиальном неприятии идеи принудительного отчуждения земли, так как это создаст опасный прецедент, которого «опасаются и сами крестьяне»³⁷. Он внес предложение о создании финансового комитета, в котором могли бы принять участие общественные деятели для обсуждения финансового положения России и принятия мер изменения финансовой политики. III съездом Объединенного дворянства эта идея была отклонена³⁸. При обсуждении доклада В. И. Гурко на V съезде Объединенного дворянства Н. А. Павлов, опираясь на статистические данные, доказывал необходимость «бить тревогу в направлении развала нашего финансового управления»³⁹.

В 1910 г. он выступил с проектом «объединения дворянства на почве экономической». Тревога за судьбу поместного землевладения, стремление найти выход из кризисной ситуации явно звучали в его докладе. Н. А. Павлов видел причины убыли

³¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 2247. Л. 1 об.

³² Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. Т. 1. С. 256.

³³ Там же. С. 283–285.

³⁴ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2359. Л. 30–31, 44–47.

³⁵ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. Т. 1. С. 272–280.

³⁶ Там же. С. 224, 280–282.

³⁷ Там же. С. 225.

³⁸ Там же. С. 383.

³⁹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 1. 1909–1910. М., 2001. С. 59, 63.

дворянского землевладения в розни между различными слоями дворянства, а также традиционно полагал, что отсутствие кредита, высокие железнодорожные тарифы, дороговизна сельскохозяйственных орудий являются причинами экономических затруднений помещиков. Он убеждал участников съезда: «Нужно начинать борьбу за существование: за свое право, за свою землю. Нужны общие усилия и полное напряжение всех сил. Борьба не политическая, а борьба экономическая, реальная!»⁴⁰. Для этого он предложил создать всесословное объединение землевладельцев и земледельцев по типу Союза сельских хозяев Германии, членами которого могли быть все русские подданные, владеющие землей на правах собственности. Предполагаемая им организация должна была преследовать чисто хозяйственные цели.

Его предложения вызвали оживленную дискуссию на VII съезде Объединенного дворянства и в дальнейшем неоднократно обсуждались на заседаниях Постоянного совета⁴¹. Дворянство высказало массу детальных возражений, особенно относительно условий членства в организации. Большинство членов Совета выступало за всесословное объединение с сохранением руководящей роли дворянства. Губернские дворянские собрания, напротив, категорически высказались против, считая нецелесообразным затрачивать значительные суммы из чисто сословных источников на всесословное объединение⁴².

Николай Алексеевич активно переписывался с Постоянным советом по поводу работы комиссии по своему докладу. Он был возмущен тем, что его проект объединения разослан на места не был, но совет разослал дворянским собраниям записку саратовского уполномоченного Э. А. Исеева, в которой содержались критические замечания на проект Н. А. Павлова. Причем автор критических замечаний не участвовал в обсуждении доклада и даже не присутствовал на съезде⁴³. Конфликт у Н. А. Павлова был и с председателем комиссии С. П. Фроловым, так как он был недоволен работой комиссии по своему докладу. Летом 1911 г. Совет разослал на места анкеты с вопросом о желательности экономического объединения земельных собственников. В ответ на 400 посланных запросов пришло лишь 25 ответов. Выступая на VIII съезде объединенных дворянских обществ (март 1912), Н. А. Павлов вновь доказывал, что союз должен иметь всесословный характер, строиться на уровне уездов и районов и предлагал перейти к конкретным действиям по созданию объединения. В частности, он предлагал передать Постоянному совету на расходы по созыву съезда 1000 рублей⁴⁴.

Он категорически возразил против проекта земского собора, предложенного В. Н. Снежковым⁴⁵. В ответ на это В. Н. Снежков отметил, что проект Н. А. Павлова не был поддержан на региональном уровне и предложил более конкретно разработать идею объединения. VIII съезд, присоединившись к доводам Н. А. Павлова, избрал комиссию для подготовки съезда землевладельцев и разработки его программы.

⁴⁰ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 663. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–1 об.

⁴¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 2. 1911–1912 гг. М., 2001. С. 185–199.

⁴² ЦГАСО. Ф. 663. Оп. 1. Д. 76. Л. 34–34 об.

⁴³ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 2. Кн. 2. С. 566–568.

⁴⁴ Там же. С. 293.

⁴⁵ Там же. С. 272–282.

Но съезд, назначенный на ноябрь 1912 г., так и не состоялся. В этой связи Николай Алексеевич заявил о своем выходе из Постоянного совета. Он был крайне разочарован не только во властной элите и правительстве, но и в дворянстве, которое не поддержало его проект. В работе IX–XII съездов он участия не принимал.

В 1914 г. в книге «Записки землевладельца» Н. А. Павлов вновь изложил план всеобщего союза земельных собственников, который, как он считал, мог бы помочь дворянству объединиться и справиться с трудностями управления сельским хозяйством. В нее включены его доклады на VII и VIII съездах уполномоченных дворянских обществ, переписка с Постоянным советом объединенного дворянства по вопросу о создании земельных собственников, а также устав предполагаемого объединения⁴⁶.

С. П. Белецкий упоминал об участии Павлова в собраниях политического салона Б. В. Штюрмера в 1914–1915 гг.⁴⁷ На заседаниях салона обсуждались актуальные вопросы внешней и внутренней политики, его постановления доводились до сведения И. Л. Горемыкина, правых министров и министра двора графа В. Б. Фредерикса⁴⁸. Имя Н. А. Павлова упоминалось бывшим министром внутренних дел Н. А. Маклаковым в показаниях на допросе, данных 1 мая 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Он оценивал его как активного члена кружка сенатора А. А. Римского-Корсакова, действовавшего в 1915–1916 гг. в Петрограде⁴⁹. Членами этого кружка были подготовлены записки на имя Николая II, председателя правительства и министра внутренних дел с конкретными предложениями по обузданию революции⁵⁰. С точки зрения Н. А. Маклакова, Н. А. Павлов играл в разработке этих документов ведущую роль.

После революции Н. А. Павлов эмигрировал. Он жил в Германии, а затем во Франции. Выступал с сообщениями на Рейхенгалльском съезде (29 мая – 4 июня 1921 г.) о положении монархического движения и судьбе русских беженцев в Бизерте (Тунис)⁵¹. В 1920–е гг. Н. А. Павлов входил в состав объединения дворян Саратовской губернии в Париже.

В его литературное наследие входят утопия «Жуть», роман «Земля и воля» (1928), очерк «Его Величество Государь Император Николай II» (1927), книга «Le Tsar Nicolas II ou les peuples aveugles» («Император Николай II или слепые народы» (1928), антиутопия «Бред. Россия в 19... году» (1928), сборник рассказов «Старые песни» (1928). В книге «Его Величество Государь Николай II»⁵² Н. А. Павлов отмечал, что большинство современников, прежде всего представители либеральной бюрократии, дали отрицательную характеристику государственных качеств Николая II, опорочили его имя:

⁴⁶ Павлов Н. А. Записки землевладельца. С. 245–362.

⁴⁷ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. IV / ред. П. Е. Щеголев. Л., 1925. С. 383.

⁴⁸ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). С. 174.

⁴⁹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. III / ред. П. Е. Щеголев. Л., 1925. С. 89.

⁵⁰ Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века) СПб., 2007. С. 217.

⁵¹ Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900–1917. С. 208, 209.

⁵² Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. Последнее Царствование глазами очевидца. СПб., 2017.

«...о Государе говорится или грубо дерзко, или сожальительно, как о ничтожестве...»⁵³. В этой связи весь пафос его книги направлен на защиту Николая II от клеветы. Он обличает изменников-заговорщиков и показывает величие подвига царя⁵⁴. Н. А. Павлов пытался подвести своеобразные итоги правления Николая II, выяснить что было не сделано императором. Он полагал, что ряд ошибок во внутренней и внешней политике привели к негативным политическим последствиям. В частности, он обвинял Александра III в непоследовательности реформы местного управления. Другими объектами для его критики были Министерство финансов и такие государственные деятели, как «гг. Бунге, Вышнеградский и Витте», которые политикой непродуманных экспериментов втянули страну в международный торговый и золотой оборот, что негативно сказалось на развитии сельского хозяйства⁵⁵.

Н. А. Павлов оценивал крестьянскую общину как «основной успех и ключ революции», видя в ней признаки социализма⁵⁶. Он осуждал Государственную думу, которая, с его точки зрения, лишь усилила централизацию, подорвала авторитет и живую силу монархии и бросила страну на путь развала. Не меньшее негодование вызывала у него либеральная оппозиция, а в особенности представители партии кадетов. Он обвинял поместное дворянство в том, что оно не сумело вовремя «отмежеваться от бюрократии и удалить из своей среды знатных и незнатных предателей»⁵⁷. Положительно оценивая деятельность П. А. Столыпина, он отмечал, что ни он, ни его реформы не были поддержаны обществом, направившим все силы против реформ⁵⁸.

Н. А. Павлов с сожалением констатировал, что в обществе не нашлось Минина и Пожарского, чтобы объединить его. Правые консерваторы не смогли дать приемлемую экономическую программу для объединения общества, а левая интеллигенция проповедовала «безбожную молитву революции»⁵⁹. Именно поэтому стала возможной революция и отречение царя.

Заключение. В общественной деятельности саратовского помещика Н. А. Павлова можно выделить четыре этапа. На первом этапе он проявлял активность на региональном уровне в качестве земского деятеля, члена дворянской корпорации, помещика, активно участвовавшего в общественно-политической жизни Саратовской губернии. Его деловые качества были востребованы и на всероссийском уровне. В качестве чиновника особых поручений по переселенческому делу при министре внутренних дел он разрабатывал проекты по крестьянскому вопросу. Оценивая результаты деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Павлов обвинял бюрократов и чиновников в политической недалекости. Он высказывал мысль о том, что одной из причин революции 1905–1907 гг. стало то, что голос провинциального дворянства не был услышан: «Чиновный Петербург возмущается — как смеет провинция указывать!»⁶⁰.

⁵³ Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927. С. 9.

⁵⁴ Там же. С. 10–15.

⁵⁵ Там же. С. 18.

⁵⁶ Там же. С. 24.

⁵⁷ Там же. С. 64.

⁵⁸ Там же. С. 42.

⁵⁹ Там же. С. 68.

⁶⁰ Там же. С. 23.

Наибольшую политическую и общественную активность Н. А. Павлов проявил во время второго этапа — в годы Первой русской революции. Проповедуя взгляды крайне правого монархического лагеря, он ратовал за создание Союза земельных собственников и защиту интересов поместного дворянства. При этом он активно пропагандировал свои взгляды на страницах газет и журналов монархической направленности, а также с трибуны дворянских собраний Саратовской губернии и съездов губернских уполномоченных дворянских обществ. Он обвинял властную элиту и правительство страны в покровительстве революционному и либеральному движению, а дворянское сословие в бездействии и лени, позиционируя себя как защитника монархии. Николай Алексеевич принимал активное участие в создании и деятельности объединенной дворянской организации. Им был разработан проект объединения дворянства с крестьянами-собственниками, который явился квинтэссенцией его взглядов по аграрному вопросу и результатом хозяйственной деятельности как помещика. Отсутствие поддержки проекта на региональном уровне послужило причиной разочарования Н. А. Павлова в деятельности объединенной организации дворянства.

Во время третьего этапа, который начался в 1912 г., Н. А. Павлов активно занимается публицистической деятельностью. В работе «Записки землевладельца» он стремился изложить свое видение дальнейшего развития сельского хозяйства страны. Кроме того, здесь же содержатся советы Павлова-помещика по ведению хозяйства начинающим землевладельцам. В книге представлена его программа экономического объединения земельных собственников. Неудача проекта на уровне дворянской корпорации побудила представить его на суд широкой общественности в книге и многочисленных публикациях в периодической печати.

Четвертый этап деятельности Н. А. Павлова охватывает период его жизни в эмиграции. Этот этап можно обозначить как подведение жизненных итогов. В литературных произведениях и публицистике он пытался осмыслить политические события начала XX в., показать свою роль на политической арене, прежде всего участие в разработке правительственных проектов по аграрному вопросу. Он по-прежнему традиционно проповедовал монархические идеалы и надеялся, что европеизация, конституции, социализм пробудят сознание русского народа.

Литература

1. Баринаева Е. П. Проекты «насаждения частного землевладения» в Сибири и их судьба // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. / отв. ред. А. А. Горский, В. В. Кондрашин. Воронеж: Научная книга, 2020. С. 128–144.
2. Баринаева Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
3. Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск: Саран. кооператив. ин-т МУПК, 2000. 286 с.
4. Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 383 с.
5. Гайда Ф. А. «Кабинет» князя Н. Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75–90. DOI: 10.31857/S086956870008272-0
6. Дневник Л. А. Тихомирова (декабрь 1905 года) / подготовка текста и комментарий: А. Репников // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 88–120.
7. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с.
8. Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900–1917. М.: РОССПЭН, 2003. 350 с.

9. Кирьянов Ю. И. Численность и состав членов Русского собрания (1901–1916 гг.) // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под ред. М. Д. Карпачева и др. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. С. 338–369.
10. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: П. А. Трибунский, 2004. 472 с.
11. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л.: Наука, 1981. 256 с.
12. Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 312 с.

References

1. Barinova E. P. Proekty «nasazhdeniia chastnogo zemlevladieniia» v Sibiri i ikh sud'ba [The projects of developing private land ownership in Siberia] // Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 2019 god: Problemy agrarnogo razvitiia Rossii XIV–XX vv. / otv. red. A. A. Gorskii, V. V. Kondrashin. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2020. P. 128–144. (In Russ.).
2. Barinova E. P. Rossiiskoe dvorianstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyi oblik [Russian nobility at the beginning of the 20th century: economic status and socio-cultural image]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 351 p. (In Russ.).
3. Bibin M. A. Dvorianstvo nakanune padeniia tsarizma v Rossii [The nobility on the eve of the fall of tsarism in Russia]. Saransk: Saran. kooperativ. in-t MUPK, 2000. 286 p. (In Russ.).
4. Borodin A. P. Stolypin. Reformy vo imia Rossii [Stolypin. Reforms in the name of Russia]. Moscow: Veche, 2004. 383 p. (In Russ.).
5. Gayda F. A. «Kabinet» kniazia N. D. Golitsyna i poiski politicheskogo kursa zimoi 1916–1917 gg. [The “cabinet” of prince N. D. Golitsyn and the search for a political course in the winter of 1916–1917] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. P. 75–90. DOI: 10.31857/S086956870008272-0. (In Russ.).
6. Dnevnik L. A. Tikhomirova (dekabr' 1905 goda) / podgotovka teksta i kommentarii: A. Repnikov // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2013. T. 12. № 1. P. 88–120. (In Russ.).
7. Ivanov A. A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917). [The right in the Russian Parliament: from crisis to collapse (1914–1917)]. Moscow; Saint Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2013. 520 p. (In Russ.).
8. Kir'ianov Iu. I. Russkoe Sobranie. 1900–1917 [Russian Assembly. 1900–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2003. 350 p. (In Russ.).
9. Kir'ianov Iu. I. Chislennost' i sostav chlenov Russkogo sobraniia (1901–1916 gg.) [The number and composition of the members of the Russian Assembly (1901–1916)] // Rossiiskaia imperiia: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniia / pod red. M. D. Karpacheva i dr. Voronezh: Izd-vo VGU, 2004. P. 338–369. (In Russ.).
10. Kulikov S. V. Biurokraticheskaia elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniia starogo poriadka (1914–1917) [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)]. Riazan': P. A. Tribunskii, 2004. 472 p. (In Russ.).
11. Solov'ev Iu. B. Samoderzhavie i dvorianstvo v 1902–1907 gg. [Autocracy and the nobility in 1902–1907.] Leningrad: Nauka, 1981. 256 p. (In Russ.).
12. Stogov D. I. Pravomonarkhicheskie salony Peterburga – Petrograda (konets XIX – nachalo XX veka) [Right-wing monarchical salons of St. Petersburg – Petrograd (end of the XIXth – beginning of the XXth century)]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2007. 312 p. (In Russ.).

УДК 94:328.1(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.06

Кириянов Игорь Константинович

доктор исторических наук, доцент

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Пермь, Россия

ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877X

**ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Предметом исследования в данной статье стала практика политического использования истории членами Государственного совета и Государственной думы периода Первой мировой войны. Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики. Источниковую базу составили стенографические отчеты заседаний Государственного совета и Государственной думы. Исследование проведено с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история позднимперской России». Выявлены следующие базовые сюжеты из прошлого в парламентских выступлениях, актуализированные ходом Первой мировой войны: исторические аналогии происходящего, исторические герои, историческая обусловленность решаемых геополитических задач, констатация прежних ошибок в отношениях с Пруссией/Германией, артикуляция исторических обид по поводу «немецкого засилья». В отечественных парламентских дискуссиях периода Первой мировой войны оказались задействованы основные приемы инструментального использования исторического знания, сформировавшиеся в предшествующее время. Специфика их применения в изучаемое время заключалась в том, что прошлое актуализировалось за редким исключением одним процессом в настоящем — самой войной.

Ключевые слова: Первая мировая война, Государственная дума, парламентские дебаты, политическое использование истории.

UDC 94:328.1(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.06

Kiryanov Igor K.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Perm Federal Research Center

Ural Branch Russian Academy of Sciences

Perm, Russia

ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877X

**APPEAL TO HISTORY
IN RUSSIAN PARLIAMENTARY DEBATES
DURING THE FIRST WORLD WAR**

Abstract. The paper deals with the practice of political use of history by members of the State Council and the State Duma during the First World War. The theoretical framework of the study is the concept of symbolic politics. The source base was made up of verbatim records of meetings of the State Council and the State Duma. The study was conducted using the instrumental capabilities

of the portal *Parliamentary History of Late Imperial Russia*. The following basic plots from the past in parliamentary speeches, updated by the course of the First World War, were revealed: historical analogies to what is happening, historical heroes, the historical conditionality of the geopolitical tasks being solved, a statement of previous mistakes in relations with Prussia / Germany, the articulation of historical grievances about the “German dominance”. In the domestic parliamentary discussions of the period of the First World War, the main methods of instrumental use of historical knowledge, which had been formed in the previous time, turned out to be involved. The specificity of their application was that the past was updated, with rare exceptions, by one process in the present — the war itself.

Keywords: First world war, State Duma, parliamentary debates, political use of history.

Введение. На значение сюжетов из прошлого в формировании образа врага в отечественной пропаганде периода Великой войны обращается внимание во многих исследованиях последнего времени¹. В частности, Е. С. Сеньявская в анализе пропагандистской составляющей противостояния России с Германией в двух мировых войнах исходила из следующего положения: «Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников — низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон — участниц... войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология “свой – чужой” в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг»². В свою очередь, Т. А. Филиппова и П. Н. Баратов, основываясь на анализе журнальной сатиры периода Первой мировой войны, отмечают, что в образе турка проявились «все прежние архетипы “врага с Востока”», а на «фобийную составляющую» образа Германии сработали «все исторические архетипы в восприятии “немца” — “тевтонца”, “пруссак”, “германца-агрессора” — как концентрированного воплощения традиционной “угрозы с Запада”»³.

Предметом настоящего исследования стали практики политического использования истории на заседаниях Государственного совета и Государственной думы периода Первой мировой войны. Отчасти данный сюжет затрагивался в работах С. В. Бааха⁴, а также лингвиста С. А. Громыко, проиллюстрировавшего персуазивный смысл довода

¹ См., напр.: *Сеньявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *Горбачева Л. О.* Официальная пропаганда и формирование образа врага в российском общественном сознании в годы Первой мировой войны // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург, 2013. С. 170–181; *Филиппова Т., Баратов П.* «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М., 2014; *Самсонова Л. А.* Война в картинках. Отечественный лубок периода Первой мировой войны. На примере коллекции плакатов-лубков из собрания музея заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока (Красноярск). 2022. № 4 (13). С. 99–105.

² *Сеньявская Е. С.* Указ. соч. С. 62.

³ *Филиппова Т., Баратов П.* Указ. соч. С. 13, 165.

⁴ См., напр.: *Баах С. В.* Трансформация содержания «немецкого вопроса» в контексте деятельности Государственной думы (1906–1917) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.). М., 2007. С. 189–199.

в думских речах к Смутному времени («в Смутное время был X и делал Y, а в наше время есть Z, который также будет / может / способен делать Y»⁵), цитатой из речи В. М. Пуришкевича 19 ноября 1916 г.: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева»⁶.

Источниковую базу исследования, проведенного с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история поздней имперской России», составили стенографические отчеты заседаний Государственного совета и Государственной думы.

Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики, являющейся, по определению О. Ю. Малиновой, «публичной деятельностью, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве». Одним из проявлений символической политики выступает политическое использование прошлого. При этом политика имеет дело с актуализированным прошлым, конструируемым посредством отбора «исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик»⁷.

Ход и результаты исследования. Анализ содержания исторических интерпретаций в парламентской риторике военной поры проведен в рамках устоявшейся периодизации эволюции политических и патриотических настроений в Таврическом дворце⁸. Контент-анализ выявил следующую динамику использования категории «история» в парламентских дебатах:

– фаза «священного единения» (чрезвычайные сессии обеих палат 26 июля 1914 г., третья сессия Государственной думы четвертого созыва (27–29 января 1915 г., 3 заседания) и десятая сессия Государственного совета (17–30 января 1915 г., 6 заседаний)): 19,25 употреблений в среднем за одно заседание, доля таких единиц как «исторический / -ая / -ое» в качестве оценки значимости переживаемого события составляет 45,5 % в Государственной думе и, соответственно, 5,7 и 45 % — в Государственном совете;

– фаза «патриотической тревоги» (четвертая думская сессия (19 июля – 3 сентября 1915 г. и 9 февраля – 20 июня 1916 г., 60 заседаний), одиннадцатая (19 июля – 3 ноября 1915 г., 10 заседаний) и двенадцатая (9 февраля 1916 г. – 22 июня 1916 г., 33 заседания) сессии верхней палаты): 8,88 употреблений в среднем за одно заседание,

⁵ Громько С. А. Обращение к истории как исторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 114.

⁶ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 288.

⁷ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018. С. 32–33.

⁸ См., напр.: Иванов А. А. «Священное единение», «патриотическая тревога» и «штурм власти»: эволюция настроений российского парламента в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Россия в Великой войне: материалы Международного общественно-научного форума «Великая война: Уроки истории». М., 2014. С. 141–154; Аксенов В. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023. С. 374–392.

доля единиц «исторический / -ая / -ое» составляет 11,8 % в Государственной думе и, соответственно, 2,3 и 15,2 % — в Государственном совете;

– фаза «штурма власти» (пятая сессия Государственной думы (1 ноября 1916 г. – 26 февраля 1917 г., 24 заседания) и тринадцатая сессия Государственного совета (1 ноября 1916 г. – 26 февраля 1917 г., 14 заседаний)]: 6,68 употреблений в среднем за одно заседание, доля единиц «исторический / -ая / -ое» составляет 22,2 % в Государственной думе и, соответственно, 4,5 и 55,6 % — в Государственном совете (данные относятся только к первым двум заседаниям, по которым опубликованы стенографические отчеты).

Исследование позволило выделить базовые сюжеты из прошлого в парламентских выступлениях, актуализированные ходом Первой мировой войны: исторические аналогии происходящего, исторические герои, историческая обусловленность решаемых геополитических задач, констатация прежних ошибок в отношениях с Пруссией/Германией, артикуляция исторических обид по поводу «немецкого засилья».

Исторические аналогии

Первое обращение к истории в связи с начавшейся войной прозвучало в Государственном совете и Государственной думе от председателя Совета министров И. Л. Горемыкина в чрезвычайных заседаниях обеих палат 26 июля 1914 г.: «За всю многовековую историю России, быть может, только одна Отечественная война, только 1812 год равняется по своему значению с предстоящими событиями»⁹. И если в Мариинском дворце данное сравнение в ряду других нашло отклик в эмоциональном выступлении архиепископа Арсения: «С нами Бог был на полях Куликовских, когда заря свободы воссияла над Россией; с нами Бог был на полях Полтавских, когда творец новой России одолел страшного ее врага и определил ее будущее значение в системе европейских государств; с нами Бог был в 1613 г., когда решался вопрос о том, быть или не быть Царству Русскому и был избран на Царский Трон благословенный родоначальник благословенного, и до ныне царствующего в ней, Дома; с нами Бог был и в 1812 г., когда для избавления нашего Отечества от двадцати разноплеменных народов принесена была драгоценнейшая жертва сердце России — Москва, но верующая Россия узрела дивное заступление Божие и гибель наших врагов»¹⁰, — то в Таврическом дворце на первом «военном» заседании была упомянута только Грюнвальдская битва 1410 г. в речах поляка В. Ф. Яронского и литовца М. М. Ичаса, оказавшаяся единственной исторической аналогией в думских дебатах на стадии «священного единения».

Широкое распространение в официальной пропаганде аналогии с Отечественной войной 1812 г. привело к использованию в парламентской риторике вариаций порожденных ею наименований для шедшей войны:

- «война великая отечественная и даже священная» (С. В. Левашов, 27 января 1915 г.);
- «отечественная война» (Г. А. Фирсов, К. К. Фирсов, 27 января 1915 г.; М. В. Родзянко, 19 июля 1915 г.; Н. М. Фридман, 20 июля 1915 г.);
- «вторая отечественная война» (Н. Н. Покровский, 27 января 1915 г.);

⁹ Стенографический отчет заседания Государственного Совета, созданного на основании высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 3; Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созданного на основании высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 16.

¹⁰ Там же. Стб. 4–5.

- «наша великая отечественная всемирная война» (Д. И. Багалей, 28 января 1915 г.);
- «великая отечественная война» (А. В. Васильев, 28 января 1915 г.);
- «великая вторая Отечественная война» (П. П. Кузьмин, 8 декабря 1916 г.).

Между тем в думских дебатах в фазах «патриотической тревоги» и «штурма власти» более популярным становится сравнение текущей ситуации с событиями Смутного времени. Одним из первых думцев подобную аналогию провел кадет А. И. Шингарев: «Русская история, гг., знает многие годы, которые требовали от всех государственных сил напряжения в борьбе с внешним врагом. Такие годы, похожие на смутное время начала XVII века, переживаем мы и теперь»¹¹, — тогда как трудовик А. Ф. Керенский сомневался в ее корректности, полагая, что «мы переживаем небывалую в исторические времена, в жизни нашей родины смуту, смуту, перед которой время 1613 г. кажется детскими сказками!»¹².

Все чаще использование исторических параллелей связывалось не столько с противостоянием внешнему врагу, сколько с преодолением внутреннего кризиса и победой над внутренним врагом. Так, октябрист И. В. Годнев 29 ноября 1916 г. завершил свою речь следующим пассажем: «Гг., на днях один из старейших Членов Государственного Совета сказал: “отечество в опасности”. Если это так, то нужно, как в начале XVII столетия, чтобы оно было спасено. Но, гг., кто может спасти в настоящую пору Россию, как не лица от земли, выбранные всей землей, так же, как они спасли ее в 1611 г.? Как тогда спасали земские люди и земский собор, так теперь должны спасти вы, как избранные народа, заменяющие земский собор. <...> Как тогда, в XVII столетии, для спасения России было разбито боярство и произошла смена господствующего класса, так и сейчас должна быть разбита губительно влияющая на государственную жизнь в разных видах проявляющаяся темная сила, о которой я вам не буду говорить, но которую вы отлично знаете»¹³. В свою очередь, кадет Ф. И. Родичев в последнем думском заседании 24 февраля 1917 г. закончил выступление едва ли не революционным призывом: «Гг., положение России ясное. Оно такое же, как и тогда. Мы боремся не только с внешним врагом, мы боремся с лагерем Тушинского вора. И да будет с ним покончено с сегодняшнего дня»¹⁴.

Исторические герои

В пантеон исторических героев, имена которых встречались в выступлениях отечественных парламентариев военной поры более одного раза, вошли русские князья Александр Невский и Дмитрий Донской; великий князь литовский Витовт; руководители Второго народного ополчения князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин; российские императоры Петр I и Александр I. Если на фазе «священного единения» чаще упоминались персонажи из отдаленного русского прошлого, то на фазах «патриотической тревоги» и «штурма власти» — преимущественно патриоты Смутного времени. Если Д. П. Голицын-Муравлин в речи 30 января 1915 г., в самой концовке десятой сессии Государственного совета, объединив мифических и реальных персонажей, пафосно произнес: «Богатыри наших былин возродились, нашли себе перевоплощение в нашем победоносном несокрушимом воинстве. Илья Муромец отражает Зигфрида.

¹¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 908.

¹² Там же. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 1347.

¹³ Там же. Стб. 552–553.

¹⁴ Там же. Стб. 1715.

Если правда, что сказочный мир каждого народа выражает его стихийную сущность, то с радостью отметим, что наша стихия сильнее Нибелунговой, воспевающей предательство и злобу. <...> С высоты Престола на всех нас сияют лучи, в которых чуткая русская душа распознает завет Ярослава Мудрого, Св. Александра Невского, Ивана Калиты и Дмитрия Донского...»¹⁵, то В. М. Пуришкевич в думском выступлении 19 ноября 1916 г. подчеркнул, что он говорит от имени «России Пожарского и Якова Долгорукова, России Кузьмы Минина и Ивана Сусанина»¹⁶.

Исторические задачи

Исторический контекст геополитических задач участия России в Первой мировой войне обозначил председатель Совета министров И. Л. Горемыкин на думском заседании 27 января 1915 г., заявивший о завещанных «предками исторических задачах на берегах Черного моря». Этот тезис поддержали:

– октябрист Е. П. Ковалевский («Проливы — ведь это ключ и замок от нашего дома; они должны находиться в русских руках с необходимою вокруг этих проливов территорией. <...> ...Всякая попытка со стороны кого бы то ни было воспрепятствовать выполнению этих исторических задач была бы признана Россией, как покушение на ее национальную честь и кровные интересы»);

– националист А. И. Савенко («крепнет наша вера и окрыляется наша надежда, что великому нынешнему царствованию суждено осуществить другую великую, заветную мечту русского народа: суждено осуществить то стремление, которое завещано нам всей нашей свертхтысячелетней историей. Я говорю о проливах, о Царьграде, к которым стремился русский народ, начиная с Олега и Игоря»);

– правый С. В. Левашов («проливы, составляющие выход из Черного моря вместе с соответственными участками суши на Европейском и Азиатском берегах, должны непременно поступить во владение России. Это есть самая древняя наша историческая задача, которая должна быть абсолютно удовлетворена. Русский щит должен быть прибит к вратам Царьграда, над св. Софией должен заблистать снова православный крест»)¹⁷.

Историческим задачам, как они воспринимались на фазе «священного единения» и которые необходимо было решить победой в войне, А. Ф. Керенский 15 февраля 1917 г., на фазе «штурма власти», противопоставил новую историческую задачу, порожденную самой войной: «Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало...»¹⁸.

Исторические ошибки и обиды

Уже на первом заседании военной поры лидер думских националистов П. Н. Балашев заявил о том, что для России настало время «исправить некоторые свои исторические ошибки, ошибки XVIII столетия, ошибки 1815, 1848 и 1870 гг.»¹⁹. К сюжету

¹⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия десятая. Пг., 1915. Стб. 118.

¹⁶ Там же. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 288.

¹⁷ Там же. Сессия 3. Пг., 1915. Стб. 7, 39, 63, 71.

¹⁸ Там же. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 1353.

¹⁹ Стенографический отчет заседания Государственной Думы... Стб. 26.

о том, что под ошибками понимался особый характер отношений с Пруссией/Германией в течение длительного периода, депутаты возвращались неоднократно, особенно в дискуссиях о «немецком засилье». Так, в феврале 1916 г. поляк Ф. Ф. Рачковский полагал, что «с момента провозглашения войны раз навсегда поставлен крест над тем периодом истории, когда Россия шла с немцами против поляков, и что действительно настала новая эра вечного дружного отпора всего славянства угрожающему германизму», а редко выступавший Д. Н. Святополк-Мирский (группа беспартийных депутатов) конкретизировал содержание этих «жестоких ошибок»: «Достаточно вспомнить хотя бы судьбу Восточной Пруссии, при Петре III возвращенной нами разбитому нами Фридриху II. Достаточно вспомнить дальнейшее наше в начале прошлого столетия донкихотствование в отношении Пруссии, Священный тройственный союз, обманчивым обликом социальной и политической солидарности, вытеснивший нас с Ближнего Востока, наконец, наше неизменное благоприятствование Пруссии, приведшее к столь несогласному с нашими интересами созданию Германской империи»²⁰.

Обсуждение в Государственной думе 3 августа 1915 г. заявления, инициированного фракцией правых, об образовании комиссии «о всех мероприятиях по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни» спровоцировало артикуляцию исторических обид. Показательна в этом отношении позиция думских кадетов. Застрельщиком дискуссии выступил депутат от Риги С. П. Мансырев, указавший на то, что «в течение 200 лет русской истории, со времени призвания немцев как учителей зачатков нашей культуры, нашей хозяйственности, нашей промышленности и просвещения, благодаря поблажкам и бессилию и неспособности русской государственной власти — вся полнота власти перешла к ним во всех областях управления. Ярким олицетворением этой грозной фигуры германизма, смотрящего на Россию, как на навоз, как на рабов, как на почву, достойную только быть колонией для высококультурных деятелей, служит Бирон. <...> Эти правящие классы всегда были чужды за эти 200 лет русскому народу, не понимали, не знали его; эти классы отрекались от живой связи с Россией. Признавая себя гражданами общего всемирного отечества, в которое они Россию не включали, они, творили историю»²¹. Ф. И. Родичев обратил внимание на синонимичность в России понятий «немецкое влияние», «крепостничество» и «реакция»: «Я долгих экскурсий в историю делать не стану, я вам напомним одно обстоятельство из старых времен, из XVIII столетия. Старое наследие русской истории, крепостное право, было несчастьем. Насилием и оскорблением оно сделалось в 1762 г. под немецким влиянием, и с 1762 г. завинчивается наглухо винт крепостного права, до тех пор, пока в 1861 г. его не разрушили. И мы не забудем той роли, которую немецкая струя в русской бюрократии, в русской власти оказала на страдание русского народа»²². В свою очередь, лидер кадетов П. Н. Милюков, заявив, что фракция не будет вотировать против образования указанной комиссии, все же предостерег от борьбы с немецким культурным влиянием: «На эту кафедру выходили ораторы, которые протестовали против культурного влияния Германии во имя патриотизма, славянства и русской культурной независимости. Гг., такие протесты произносить легко, но заявлять их — значить бороться с собственной историей, как ее сложила наша судьба.

²⁰ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 1496, 2482.

²¹ Там же. Стб. 393.

²² Там же. Стб. 411.

Когда сто лет тому назад велась отечественная война, когда двор и большая часть русского культурного общества говорили по-французски лучше, чем по-русски, когда взрыв патриотизма был в России не менее силен, чем теперь, никто не протестовал против французского культурного влияния. Оно существовало раньше, оно продолжалось и потом. Я спрашиваю, что было бы, если бы из русской истории было вычеркнуто французское культурное влияние? Что было бы, если бы после каждой войны с новым врагом, мы вычеркивали культурное влияние страны, к которой этот враг принадлежит? Я полагаю, что прошлого русской культурной истории мы бы этим, все равно, не изменили, а в будущем сделали бы ее в значительной степени более бедной. <...> Борьба с немецким засильем не должна быть борьбой с культурой, с русской европеизацией, в которой Германия сыграла огромную и благотворную роль»²³.

Одним из последних, кто с думской кафедры актуализировал прошлое в связи с историческими обидами, оказался уже упоминавшийся Д. Н. Святополк-Мирский. В более чем полуторачасовой речи 29 февраля 1916 г. при обсуждении сметы Министерства внутренних дел он «позволил себе остановиться на вопросе о том положении, которое занимают немцы в нашей внутренней жизни, как в политической, так и социальной», доказывая ссылкой на «исторические исследования целого ряда талантливых русских ученых», включая В. О. Ключевского, с одной стороны, самодостаточность допетровского государственного порядка, а с другой — негативное и своекорыстное немецкое политическое влияние: «Немцы, как заграничные, так и наши, как известно, немало попользовались и немало поживились насчет русского народа, немало пожили насчет русского народа и государства. В то же время немцы, и заграничные и наши, в ослеплении присущего им безграничного самодовольства, вполне искренно уверены, что они облагодетельствовали Россию, что со времени петровских реформ они культурно возродили и переродили наше отечество»²⁴.

Заключение. В отечественных парламентских дискуссиях периода Первой мировой войны оказались востребованы основные приемы инструментального использования исторического знания, сформировавшиеся в предшествующее время²⁵. Специфика их применения в изучаемое время заключалась в том, что прошлое актуализировалось за редким исключением одним процессом в настоящем — самой войной. Чаще всего члены Государственной думы и Государственного совета прибегали к таким приемам, как пример из истории в качестве довода для обоснования высказываемой позиции (исторические аналогии, исторические герои); объяснение происходящего в настоящем причинами из прошлого (исторические ошибки, исторические задачи); артикуляция исторической обиды. Существенно в меньшей степени, едва ли не в единичных случаях, думцы обращались к таким приемам, как призыв к забвению / забыванию /

²³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 499–500.

²⁴ Там же. Стб. 2479.

²⁵ См.: *Кирьянов И. К.* Актуализация прошлого в парламентских дискуссиях в Государственной думе первого и второго созывов позднеимперской России, 1906–1907 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 3 (47). С. 71–79; *Его же.* Битвы на полях истории в Государственной думе позднеимперской России: кейс третьего созыва // Таврические чтения – 2021. СПб., 2022. Ч. 1. С. 35–42.

прощению прошлого; указание на незнание истории оппонентами; обвинение последних в фальсификации истории.

Показательна эволюция в применении приема, в рамках которого определенная интерпретация истории выступает маркером групповой идентичности. На фазе «священного единения» впервые отношение к прошлому объединило практически весь корпус парламентариев (великое прошлое и исторические победы). На фазе «патриотической тревоги» единодушие в оценках прошлого отличало когорту депутатов, связанных с Прогрессивным блоком, но стремилось к расширению при артикуляции исторической обиды. На фазе «штурма власти» исторические аналогии все чаще ограничивались Смутным временем с акцентом не на внешних проблемах, а на кризисе российской государственности, с намеком на приближение второго такого кризиса. Подобная интерпретация оказалась приемлемой для достаточно широкой и неожиданной группировки депутатов — от А. Ф. Керенского до В. М. Пуришкевича — группировки, объединяющей идеей которой выступала борьба не за, а против.

Литература

1. Аксенов В. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.
2. Баах С. В. Трансформация содержания «немецкого вопроса» в контексте деятельности Государственной Думы (1906–1917) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): материалы XI Международной научной конференции (Москва, 1–3 ноября 2006 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 189–199.
3. Горбачева Л. О. Официальная пропаганда и формирование образа врага в российском общественном сознании в годы Первой мировой войны // Документ. Архив. История. Современность (Екатеринбург). 2013. Вып. 13. С. 170–181.
4. Громыко С. А. Обращение к истории как исторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 112–115. DOI: 10.23670/IRJ.2017.61.031
5. Иванов А. А. «Священное единение», «патриотическая тревога» и «штурм власти»: эволюция настроений российского парламента в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Россия в Великой войне: материалы международного общественно-научного форума «Великая война: Уроки истории» (Москва, 31 июля 2014 г.). М.: Издание Государственной Думы, 2014. С. 141–154.
6. Кирьянов И. К. Актуализация прошлого в парламентских дискуссиях в Государственной думе первого и второго созывов позднеимперской России, 1906–1907 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 3 (47). С. 71–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06
7. Кирьянов И. К. Битвы на полях истории в Государственной думе позднеимперской России: кейс третьего созыва // Таврические чтения – 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.): сборник научных статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2022. Ч. 1. С. 35–42.
8. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред.: А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
9. Самсонова Л. А. Война в картинках. Отечественный лубок периода Первой мировой войны. На примере коллекции плакатов-лубков из собрания музея заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 2022. № 4 (13). С. 99–105. DOI: 10.17516/2713-2714-0073

10. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
11. Филиппова Т., Баратов П. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2014. 271 с.

References

1. Aksenov V. Voina patriotizmov: propaganda i massovyie nastroyeniia v Rossii perioda krusheniia imperii [The war of patriotism: propaganda and mass moods in Russia in the period of the empire's collapse]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 480 p. (In Russ.).
2. Baakh S. V. Transformatsiia sodержaniia «nemetskogo voprosa» v kontekste deiatel'nosti Gosudarstvennoi Dumi (1906–1917) [Transformation of the content of the German question in the context of the activities of the State Duma (1906–1917)] // Rossiiskoe gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnoshenii (XVIII–XXI vv.): materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 1–3 noiabria 2006 g.) / ed. by A. A. German. Moscow: MSNK-press, 2007. P. 189–199. (In Russ.).
3. Gorbacheva L. O. Ofitsial'naia propaganda i formirovanie obraza vruga v rossiiskom obshchestvennom soznanii v gody Pervoi mirovoi voiny [Official propaganda and the formation of the image of the enemy in the Russian public mind during the First World War] // Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost' Ekaterinburg, 2013. Issue 13. P. 170–181. (In Russ.).
4. Gromyko S. A. Obrashchenie k istorii kak ritoricheskii argument v russkoi parlament-skoi rechi (na materiale vystuplenii deputatov-natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi Dume) [Appeal to history as a rhetorical argument in russian parliamentary speech (based on the speeches of Nationalist deputies in the pre-revolutionary State Duma)] // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. Ekaterinburg, 2017. № 7 (61). Pt. 1. P. 112–115. DOI: 10.23670/IRJ.2017.61.031 (In Russ.).
5. Ivanov A. A. «Sviashchennoe edinenie», «patrioticheskaiia trevoga» i «shturm vlasti»: evoliutsiia nastroyenii rossiiskogo parlamenta v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917) [“Holy unity”, “patriotic anxiety” and “storm of power”: the evolution of the mood of the Russian parliament during the First World War (1914–1917)] // Rossiia v Velikoi voine: materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-nauchnogo foruma «Velikaia voina: Uroki istorii» (Moskva, 31 iuliia 2014 g.): Izdanie Gosudarstvennoi Dumi, 2014. P. 141–154. (In Russ.).
6. Kiryanov I. K. Aktualizatsiia proshlogo v parlamentskikh diskussiiakh v Gosudarstvennoi dume pervogo i vtorogo sozyvov pozdneimperskoi Rossii, 1906–1907 gg. [Actualization of History in parliamentary discussions in the State Duma of the first and second convocations of late imperial Russia, 1906–1907] // Vestnik MGPU. Serii: Istoricheskie nauki. 2022. № 3 (47). P. 71–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06. (In Russ.).
7. Kiryanov I. K. Bitvy na poliakh istorii v Gosudarstvennoi dume pozdneimperskoi Rossii: keis tret'ego sozyva [Battles on the fields of history in the State Duma of late imperial Russia: a case of the third convocation] // Tavricheskie chteniia – 2021. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost'. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia (St.-Peterburg, Tavricheskii dvorets, 9–10 dekabria 2021 g.): sbornik nauchnykh statei / ed. by A. B. Nikolaev. Saint Petersburg: Asterion, 2022. Pt. 1. P. 35–42. (In Russ.).
8. Malinova O. Iu. Politika pamiati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The politics of memory as a domain of symbolic politics] // Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati / otv. red.: A. I. Miller, D. V. Efremenko. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. P. 27–53. (In Russ.).
9. Samsonova L. A. Voina v kartinkakh. Otechestvennyi lubok perioda Pervoi mirovoi voiny. Na primere kolleksii plakatov-lubkov iz sobraniia muzeia-zapovednika istorii Dal'nego Vostoka imeni V. K. Arsen'eva [War in pictures. Domestic lubok from the period of the First World War. On the example of the lubok posters collection from the Museum-Reserve of the History of the Far

East named after V. K. Arsenyev] // *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Krasnoiarsk, 2022. № 4 (13). P. 99–105. DOI: 10.17516/2713-2714-0073 (In Russ.).

10. Senyavskaya E. S. *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evoliutsiia «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: the evolution of the “image of the enemy” in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 287 p. (In Russ.).

11. Filippova T., Baratov P. «Vragi Rossii». *Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noi satire Pervoi mirovoi voiny* [“Enemies of Russia”. Images and rhetoric of enmity in Russian magazine satire of the First World War]. Moscow: AIRO-XX, 2014. 271 p. (In Russ.).

УДК 94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.07

Гавроева Екатерина Сергеевна

Российский государственный педагогический

университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

gavroevae@ Herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-5060-2331

«КОНСТИТУЦИОННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ» М. В. РОДЗЯНКО: К ВОПРОСУ О РЕЧИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 15 НОЯБРЯ 1912 г.

Аннотация. В статье впервые изучается программная речь председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко, произнесенная им 15 ноября 1912 г. Особое внимание в работе уделено реакции депутатского корпуса и отношению периодической печати к заявлению, сделанному с думской трибуны М. В. Родзянко. Автор приходит к выводу о том, что речь председателя была программой его работы на посту председателя Государственной думы.

Ключевые слова: М. В. Родзянко, конституционный строй, Государственная дума, периодическая печать.

UDC 94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.07

Gavroeva Ekaterina S.

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

gavroevae@ Herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-5060-2331

“CONSTITUTIONAL DECLARATION” M. V. RODZYANKO: ON THE QUESTION OF THE SPEECH OF THE CHAIRMAN OF THE IV STATE DUMA ON NOVEMBER 15, 1912

Abstract. The article refers to program speech of the Chairman of the Forth State Duma M. V. Rodzianko on November 15, 1912. Particular attention is given to the reaction of the deputies and the position of the periodicals to the statement which was declared by M. V. Rodzianko. The author concludes that the chairman's speech was the program of his work as Chairman of the State Duma.

Keywords: M. V. Rodzianko, constitutional regime, State Duma, periodicals.

Введение. Земский и политический деятель, один из лидеров «Союза 17 октября» Михаил Владимирович Родзянко на протяжении шести лет занимал пост председателя Государственной думы Российской империи. На этом посту он сменил А. И. Гучкова после конституционного кризиса 1911 г. Но именно IV Государственная дума стала пиком политической карьеры Родзянко.

Историография последней Думы Российской империи насчитывает тысячи работ, однако речь председателя на первом ее заседании не привлекала пристального внимания исследователей. Вместе с тем следует отметить труды А. Я. Авреха,

Э. Вишнеvски, И. Л. Архипова и Ф. А. Гайды, которые уделили некоторое внимание словам, которые произнес М. В. Родзянко 15 ноября 1912 г. А. Я. Аврех писал о «конституционной» речи председателя IV Думы, но акцент был сделан не на ее анализе, а на избрании октябриста «левым центром» и возможности укрепления и функционирования последнего¹. Э. Вишнеvски, рассматривая избрание нового председателя, ограничился цитатами речи М. В. Родзянко². И. Л. Архипов считал ее отголоском «полевения» парламента, а выступление называл программным, приводя цитату из конституционной декларации³ и отмечая восторженный отклик общественности на нее⁴. Ф. А. Гайда в своей работе пишет о реакции депутатов и прессы на первое выступление председателя IV Думы⁵. Таким образом, несмотря на периодическое обращение исследователей к выступлению М. В. Родзянко в Думе 15 ноября 1912 г., должного анализа этой речи, названной конституционной декларацией, пока нет.

Ход и результаты исследования. Первое заседание IV Думы состоялось 15 ноября 1912 г. под председательством действительного тайного советника, вице-председателя Государственного совета, статс-секретаря И. Я. Голубева, «назначенного по Высочайшему указу для открытия заседаний Государственной думы»⁶. При выборе председателя были поданы записки с именами следующих депутатов: М. В. Родзянко (234 записки), П. Н. Балашев (147), князь В. М. Волконский (10), Н. А. Хомяков (1) и В. М. Пуришкевич (1). Последние двое не могли участвовать в баллотировке шарами по ст. 125 Положения о выборах в Государственную думу, так как получили менее трех записок⁷, а П. Н. Балашев и князь В. М. Волконский сняли свои кандидатуры. После проведения процедур баллотировки шарами и подсчетов голосов М. В. Родзянко получил 251 избирательный и 150 неизбирательных шаров, что было встречено продолжительными рукоплесканиями в центре и слева. Большая же часть правых депутатов и правой части центра покинули зал заседаний⁸, «желая показать, что не хотят слушать речь председателя, который прошел левыми голосами»⁹. Кадет П. Н. Милюков в связи с этим вспоминал: «Так дифференциация влево была сразу противопоставлена дифференциации вправо»¹⁰.

¹ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981. С. 30–31.

² Вишнеvски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 112–113.

³ Так речь М. В. Родзянко после избрания председателем Думы 15 ноября 1912 г. была названа в газете «Речь» (С.-Петербург, 16 ноября // Речь. 1912. 16 ноября). Вероятно, что И. Л. Архипов цитирует именно эти слова из редакционной статьи кадетского издания.

⁴ Архипов И. Созвездие обреченных: двенадцать в революции. СПб., 2016. С. 39.

⁵ Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 210–211.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 1.

⁷ Там же. Стб. 5.

⁸ Там же. Стб. 6.

⁹ Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 60; Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 19.

¹⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 377. Необходимо отметить, что кадеты обсуждали речь М. В. Родзянко и в феврале 1913 г. на совещании парламентской фракции

Свою речь вновь избранный председатель Государственной думы начал с благодарности в адрес депутатов, выразивших ему доверие избранием на столь высокий пост. Не забыл он заявить и о преданности государю императору¹¹. Но следующая фраза М. В. Родзянко обратила на себя пристальное внимание всех присутствовавших в думском зале: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим манифестом 17 октября 1905 г., укрепление основ которого должно составить первую и непреложную заботу русского народного представительства»¹². Эти слова полностью соотносятся с п. 2 программы «Союза 17 октября», гласившим: «Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанном на общем избирательном праве»¹³.

Далее М. В. Родзянко сделал еще несколько заявлений, вызвавших неоднозначную реакцию. Так, он сказал, что русский народ ждет от депутатов работы и забот, которые содействовали бы укреплению военной мощи России¹⁴. (Напомним, вопросы, связанные с деятельностью Военного министерства, не подлежали рассмотрению представительным органом, согласно ст. 31 Учреждения Государственной думы¹⁵.) Говорил М. В. Родзянко и о том, что русский народ ждет от депутатов законодательных трудов, «направленных к утверждению во всех слоях населения сознательного повиновения закону, к устранению в условиях повседневной народной жизни проявлений недопустимого произвола». Упомянул он и о реформах местного самоуправления: «Страна ждет от нас, гг. члены Государственной думы, законодательных мер, способствующих развитию основ местного самоуправления и народных экономических сил»¹⁶. Этот тезис является изложением п. 2 и 4 программы «Союза 17 октября»: «Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством,

с представителями провинциальных групп. Приведем слова члена Центрального комитета кадетов Н. А. Гредескула: «Устами этого самого Родзянко заговорила сама история, когда он остановился, в своей вступительной речи, на административном произволе и на необходимости осуществлять обещания 17 октября» (Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: в 3 т. М., 2000. Т. 2. 1908–1914 г. С. 406). А лидер кадетов П. Н. Милюков вспоминал о ней и в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 4 августа 1917 г.: «...Родзянко заговорил о конституции после своего избрания в председатели...» (Показания П. Н. Милюкова, 4 августа 1917 г. // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 303).

¹¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 6.

¹² Там же. Стб. 7.

¹³ Основная программа Союза 17-го октября: [утверждена Всероссийским съездом 8 февраля 1906 года]. [М., 1906]. С. 5. В пояснении к этому пункту в программе есть следующие слова: «Укрепление в русской политической жизни этих начал... должно входить в задачи Союза». Таким образом, М. В. Родзянко подтвердил приверженность идеям, которые были озвучены и приняты октябристами еще в 1906 г.

¹⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 7.

¹⁵ Учреждение Государственной думы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1909. Т. XXVI. Отд. 1. № 27424. С. 151.

¹⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Стб. 7.

основанным на общем избирательном праве» и «Развитие и укрепление начал местного самоуправления»¹⁷.

По мнению председателя Думы, важнейшая цель, стоявшая перед народными избранниками: «Благо и счастье нашей великой родины, за славу, нерушимую целостность и государственное достоинство которой мы все бестрепетно готовы положить наши силы и жизнь, если суждено сгуститься в грозные тучи тем облакам, которые ныне поднимаются на мировом горизонте»¹⁸. Здесь М. В. Родзянко делал отсылку на первый пункт программы партии: «Сохранение и нераздельность Российского государства»¹⁹. В конце речи он призвал членов Думы «к дружной, доверчивой работе, к взаимной помощи в наших трудах, к устранению вредных раздоров и ненужных трений»²⁰.

Таким образом, в своей речи председатель Государственной думы настаивал на реализации программы партии октябристов: защите «представительного строя на конституционных началах», которую предполагал положить в основу работы нижней палаты парламента.

Небезынтересной представляется общественная реакция на речь М. В. Родзянко. Так, от Центрального комитета «Союза 17 октября» председатель Думы получил телеграмму с поздравлениями и словами благодарности за прекрасную речь, а также выражением надежды на то, что «Думе удастся осуществить ее указания». В ответ М. В. Родзянко выразил удовлетворение по поводу того, что его речь «отвечает запросам партии»²¹. Не отставала от ЦК и думская фракция октябристов: «Чрезвычайно выпуклым, ярким и полным отражением взглядов фракции на общее политическое положение, на политические задачи и основные требования является речь М. В. Родзянко при его избрании на пост председателя Государственной думы»²².

Откликнулись на речь М. В. Родзянко и депутаты Государственной думы. Правый депутат Г. А. Щечков с возмущением писал о том, что председатель Думы М. В. Родзянко «стал теперь вербовать себе сторонников среди левых. Для их приманки он обещал включить в свою программную речь, произносимую при вступлении в должность, не более, не менее как провозглашение конституционного начала руководящим началом будущей думско-законодательной деятельности»²³. Октябрист И. С. Ключев в своем дневнике так охарактеризовал выступление М. В. Родзянко: «Вступительная речь Родзянки была прекрасна. Я оценил ее баллом 5+. Она заключала в себе программу всей будущей деятельности Госуд[арственной] думы в том ее виде, какой желали ей придать истинные октябристы. Об этой речи с самой лучшей стороны отзывались все члены... Думы и все газеты»²⁴. Еще один октябрист А. Д. Протопопов заявил: «Речь Родзянко — выражение конституционного настроения страны в самой осторожной форме»²⁵.

¹⁷ Основная программа Союза 17-го октября. С. 5, 12.

¹⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Стб. 8.

¹⁹ Основная программа Союза 17-го октября. С. 3.

²⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Стб. 8.

²¹ Отчет Центрального комитета «Союза 17 октября» о его деятельности: с 1 сентября 1912 года по 1 октября 1913 года. М., 1913. С. 71.

²² Фракция Союза 17-го октября в IV Государственной думе: (Обзор деятельности): Сессия первая: 15 ноября 1912 – 25 июня 1913 года. СПб., 1914. С. 74.

²³ *Щечков Г. А.* Несостоятельность Государственной думы ныне действующего закона. Харьков, 1913. С. 16.

²⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об.

²⁵ В кулуарах // Биржевые ведомости. 1912. 16 ноября (утр. вып.).

Заведующий министерским павильоном Думы Л. К. Куманин в своем донесении председателю Совета министров от 15 ноября 1912 г. назвал речь председателя программной, а также сообщал об оживленных откликах на нее, приводя мнения девяти членов Думы. Особенно активно речь председателя Думы обсуждали кадеты. М. В. Челноков заявил, что «слова Родзянко особенно значительны, если учитывать круг тех понятий, среди которых он вырос и вращался». По мнению М. С. Аджемова, «громадное политическое значение сегодняшнего акта в том, что он учел и отражает конституционное движение в стране». А. И. Шингарев назвал поведение октябристов антиправительственной демонстрацией²⁶. А. М. Александров, заявил, что в речи М. В. Родзянко «вполне ясно подчеркнуто отношение его к конституции, ибо в ней он совершенно определенно выставил себя председателем конституционной палаты»²⁷. В. А. Маклаков также одобрил «великолепную» речь М. В. Родзянко, так как «октябристы твердо, ясно и определенно заявили о том, что намерены приступить к осуществлению манифеста 17 октября»²⁸. Суворинское «Вечернее время» (близкое к октябристам) писало, что В. А. Маклаков речь председателя Думы «слушал с чувством глубокого удовлетворения, сознавая, что в каждом слове говорится именно то, что хотелось бы слышать в этот день»²⁹. Трудовик В. И. Дзюбинский высказался так: «Речь Родзянко — это вексель, по которому мы сумеем заставить заплатить и Родзянко, и октябристов»³⁰, а его софракционер А. Ф. Керенский назвал речь председателя характерным симптомом: «Условия русской жизни, очевидно, стали такими, что приверженцами конституции становятся самые умеренные политики». Меншевик Н. С. Чхеидзе не мог и подумать, что в этой Думе председатель будет говорить такие речи, сообщала «Бессарабская жизнь»³¹.

От членов Думы не отставала и либеральная печать. Кадетская «Речь» заявила, что выступление М. В. Родзянко на всех произвело прекрасное впечатление: «Она была и содержательна, и умна, и конституционна»³². В другой статье этого же номера газета заявила, что «М. В. Родзянко решился, наконец, произнести то слово, без которого не могло быть никакого единения между членами возможного конституционного большинства. Вчера конституционное большинство сложилось около конституционной декларации председателя»³³. Л. Неманов в «Ежегоднике газеты «Речь» на 1914 год» писал: «Вступительная речь М. В. Родзянко произвела большое впечатление, так как она явилась своего рода программным ответом на старания правительства составить правое большинство»³⁴.

²⁶ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 20.

²⁷ После заседания / Государственная дума (По телефону из СПб от наш[его] корресп[ондента] // Голос Москвы. 1912. 16 ноября.

²⁸ Там же.

²⁹ Кс. Ал. В. А. Маклаков о речи нового председателя // Вечернее время. 1912. 16 ноября.

³⁰ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 20. Укажем, что схожие слова про вексель газета «Раннее утро» приписывала и октябристу Н. П. Шубинскому: «...Речь Родзянко — это вексель, по которому ему и октябристам придется в свое время платить» (Депутаты о речи Родзянко / В кулуарах // Раннее утро. 1912. 16 ноября).

³¹ Казм. Четвертая (Письмо из Петербурга) // Бессарабская жизнь. 1912. 18 ноября.

³² Литовцев С. Впечатления / В парламентских кругах // Речь. 1912. 16 ноября.

³³ С.-Петербург, 16 ноября // Речь. 1912. 16 ноября.

³⁴ Неманов Л. Труды Государственной думы // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. СПб., 1914. С. 163.

«Биржевые ведомости» заявили, что в стенах Думы состоялась политическая демонстрация октябристов и оппозиции, содержание которой изложено в речи М. В. Родзянко, а точнее в «его словах о представительном строе на конституционных началах». По мнению газеты, «жизнь устремилась влево — это ярко свидетельствует каждое ее дыхание»³⁵. В следующем номере газета подчеркнула, что М. В. Родзянко, произнеся «конституционные» слова 15 ноября, взял на себя определенные обязательства: «Взрыв аплодисментов, подчеркнувший те слова, которые раздались из уст М. В. Родзянко и которые были обращены к стране, обязывают к стойкости даже тех, кто в своих воззрениях стоит на почве умеренности»³⁶.

Октябристский «Голос Москвы» полагал, что речь М. В. Родзянко положила конец «легенде об октябристах, показала их настоящее лицо»³⁷. По мнению газеты, «в этом заявлении со стороны октябристов нет ничего нового: они с самого первого дня основания партии во всех собраниях всегда открыто именовали себя приверженцами конституционного строя, и М. В. Родзянко, произнося свою прекрасную во всех смыслах речь, повторил лишь то, что и он сам и его сочлены по партии неустанно заявляют уже в течение 7 лет». «Любопытно отметить, — продолжал «Голос Москвы», — что из всех бывших пяти председателей Г[осударственной] думы только... два октябриста, Гучков и Родзянко, при вступлении в должность, произнесли наиболее яркие конституционные речи... Ни Муромцев, председатель 1-й Думы, ни г. Головин, председатель 2-й Думы, не решились почему-то в свое время столь же определенно и недвусмысленно высказаться по кардинальному вопросу русской политической действительности»³⁸.

Прогрессистское «Утро России», говоря о речи М. В. Родзянко, указала на важность употребления слов «конституция», «конституционный строй» из уст М. В. Родзянко: «...Октябристы, в лице председателя Думы, не только подчеркнули свою конституционность, но и дали торжественное обязательство укреплять основы конституционного строя в России на началах манифеста 17 октября»³⁹. В этом же номере председатель II Думы кадет Ф. А. Головин поделился своими мыслями о речи М. В. Родзянко: «...Я не ожидал, что М. В. Родзянко пойдет так далеко по пути конституционализма и так определенно поставит точку над i... Без сомнения, речь М. В. Родзянко была октябристами заранее санкционирована»⁴⁰.

«Новое время» также весьма комплиментарно оценило выступление М. В. Родзянко: «Прекрасная, полная достоинства, речь председателя произвела на всех слушавших ее большое впечатление»⁴¹. Она была восторженно принята членами Думы: «Все подчеркивали, что в ней с удивительной ясностью выражены как непоколебимая крепость Царской власти, с одной стороны, так и твердая убежденность в незыблемости нового представительного строя на конституционных началах, с другой стороны»⁴².

Газета «День» отмечала декларативный характер речи нового председателя: «Лично г. Родзянко вырос. Правда, пять лет он состоял в приготовительном классе

³⁵ Первый день / С.-Петербург, 16-го ноября // Биржевые ведомости. 1912. 16 ноября (утр. вып.).

³⁶ Демонстрация / С.-Петербург, 17-го ноября // Биржевые ведомости. 17 ноября (утр. вып.).

³⁷ Первый удар // Голос Москвы. 1912. 17 октября.

³⁸ Конституционные речи // Голос Москвы. 18 ноября.

³⁹ Новая Дума // Утро России. 1912. 17 ноября.

⁴⁰ К чему обязывает речь М. В. Родзянко // Утро России. 1912. 17 ноября.

⁴¹ Ксюнин Ал. В Государственной думе // Новое время. 1912. 16 ноября.

⁴² I. В. В Таврическом дворце / Вечерняя хроника // Новое время. 1912. 16 ноября.

конституционной школы... И теперешний язык его не тот язык, каким говорил он при своем избрании в третью Государственную думу. Речь его, конечно, была инспирированной со стороны партии, и, таким образом, ее надлежит рассматривать и как декларацию со стороны октябристов»⁴³.

«Русские ведомости» тоже дали высокую оценку выступлению М. В. Родзянко: «На этот раз приветственная речь председателя Думы вполне соответствовала достоинству учреждения, в котором она произносилась, и торжественности минуты, когда она была сказана»⁴⁴. Газета также полагала, что речь 15 ноября уже не носила показательный характер: «...На этот раз речь председателя Думы не ограничивалась выражением принципиального сочувствия конституции, но и выдвигала именно конституционные задачи на первую очередь. Несомненно, что М. В. Родзянко произнес свою речь не только с ведома, но и с одобрения товарищей по фракции, и эта речь, таким образом, свидетельствует о готовности октябристов вступить на новый путь»⁴⁵.

А вот газета «Русское слово» не увидела «полевание» М. В. Родзянко, но подчеркнула, что председатель Думы в своей речи говорил о нуждах и заботах страны: «Дума шумно приветствовал г. Родзянко именно за правдивое указание на неотложные реальные нужды страны и за его думскую точку зрения на эти нужды. Председатель понял настроение Думы, а Дума поняла своего председателя»⁴⁶.

Передовица «Современного слова» подчеркивала политический характер выступления нового председателя: «В речи М. В. Родзянко, слишком длинной для такого случая, было слишком много политики. В ней были затронуты те политические темы, которые обыкновенно не составляют предмет подобных речей»⁴⁷.

Правительственный официоз «Россия» 16 ноября писал: «Речь М. В. Родзянко после избрания, произнесенная с присущей ему отчетливостью и воодушевлением, вызвала неоднократные одобрения на всех скамьях, кроме... крайне правой»⁴⁸. В редакционной статье от 20 ноября было указано, что газета подверглась критике за свои публикации о начале работы IV Государственной думы: «Утверждают, что мы напрасно стараемся замолчать факт явного “полевания” Думы, что мы только притворяемся, будто не понимаем смысла речи, произнесенной М. В. Родзянкой, что мы нашими статьями туманными, или, во всяком случае, недостаточно определенными, пытаемся прикрыть наше смущение и т. д.»⁴⁹.

В правых же периодических изданиях появились публикации с критикой речи председателя Думы М. В. Родзянко. «Земщина» опубликовала статью С. К. Глинки-Янчевского, с возмущением писавшего: «Он [Родзянко] ни звуком не отозвался на приветствие Государя. Не предложил ни ответного адреса, ни иного выражения верноподданнических чувств собрания, созванного волей Самодержца. Он распространялся о конституции, о своих надеждах на осуществление манифеста 17 октября, конечно, в духе освободителей, и в конце речи испросил позволения передать Государю чувство “верноподданнической радости” по случаю выздоровления Наследника

⁴³ Петербург, 16 ноября // День. 1912. 16 ноября.

⁴⁴ Москва, 16 ноября // Русские ведомости. 1912. 16 ноября.

⁴⁵ Москва, 17 ноября // Там же. 17 ноября.

⁴⁶ «Общий язык» // Русское слово. 1912. 18 ноября.

⁴⁷ С.-Петербург, 16 ноября // Современное слово. 1912. 16 ноября.

⁴⁸ Г. К-ий. В Таврическом дворце // Россия. 1912. 16 ноября.

⁴⁹ С.-Петербург, 19-го ноября // Россия. 1912. 20 ноября.

Цесаревича... Это — выражение чувств, присущих даже революционерам, сохранившим еще человеческий облик, но это вовсе не ответ верноподданных на приветствие своего Повелителя»⁵⁰. Здесь С. К. Глинка-Янчевский не совсем точен, в своей речи М. В. Родзянко все же произнес: «Государственная дума четвертого созыва приступает к своим занятиям с неизменным чувством незыблемой и непоколебимой преданности своему венценосному вождю...»⁵¹.

«Колокол» упрекал председателя Думы в том, что он «базируется на голосах антигосударственных партий». «Если г. Родзянко захотел быть избранником Милюкова и прочей кагальной братии, пусть и несет на себе все последствия», — заключала газета⁵².

Крайне правое «Русское знамя» грозило председателю Думы уголовным преследованием: «...г. Родзянко объявил себя убежденным сторонником конституции и первой задачей думы ставит “укрепление” конституции, к чему призвал народных избранников. Укрепление же конституции можно понимать только в смысле ограничения Верховной власти, не существующего доселе — при котором Свободная Воля Монарха уже не могла бы проявить Себя. Такое стремление — ограничение Верховной власти — предусмотрено в ст. 99 Уголовного Уложения и карается смертной казнью. Провозглашение программой своей деятельности совершение политического преступления и одобрение сего большинством Государственной думы есть открытый революционный акт»⁵³. На следующий день в газете была опубликована статья «Да здравствует конституция!», в которой интерпретировались намерения председателя Думы: «...Речь его после избрания в председатели — сплошной крик, была в толковании ее естественного смысла “да здравствует конституция после упразднения Самодержавия”!»⁵⁴.

Газета «Гроза», занимавшая позиции даже правее «Русского знамени», также приравнивала речь М. В. Родзянко к мятежу: «Вновь избранный председатель Думы пошел навстречу желаниям большинства и провозгласил себя сторонником конституции, то есть, такой формы правления, при которой власть Государя ограничена властью народных представителей. Этот открытый призыв к мятежу, к ниспровержению существующего Государственного строя остался безнаказанным, и тем молчаливо разрешается идти всем желающим дальше в том же направлении»⁵⁵. «Гроза» также напоминала председателю Думы о действующем Уголовном уложении: «...Пусть и шталмейстер Родзянко познакомится с веревкой на шее по 99 ст. Угол. улож., карающей смертной казнью за стремление к ограничению Царской власти, и на будущее время остерегутся произносить подобные слова даже шепотом»⁵⁶.

После выхода этого номера М. В. Родзянко 22 ноября 1912 г. обратился к председателю Совета министров с просьбой впредь не допускать «подобные резкие нападки против высшего государственного учреждения»⁵⁷. 26 ноября 1912 г. В. Н. Коковцов написал министру внутренних дел А. А. Макарову по поводу публикации «Грозы»,

⁵⁰ Глинка С. Торжество левых // Россия. 1912. 20 ноября.

⁵¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Стб. 6.

⁵² К. Торжество победителей // Колокол. 1912. 17 ноября.

⁵³ С.-Петербург, 17 ноября // Русское знамя. 1912. 17 ноября.

⁵⁴ Дядя Шпыный. Да здравствует конституция! // Там же. 18 ноября.

⁵⁵ С.-Петербург, 20 ноября 1912 года // Гроза. 1912. 20 ноября.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 559. Л. 2.

приложив копию письма председателя Думы. А. А. Макаров отправил дело на рассмотрение прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты, который, руководствуясь решением Правительствующего сената от 18 мая 1910 г., разъяснил, что оскорбление в печати члена Государственной думы рассматривается как оскорбление должностного лица и карается по ст. 1040 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных⁵⁸. Отметим, что М. В. Родзянко обратился к председателю Совета министров только по поводу публикации в газете «Гроза», а вот статья в «Русском знамени» схожего содержания не привела к каким бы то ни было последствиям.

Консервативные «Московские ведомости» только через две недели (29 ноября) откликнулись на нашумевшую речь председателя Думы. В передовице «Русский государственный строй и камергер Родзянко» председатель Думы упрекался в незнании законов: «Откуда г. Родзянко взял, что манифест 17 октября 1905 года даровал России представительный строй на конституционных началах?». В статье также говорилось о несовместимости таких политических заявлений с должностью председателя Думы: «Но о своих политических симпатиях камергер Родзянко мог бы удобнее говорить с епутатского кресла, чем с председательского. Его обязанности в звании председателя состоят вовсе не в достижении того или иного государственного строя, а в руководстве работами вверенного ему учреждения. Таким образом, его политическое выступление вообще не должно бы иметь места в звании председателя Думы». «А посему камергер Родзянко, оставаясь на почве закона, не должен был делать своего ни на чем не основанного заявления, а господа члены Думы не должны были рукоплескать и кричать “браво”»⁵⁹.

Иностранная пресса также откликнулась на речь М. В. Родзянко, называя ее политической программой. В материалах Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел можно найти выдержки из зарубежных газет, содержащие сведения о начале работы IV Думы. Немецкая *Frankfurter Zeitung* писала: «IV Думе суждено сыграть решающую роль в будущем развитии русской конституции. В виду сего следует приветствовать заявление нового председателя, что он считает главной заботой народных представителей проведение в жизнь принципов, положенных в основу манифеста 17-го октября»⁶⁰. Еще одно немецкое издание — *Kölnener Tageblatt* — утверждало, что «обстоятельства, сопровождавшие открытие IV Гос. думы, показали, что парламентаризм успел пустить в России прочные корни... Хотя Родзянко и говорил в своей речи о единении ЦАРЯ с народом, тем не менее, он дал понять, что, фактически, такого единения не существует»⁶¹. А французская газета *Le Siècle* 9 декабря 1912 г. дала следующую характеристику первому дню работы Думы

⁵⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 559. Л. 1, 4, 5; Поход на «Грозу» // Гроза. 1912. 25 декабря. Ст. 1040 Уложения гласила следующее: «За всякий оскорбительный отзыв в печати о частном или должностном лице, или обществе, или установление, выражающий или заключающий в себе злословие или брань, но без указания определенного позорящего обстоятельства, виновных подвергается: денежному взысканию не свыше трехсот рублей и аресту от семи дней до трех месяцев; или заключению в тюрьму от двух до восьми месяцев» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886. С. 407).

⁵⁹ Русский государственный строй и камергер Родзянко / Москва, 28 ноября // Московские ведомости. 1912. 29 ноября.

⁶⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 32. Д. 25. Л. 375.

⁶¹ Там же. Л. 477.

нового созыва: «Дебют IV-ой Гос[ударственной] думы — блестящий. Избрание г. Родзянко и его политическая программа приняты восторженно, как в Петербурге, так и в других крупных центрах»⁶².

Заключение. Речь М. В. Родзянко, произнесенная 15 ноября 1912 г. после избрания его на пост председателя IV Государственной думы, являлась конституционной декларацией, в которой он объявил о намерении защищать основы конституционного строя. Она была поддержана практически всем депутатским корпусом, за исключением правых и националистов, а также оппозиционной печатью в качестве программы работы нижней палаты российского парламента.

Литература

1. Аврех А. Я. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М.: Наука, 1981. 256 с.
2. Архипов И. Созвездие обреченных: Двенадцать в революции. СПб.: Амфора, 2016. 510 с.
3. Вишневы Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М.: Россия молодая, 1994. 192 с.
4. Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с.

References

1. Avrekh A. Ia. Tsarizm i IV Duma 1912–1914 gg. [Tsarism and the IV Duma]. Moscow: Nauka, 1981. 256 p. (In Russ.).
2. Arkhipov I. Sozvezdie obrechennykh: Dvenadtsat' v revoliutsii [Constellation of the Doomed: Twelve in Revolution]. Saint Petersburg: Amfora, 2016. 510 p. (In Russ.).
3. Vishnevski E. Liberal'naia oppozitsiia v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny. [Liberal opposition in Russia on the eve of the First World War]. Moscow: Rossiia molodaia, 1994. 192 p. (In Russ.).
4. Gaida F. A. Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiia (1910–1917) [Power and the public in Russia: a dialogue about the path of political development (1910–1917)]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2016. 604 p.

⁶² РГИА. Ф. 776. Оп.32. Д 25. Л. 537.

УДК 94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.08

Чемакин Антон Александрович

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

**МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЗМОМ И СОСЛОВНОСТЬЮ:
«ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫБОРАХ В КУБАНСКУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ РАДУ (1919–1920 гг.)»**

Аннотация. Статья посвящена закону о выборах в Кубанскую законодательную раду — парламент Кубанского края. Согласно «Основным законам Кубанского края», принятым в 1918 г., в крае должно было существовать два представительных органа — Краевая рада, выбиравшая атамана, занимавшаяся пересмотром конституции и вопросами чрезвычайного значения, и Законодательная рада, деятельность которой была связана с текущей законодательной работой. В конце 1918 г. Законодательная рада была избрана Краевой радой, но в дальнейшем она должна была избираться на всеобщих выборах. К осени 1919 г. был подготовлен закон о выборах в Законодательную раду, предполагавший чрезвычайно сложную и запутанную избирательную систему. Так, в нескольких одномандатных и двухмандатных округах должна была применяться мажоритарная система относительного большинства, а в восьми многомандатных и в отдельной горской национальной курии — панаширование, предполагавшее пропорциональную систему, но при этом дававшее возможность включать в свой бюллетень как кандидатов из разных списков, так и вообще любого человека, имеющего право быть избранным. При подведении итогов голосования предполагалось перераспределение голосов между индивидуальными кандидатурами в различных округах. Современники полагали, что разработанный закон являлся самым демократическим в мире, вобравшим в себя преимущества как пропорциональной, так и мажоритарной системы. Но при этом пресса, отмечая множество достоинств закона, также указывала на то, что из-за введенного ценза оседлости иногородние были поставлены в неравное положение по сравнению с казаками, горцами и коренными крестьянами. С некоторыми поправками закон был принят в январе 1920 г., но к этому времени он уже не мог иметь практического значения из-за наметившегося поражения белых в Гражданской войне.

Ключевые слова: Кубанский край, Кубанская законодательная рада, выборы, панаширование, пропорциональная система, мажоритарная система, Гражданская война.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 21-78-00015 «Электоральные процессы в условиях Гражданской войны: на примере антибольшевистских государственных образований европейской части России (1918–1920 гг.)».

UDC 94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.08

Chemakin Anton A.

Candidate of Historical Sciences

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

BETWEEN DEMOCRATISM AND ESTATE SYSTEM: “THE LAW ON ELECTIONS TO THE KUBAN LEGISLATIVE RADA (1919–1920)”

Abstract. The article is dedicated to the law on elections to the Kuban Legislative Rada — the parliament of the Kuban Region. According to the “Basic Laws of the Kuban Region” adopted in 1918, there were supposed to be two representative bodies in the region — the Regional Rada, which elected the Ataman, dealt with the revision of the constitution and emergency issues, and the Legislative Rada, whose activities were related to current legislative work. At the end of 1918, the Legislative Rada was elected by the Regional Rada, but in the future it was supposed to be elected by universal suffrage. By the fall of 1919, a law on elections to the Legislative Rada had been prepared, which envisaged an extremely complex and confusing electoral system. So, in several single-member and two-member districts, FPTP system and plurality block voting were supposed to be applied, and in 8 multi-member districts and in a separate national curia of the Caucasian highlanders — panachage, which provided for a proportional system, but at the same time allowed including to the ballot paper candidates from different lists and even any person who had the right to be elected. When tallying the votes, a redistribution of votes between individual candidates in different districts was envisaged. Contemporaries believed that the developed law was the most democratic in the world, incorporating the advantages of both proportional and majoritarian systems. However, the press, while noting the many advantages of the law, also pointed out that because of the introduced residency requirement, “nonresidents” were put in an unequal position compared to Cossacks, Caucasian highlanders and “indigenous” peasants. With some amendments, the law was adopted in January 1920, but by this time it could no longer have practical significance due to the impending defeat of the Whites in the Civil War.

Keywords: Kuban Region, Kuban Legislative Rada, elections, panachage, proportional system, majoritarian system, Civil War.

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015 “Electoral processes during the Civil War by the example of anti-Bolshevik quasi-states in European Russia (1918–1920)”.

Введение. Основные политические противоречия на Кубани в годы Гражданской войны были связаны с наличием в крае двух крупных сообществ — казаков Кубанского казачьего войска и иногородних. По состоянию на 1914 г. в сельских поселениях Кубани проживало 49 % иногородних, 46,3 % казаков и 4,7 % горцев; в городских поселениях — 97,6 % иногородних, 1,8 % казаков

и 0,6 % горцев; в целом по краю — 52,8 % иногородних, 42,9 % казаков и 4,3 % горцев. Таким образом, иногородние составляли абсолютное большинство жителей Кубани, но при этом они находились в худшем экономическом положении и были серьезно ограничены в гражданских правах. Термин «иногородние» можно понимать двояко. С одной стороны, им обозначали все население Кубани за вычетом казаков и горцев. С другой стороны, этим же термином называли более узкую группу лиц, проживающих на Кубани, но не имеющих в крае собственной (купчей или надельной) земли сельскохозяйственного значения. Эта группа составляла 91 % от всех иногородних в широком значении, а так называемые коренные иногородние, обладающие землей, — 9 % (согласно переписи 1917 г. соотношение было немного другим — 85 % и 15 %)¹.

По Временному положению об управлении Кубанским краем, принятому Краевой радой 5 декабря 1918 г., законодательная власть в крае принадлежала Краевой и Законодательной радам, а исполнительная — войсковому атаману и краевому правительству. Таким образом, в крае существовало два парламента. Краевая рада, созывавшаяся время от времени, выбирала атамана, рассматривала и утверждала законы, вносившие изменения в основные положения об управлении краем, решала вопросы, предлагаемые атаманом или Законодательной радой.

Законодательная рада должна была избираться на три года на основании особого закона. В отличие от Краевой рады она действовала на постоянной основе. К ведению Законодательной рады относились вопросы рассмотрения и утверждения бюджета, введения налогов, призыва на военную службу, утверждения договоров с другими государствами, государственными образованиями и областями, контроля над деятельностью исполнительной власти края².

В силу чрезвычайных обстоятельств и невозможности быстро организовать полноценные выборы состав Законодательной рады на 1918–1919 гг. был сформирован путем избрания ее членов из числа депутатов Краевой рады. Так как Краевая рада занималась сравнительно узким кругом «конституционных» вопросов, повседневная работа и борьба должны были вестись именно в стенах Законодательной рады, следовательно, закон о выборах в нее приобретал чрезвычайно важное значение в политической жизни Кубани периода Гражданской войны.

Тема закона о выборах в Законодательную раду ранее уже поднималась в научной литературе, в частности в исследованиях П. И. Остапенко, Е. В. Щетнева³ и В. Р. Аверьяновой, Р. М. Дзидзоева⁴. Хотя в данных работах и приводятся достаточно обширные выдержки из законопроекта, но авторы, к сожалению, опирались исключительно на черновой вариант положения и полностью проигнорировали материалы прессы и протоколы комиссии по самоуправлению Законодательной рады. Все изменения, касавшиеся увеличения численности Рады со 100 до 104 депутатов,

¹ Коломенский А. Иногороднее население Кубанского Края (Статистический очерк) // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. 20 декабря (1920. 2 января). № 16–18. С. 21–23, 26.

² Основные законы Кубанского края. 1. Об управлении Краем. 2. О земле. Екатеринодар, 1919. С. 3–4.

³ Остапенко П. И., Щетнев Е. В. Законодательство Кубанского края (Опыт историко-правового исследования). Краснодар, 2000. С. 42–46.

⁴ Аверьянова В. Р., Дзидзоев Р. М. Государственность на Кубани в период 1917–1920 гг.: историко-правовое исследование. Краснодар, 2019. С. 4, 89–90.

корректировки ценза оседлости и системы подсчета голосов, никак в приведенных трудах не отражены.

Ход и результаты исследования. Для рассмотрения проекта Положения о выборах в Законодательную раду при ведомстве внутренних дел Кубанского краевого правительства была образована особая комиссия. В начале сентября 1919 г. она рассмотрела вопрос о системе голосования и шестью голосами против двух приняла пропорциональную систему (хотя, как будет показано ниже, для ряда округов были сделаны исключения). В основу было решено положить систему, установленную для выборов гласных городских дум Кубанского края, «внеся в нее некоторые подсказываемые практикой коррективы»⁵. Основным автором проекта положения был заведующий отделом законодательных предположений по местному самоуправлению Кубанского краевого правительства и бывший армавирский городской голова А. А. Колычев.

Как отмечали разработчики закона, представляя его на суд законодателей, за основу они взяли положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, в Крымский краевой сейм и в городские думы Кубанского края⁶. От выборов в Учредительное собрание были взят принцип, согласно которому в одних избирательных округах использовалась одна система, а в остальных — другая. В случае с Учредительным собранием в большинстве округов применялась пропорциональная система, но в некоторых случаях в качестве исключения использовались различные разновидности мажоритарной системы: в одномандатных округах — плюральная (относительного большинства), в двухмандатных — блоковая. Точно так же при выборах в Законодательную раду основной была пропорциональная система, но для городов, избравших одного депутата, должна была применяться плюральная, двух депутатов — блоковая. Из закона о выборах в городские думы Кубанского края в закон о выборах в Законодательную раду переключалась разновидность пропорциональной системы с открытыми списками — панаширование, — позволявшая голосовать за кандидатов из разных списков, смешивая их, а также возможность голосовать за любого человека, не включенного в зарегистрированные списки. Наконец, из закона о выборах в Крымский краевой сейм была позаимствована возможность корректировать результаты, полученные в округах, на общекраевом уровне (правда, в итоговой версии кубанского законопроекта от законопроекта крымского практически ничего не осталось).

Согласно подготовленному Колычевым проекту, Законодательная рада должна была состоять из членов, избранных на основе всеобщего, без различия пола, избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования с применением начала пропорционального представительства. Для производства выборов образовывалось семь отдельных округов, шесть городских и горская национальная курия, приравненная к округу. Рада должна была избираться на три года и состоять из 80 депутатов, но на первых после утверждения закона выборах планировалось в качестве исключения избрать 100 депутатов. Распределение мест по округам можно увидеть в таблице 1.

⁵ Кубанская земля. 1919. 7 сентября. № 59. Подробнее про выборы в городские думы см.: Чемакин А. А. Городские выборы на Кубани (весна – осень 1919 года) // Научный диалог. 2021. № 12. С. 109–122.

⁶ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 13. Л. 44 об.; Вольная Кубань. 1919. 22 октября. № 234; 25 октября. № 237.

Таблица 1

**Распределение депутатов по округам на основании средних цифр
о населении Кубанского края за 1910, 1913, 1915 гг.
(в редакции комиссии по местному самоуправлению
Законодательной рады от 22 октября 1919 г.)⁷**

Округа	Население	По расчету на 80 депутатов		По расчету на 100 депутатов	
		Коэффициент	Число депутатов	Коэффициент	Число депутатов
Отдельские округа					
Баталпашинский	204 816	5,54	5	6,87	7
Екатеринодарский	293 696	7,86	8	9,85	10
Лабинский	436 351	11,73	12	14,65	14
Майкопский	361 505	9,71	10	12,14	12
Таманский	450 014	12,09	12	15,11	15
Кавказский	387 920	10,40	10	13,02	13
Ейский	372 597	10,27	10	12,84	13
Итого по отделам	2 516 907	67,60	67	84,52	84
Городские округа					
Екатеринодар и Горячий Ключ	102 678	2,81	3	3,44	3
Ейск	48 695	1,33	1	1,67	2
Майкоп	51 610	1,41	2	1,73	2
Темрюк и Анапа	35 630	0,98	1	1,19	1
Армавир	45 000	1,23	1	1,51	2
Хутора Романовский и Тихорецкий	45 000	1,23	1	1,51	1
Итого по городам	328 577	8,82	9	11,02	11
Горская курия					
По горской курии	132 196	3,55	4	4,43	5
По всему краю	2 977 680		80		100

Примечание: В сохранившейся в архиве таблице коэффициенты для городских округов (при расчете на 80 депутатов) отсутствовали, поэтому подсчеты в данной графе, выделенные курсивом, произведены нами. Все остальные данные подготовлены разработчиками закона и приводятся в изначальном виде, хотя в них есть некоторые противоречия (например, количество населения по всем отделам при сложении показателей равняется 2 506 899, а не 2 516 907, по городам — 328 613, а не 328 577).

Совет краевого правительства рассмотрел законопроект 13 октября 1919 г., предварительно заслушав доклад Колычева. Председатель правительства П. И. Курганский и управляющий ведомством внутренних дел К. А. Безкровный указали на то, что представленные сведения о численности населения неверны, в частности население Ейского и Таманского отделов гуще, чем указано разработчиками законопроекта. К ним присоединился член правительства по горским делам К. Г. Натырбов, также утверждавший, что горское население значительно больше по численности, и просивший увеличить представительство горцев до восьми депутатов. Совет правительства не нашел возможным удовлетворить ходатайство Натырбова, решив передать вопрос

⁷ Составлено по: ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 195. Л. 68 об. – 69; Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 13. Л. 45.

на рассмотрение Краевой рады⁸. На заседании Совета правительства 14 октября было решено: в связи с призывом на действительную военную службу казаков до 40 лет и иногородних до 35 лет ограничить срок полномочий членов Законодательной рады годичным сроком. В итоге правительство одобрило законопроект и постановило внести его на рассмотрение в Законодательную раду⁹.

После внесения в Законодательную раду проект был спешно передан в комиссию по местному самоуправлению¹⁰. 20–22 октября комиссия обсудила его и внесла ряд принципиальных правок. Так, например, был установлен единый ценз оседлости для иногородних, желающих быть избранными в Раду, — два года, при этом горожанам было разрешено баллотироваться от отдельных округов, а селянам — от городских. Была также предпринята попытка вернуться к системе «твердых» списков, как при выборах в Учредительное собрание, но комиссия пятью голосами против четырех поддержала проект Колычева¹¹.

Самое принципиальное изменение касалось распределения мандатов. Первоначально Колычевым планировалось, что соединять списки можно будет как на первой стадии выборов, в рамках округа, так и на второй стадии, в рамках всего края. Итоги сначала должны были подводиться на уровне округа, а нераспределенные в округе мандаты и остатки голосов за каждый из списков передаваться в краевую комиссию, которая распределяла бы оставшиеся места между одноименными списками из разных округов (система выборов в Крымский сейм). Но эти положения вступали в противоречие с предполагавшейся возможностью выдвигать одну и ту же кандидатуру в двух округах, вычеркивать нежелательных лиц из списков, голосовать за незарегистрированных кандидатов или кандидатов, баллотировавшихся в иных округах, а также передавать голоса за «индивидуальные кандидатуры» из одного округа в другой (модификация системы выборов в городские думы Кубанского края). Член комиссии Ф. К. Воропинов заметил, что «благодаря вычеркиванию популярного кандидата в том округе, где заявлена его кандидатура, он может не пройти в Раду, несмотря на то что за него могут в порядке индивидуальных кандидатур голосовать в других округах, и, таким образом, он может остаться забаллотированным, несмотря на то что им фактически собрано больше голосов, чем избранными». Комиссия решила, что голоса, поданные за одного кандидата, должны суммироваться краевой комиссией, которая и определит окончательные результаты голосования, и поэтому поручила переработать проект¹².

Теоретически можно было найти решение этой проблемы, но система выборов получалась причудливой и запутанной, а времени на исправление замечаний комиссии было очень мало, так что в итоге Колычев решил отказаться от подсчета остатков голосов на уровне края, возможности соединять списки на второй стадии выборов и выставлять одну и ту же кандидатуру в двух округах, серьезно упростив систему подведения итогов и фактически отказавшись от элементов, позаимствованных им из крымского закона.

⁸ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920: сб. документов в 4 т. Т. 3: Июль 1919 – ноябрь 1919 / под ред. А. А. Зайцева. Краснодар, 2008. С. 283.

⁹ Там же. С. 298.

¹⁰ Вольная Кубань. 1919. 20 октября. № 233; Кубанская земля. 1919. 20 октября. С. 4.

¹¹ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 195. Л. 68 об. – 74 об.

¹² Там же. Л. 71 об. – 72.

23 октября 1919 г. на пленарном заседании Законодательной рады началось рассмотрение исправленного законопроекта. Докладчик комиссии по местному самоуправлению Воропинов представил проект и призвал «казачью часть Рады, в видах борьбы с реакцией, забыть обиды прошлого и объединиться со всеми остальными силами края...». Он сообщил, что в будущем Рада будет состоять из 80 человек (один депутат на 37 000 душ населения), но на ближайший год предполагается ее увеличить до 100 депутатов ввиду выяснившейся сложности работы и постоянной посылки Радой различных делегаций из состава своих членов.

Наиболее серьезные прения вызвал вопрос о количестве депутатов и распределении мест между отделами. И. В. Горбушин возражал против увеличения Рады до 100 депутатов, так как оно ляжет тяжелым бременем на краевой бюджет (по его подсчетам, 5–6, а то и 10 млн руб.), делегирование же депутатов на различные конференции, отрывающие их от прямых обязанностей, по его мнению, являлось неконституционным. Горбушин также обратил внимание на неправильное распределение мандатов между округами, от которого в наибольшей степени пострадал Лабинский отдел. В вопросе о распределении мандатов с Горбушиным согласился П. М. Каплин, признав, что недостающий лабинский депутат в целях сохранения за горцами четырех мест «перекочевал» в национальную курию. Представитель горцев М. Гатагогу попросил вернуть «незаконно приобретенного» лабинского депутата в свой округ, но при этом настаивал на выделении национальной курии восьми мест, иначе некоторые горские племена, населяющие Кубань, не получают своего представительства. Лидер иногородних Ю. А. Коробьин категорически возражал против притязаний горцев, считая, что удовлетворение их требований нарушит принцип пропорциональности. Представитель горцев С. Шахим-Гирей, доказывавший, что на Кубани проживает не 132 000, а более 200 000 горцев, заметил, что неудовлетворение их просьбы будет большой несправедливостью. Резюмируя сказанное, докладчик комиссии Воропинов предложил поддержать горцев, увеличив их представительство, ведь «мы, казаки, от этого ничего не потеряем». В результате Рада постановила «заблудившегося» депутата Лабинского отдела вернуть «по месту жительства», а представительство горцев увеличить до восьми человек: таким образом, в составе Законодательной рады должно было быть 104 депутата¹³.

Принятый Радой вариант текста положения о выборах, по всей видимости, не сохранился. В фонде Законодательной рады в Государственном архиве Краснодарского края содержится несколько черновых вариантов, причем в некоторых из них присутствуют правки, отражающие работу над законопроектом¹⁴. Опираясь на эти черновые варианты, а также на протоколы заседаний комиссии по самоуправлению, попытаемся передать основные положения закона.

Право участия в выборах получили русские подданные обоего пола, достигшие 21 года и принадлежащие к составу станичных, волостных, хуторских, волостных, сельских и аульных обществ Кубанского края, а также: вне городов те, которые ко времени первого опубликования избирательного списка проживают в крае не менее пяти лет, в городах — имеющие право участвовать в выборах гласных городских дум (т. е. проживающие в городе как минимум два года). Для получения пассивного

¹³ Кубанская земля. 1919. 25 октября. № 98; Утро Юга. 1919. 25 октября. № 238–266; Кубанская воля. 1919. 25 октября. № 24; Вольная Кубань. 1919. 25 октября. № 237; 26 октября. № 238. С. 2; ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

¹⁴ ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–57 об.; Д. 113. Л. 1–4.

избирательного права необходимо было достичь ко дню выборов 25-летнего возраста, принадлежать к составу станичных, волостных, хуторских, сельских и аульных обществ либо проживать в крае не менее двух лет.

В выборах не участвовали состоящие на действительной службе воинские чины, находящиеся в момент выборов в своей части (те, кто был в отпуске, голосовать могли); чины административного суда, прокурорского надзора, пограничной и городской стражи — в районе своей службы; лица монашествующие; признанные в установленном законом порядке безумными или сумасшедшими; состоящие под опекой глухонемые. Права голоса также лишались лица, присужденные вступившими в законную силу приговорами к различным наказаниям.

Кандидатский список должен был быть заявлен не позднее чем за 30 дней до дня выборов и подписан не менее чем 30 лицами, имеющими право голоса по данному участку и не выставляемыми кандидатами по данному списку, причем каждый избиратель мог подписать только один список. В списке указывались фамилия, имя, отчество, номер по избирательному списку либо место жительства кандидатов. К списку должны быть приложены заявления всех кандидатов о согласии баллотироваться. Организация, предложившая список, могла снабдить его своим названием. Обязательным требованием было включение в список количества кандидатов, превышающего в полтора раза количество избираемых в округе депутатов (так, если в округе избиралось 10 депутатов, то кандидатов должно быть 15, а если семь депутатов, то 11). Одно и то же лицо могло быть выставлено кандидатом только в одном округе и только в одном списке. Зарегистрированные списки получали номера в порядке их поступления и публиковались. Группы избирателей по округам, избирающим более двух депутатов, не позднее чем за семь дней до дня выборов могли подать заявление о соединении списков, но один и тот же список не мог входить в состав более чем одного соединения. В члены Законодательной рады могли быть избраны не только лица, значащиеся в кандидатских списках, но и прочие, пользующиеся избирательным правом. Самовыдвижения как такового не предполагалось, но голосовать можно было вообще за любого человека, соответствующего требованиям закона, даже если он не заявлял о своем выдвижении в данном округе.

Даты голосования назначались краевым правительством, выборы длились в течение двух дней, причем первый из них должен был быть воскресным или праздничным. В первый день участки работали в городах с 9 до 19 час., в прочих населенных пунктах — с 8 до 18 час., во второй день в городах — с 9 до 17 час., в других местах — с 8 до 17 час.

Голосование происходило посредством подачи избирательных записок (бюллетеней), которые могли быть написаны от руки, изготовлены типографическим либо литографическим способом, посредством пишущей машины или иным путем. Записки, в которых указывались фамилии, имена и отчества кандидатов и их номера или адреса, могли подаваться как в конверте, так и без, но в таком случае они должны были быть сложены исписанной стороной внутрь. Избиратель мог подать целиком список, полученный от его представителей, мог вычеркнуть из него нежелательных кандидатов и вписать желательных, мог, наконец, самостоятельно составить записку, включив в нее кандидатов из разных списков. В округе, избиравшем 10 депутатов, избиратель имел право включить в свою записку от одной до 15 фамилий (если же в ней было, например, 18 фамилий, то три последние просто не принимались в расчет). Не принимались в расчет также фамилии кандидатов, уже упоминавшихся в данной

записке или не имевших права быть избранными. Соответственно, каждый бюллетень содержал в себе столько баллов, сколько лиц в нем значилось. Баллы за кандидатов, состоящих в заявленных списках, автоматически причислялись к соответствующим спискам. Те кандидаты, которые не значились в заявленных списках, относились к особому списку индивидуальных кандидатур (таковой не составлялся в округах, избирающих одного или двух депутатов).

К горской курии относились карачаевцы, ногойцы, черкесы (бжедухи, шапсуги, темиргоевцы, махошевцы, кабардинцы, бесленеевцы, абазинцы, абадзехи). Они не могли избираться по другим округам и голосовать за лиц, не принадлежащих к своей курии. Горская курия распространялась не только на территории аульных юртов, но отчасти имела и экстерриториальный характер: в каждом населенном пункте вне горских поселений в одном из участков должен был выставляться отдельный избирательный ящик для горцев. Выборы в аулах должны были длиться в течение четырех дней с 8 час. утра до 15 час. дня, причем первые два дня предназначались для подачи голосов мужчинами, а последние два — женщинами.

По завершении голосования начиналось подведение результатов. В округах, избирающих одного и двух депутатов, избранными считались кандидаты, получившие наибольшее число голосов, хотя бы и не достигающее половины от всех проголосовавших. Таким образом, в двух одномандатных и трех двухмандатных округах применялась мажоритарная система относительного большинства (в первом случае — плюральная, во втором — блоковая), а партийные списки никакой роли при подсчете голосов не играли.

Комиссии округов, избирающих более двух депутатов, подводили предварительные итоги и передавали выборные листы (протоколы), в которых приводилось количество голосов за каждый из заявленных списков и за каждого отдельного кандидата, в краевую комиссию. Краевая комиссия, получив выборные листы, производила перераспределение голосов между округами, избирающими не менее двух депутатов. Если за кандидата, заявленного в списке, поданы были голоса избирателями других округов как за индивидуальную кандидатуру, то эти голоса передавались в тот округ, где кандидат шел по списку, и присоединялись к голосам и за него лично, и за его список. Если в разных округах были поданы голоса за кандидата, не значащегося ни в одном списке, то они присоединялись к списку индивидуальных кандидатур в том округе, в котором данный кандидат получил наибольшее число голосов.

Проведя перераспределение индивидуальных голосов между округами, краевая комиссия приступала к распределению мандатов. Общее число голосов (баллов), поданных за всех кандидатов всех списков, в том числе и списка индивидуальных кандидатур, делилось на число, в полтора раза превышающее число подлежащих избранию в округе депутатов Рады. Полученное от этого деления число называлось избирательным частным. Посредством деления количества голосов (баллов), поданных за каждый список, на избирательное частное определялось число членов Рады, избранных по каждому списку, в том числе и по списку индивидуальных кандидатур. Если не все места были распределены таким образом, частные с дробями располагались в порядке относительной величины дробей, и недостающие мандаты распределялись между списками с наибольшими дробями. Таким образом, при выборах в Раду использовалась квота Хэйра. Если в округе имелись списки, объявившие о соединении, то при распределении мандатов голоса за эти списки складывались, а затем число

членов Рады, причитающееся соединению, распределялось между его составными частями по тому же правилу. В последнюю очередь происходило распределение мандатов внутри списков. Депутатами становились кандидаты, за которых было подано наибольшее количество голосов (баллов), а при равенстве голосов — стоящие выше в списке.

Журнал «Местное самоуправление на Северном Кавказе» писал, что «это наиболее совершенный в мире избирательный закон», а разработчикам его удалось «достигнуть того, что до сих пор в теории избирательного права считалось почти недостижимым идеалом, т. е. согласования пропорционального представительства со свободой голосования отдельного избирателя», и уничтожить недостатки обеих систем, с которыми не могли справиться практика и теория избирательного права Западной Европы и Америки. Автор статьи даже задавался вопросом: не суждено ли кубанскому закону «сделаться таким же прообразом новых избирательных систем, каким послужила конституция одного из 13 первоначальных американских штатов Виргинии для американских конституций»? По его мнению, парламент, избранный по этой системе, становился близким народу и вместе с тем давал полное представительство меньшинству, а голосование по партийному списку соединялось с полной свободой голосования отдельного избирателя. Кроме того, в отличие от закона о выборах в городские думы, удалось решить проблему «обезглавливания» («декапитации») списков, которую автор журнала объяснил на следующем примере: «Какого-нибудь рядового никому не известного члена партии, выставленного в списке только для счета, не будут вычеркивать потому, что его почти никто не знает, и потому, что его по той же причине не будут критиковать враги партии. Зато крупного партийного деятеля будут ожесточенно критиковать, “его знает вся страна”, у него масса не только доброжелателей, но и врагов не только в среде сочувствующих, но и в своей партии, и его будут вычеркивать более, чем кого бы то ни было другого. В результате во Франции Клемансо по списку радикалов может собрать меньше голосов, чем какой-нибудь никому не известный Гонэ. Первого будут вычеркивать, как Клемансо, второго никто не будет знать и оставят в списке, полагаясь на рекомендацию партии». Теперь благодаря кубанскому закону эта проблема решалась, так как за такого известного человека будут голосовать и в своем, и в других округах: «Если Клемансо в его округе многие вычеркнут из списка радикалов, а Гонэ никто не вычеркнет, то зато Гонэ никто и не припишет к другому списку. Клемансо же будут приписывать тысячи, и за него будут тысячами голосовать в других округах. Результат определится тем, кого у него больше — врагов или друзей, т. е. единственным допустимым мерилom с точки зрения демократии — волей народа». Таким образом, даже если такой популярный политик с большим антирейтингом не проходил в Раду после предварительного подведения итогов голосования окружной комиссией, он имел все шансы на получение мандата после того, как краевая комиссия приплюсовывала голоса, поданные за него в других округах.

Несмотря на все похвалы, у журнала нашлось место и для критики: «Две души — демократизм и сословность — живут в груди кубанской государственности, и это наличие двух взаимно противоположных, исключаящих друг друга идей, положенных в основание государственного строительства Кубани, фатально отражается на каждом мероприятии кубанского правительства, на каждом законодательном акте его парламента», и «даже наиболее демократичные, наиболее смелые реформы, где Кубань

вносит в государственное право свое новое слово, пытаясь создать наиболее совершенные, наиболее демократические законы, все же несут на себе печать этой раздвоенности и разлагающее реакционное начало сословности». Несмотря на то что казаки составляли менее половины жителей края, благодаря введению дифференцированного ценза оседлости они имели все шансы на получение большинства в Раде: «Для казаков и коренных, приписанных к краю, жителей не существует никакого ценза оседлости. Казак, горец или крестьянин-общинник может совершенно не жить в крае. Достаточно того, что он приписан к станице, аулу или волости, и, если он даже родился вне края, все равно он может явиться на выборы и будет голосовать. Житель города, не казак, пользуется избирательным правом в том случае, если он прожил в данном городе два года. Гражданин не казак и не коренной житель, проживающий в станице, пользуется избирательным правом в том случае, если он проживет в крае пять лет. Создается две мерки: одна для иногородних, другая для казаков и горцев и крестьян-общинников. Для иногородних жителей городов, где они не могут конкурировать с казаками (казаков в городах нет), мерка полегче; для жителей станиц и сел, где возможна избирательная борьба между гражданами первого и второго сорта, мерка потяжелее». Несмотря на это, автор «Местного самоуправления» считал законопроект шагом вперед, так как принцип совместного голосования по пропорциональной системе казаков и иногородних, пришедший на смену полного лишения избирательных прав иногородних, живущих в станицах, являлся тяжелым ударом по сословности. По его мнению, благодаря этому закону в новом составе Законодательной рады будет около 33 % иногородних вместо 10 % в текущем¹⁵.

Казаки и горцы, в отличие от левых журналистов из «Местного самоуправления», считали пятилетний ценз оседлости для иногородних необходимым и принципиально не влияющим на состав Рады. Заместитель председателя Законодательной рады С. Шахим-Гирей заметил в интервью прессе по данному поводу: «Это ограничение является вполне справедливым и вызывается событиями последних лет. Нельзя предоставить право вершить судьбы Кубани тем, кто вчера сюда приехал и завтра может уехать. Мы надеемся, что иногороднее население поймет необходимость этой меры, тем более что и при ее наличии избранное по таком закону большинство Рады будет состоять, должно быть, из иногородних»¹⁶.

Впрочем, пятилетний ценз оседлости и так стал большим достижением для иногородних. «О том, чтобы добиться последовательного демократического закона, и речи быть не могло. Казачество должно было сохранить за собою абсолютное большинство в законодательной и исполнительной власти в Крае. Мы это отлично понимали и добивались только одного: чтобы представительство от иногороднего населения приближалось к 50 % общего представительства», — вспоминал лидер фракции иногородних в Законодательной раде Ю. А. Коробьин. Собрание иногородних депутатов Краевой рады во время второй ее сессии вынесло постановление о желательности пятилетнего ценза, понимая, что на большее рассчитывать не приходится. Казаки сначала предлагали 15-летний ценз, затем 10-летний и 7-летний. В конце концов правительство и Рада пошли на уступки и согласились на 5-летний ценз для отделов и 2-летний для городов¹⁷.

¹⁵ *Смирнов П.* Избирательный закон в Краевую Раду // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. 5 декабря (1920. 2 января). № 16–18. С. 18–21.

¹⁶ Утро Юга. 1919. 25 октября. № 238 (266).

¹⁷ *Коробьин Ю.* Представители иногородних в Раде // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. 20 декабря (1920. 2 января). № 16–18. С. 14.

Законопроект был передан в Краевую раду, но дальнейшую работу над ним прервало так называемое кубанское действо — конфликт между командованием Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и «самостийнической» частью казачества, завершившийся временным разгромом сепаратистов. Внесенные в ноябре 1919 г. изменения упразднили Законодательную раду, передав ее функции Краевой раде и сохранив за последней все принадлежащие ей функции за исключением избрания войскового атамана, для которого должна была созываться отдельная Атаманская рада. На законопроекте, впрочем, это особо не отразилось, за исключением того, что он теперь должен был определять правила выборов в новую Краевую (а не Законодательную) раду¹⁸.

На фоне поражений ВСЮР в ноябре – декабре 1919 г. кубанцы начали выходить из-под деникинского контроля, в Раде снова усилилось влияние сепаратистов¹⁹. На заседании 2 января 1920 г. Кубанская чрезвычайная краевая рада отказалась от навязанных ей за два месяца до этого изменений и восстановила Временное положение об управлении Кубанским краем от 5 декабря 1918 г. и Законодательную раду, а полномочия ее нынешнего состава были продлены вплоть до избрания Рады следующего созыва на основе нового избирательного закона²⁰.

Детальное обсуждение законопроекта началось на заседании 7 января 1920 г. Депутат Возжев от имени Кавказского отдела выразил сомнения в необходимости принятия закона в настоящий момент: «Никто не сомневается в том, что избират[ельный] закон сейчас не может иметь практического значения. Сейчас избирать некому. Все на фронте. Избирательный закон — это политический шаг для успокоения известной части населения. Осуществлен тот закон будет только по окончании гражданской войны. Но если одну часть населения этот закон успокоит, то мы опасаемся, как бы он не расхолодил другую часть населения. Сейчас мобилизация прошла блестяще, но как на мобилизованных казаков подействует этот закон? Если Рада сейчас примет этот закон, то скажут, что она сделала это под давлением чрезвычайных обстоятельств». По мнению Кавказского отдела, закон необходимо было снять с рассмотрения и отложить до следующей сессии. Депутат Д. Е. Скобцов не согласился с мотивировкой Возжева, но признал, что закон такой громадной важности нельзя проводить в спешном порядке. Им яростно возражали депутаты Ю. А. Коробьин и Ф. Т. Аспидов, отмечавшие, что откладывание принятия закона произведет тяжелое впечатление на иногороднее население, мобилизуемое на фронт. В итоге предложение Кавказского отдела было отвергнуто²¹. При постатейном чтении большая часть статей была принята без изменений или с незначительными изменениями, принципиальных правок было всего лишь несколько. Так, депутат Горбушин обратил внимание на неравномерность избирательного стажа: иногородним, проживающим в отделах, для включения в списки избирателей надо прожить в крае пять лет, а для выдвижения своей кандидатуры — всего два года. Кроме того, по его мнению, благодаря этому недоразумению в Раду могут попасть «перелетные птички» из деникинского

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 13. Л. 56.

¹⁹ Утро Юга. 1920. 3 января. № 2.

²⁰ Протоколы заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады с 30-го декабря 1919 г. по 7-е января 1920 г. №№ 73–80. С. 8, 11–12.

²¹ Утро Юга. 1920. 9 января. № 6; Протоколы заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады с 30-го декабря 1919 г. по 7-е января 1920 г. № 73–80. С. 14.

Особого совещания. Несмотря на возражения, что ни один кандидат из Особого совещания в Раду не пройдет, ценз для пассивного избирательного права в отношении иногородних был увеличен до пяти лет. Таким образом, в финальной версии закона для казаков, горцев и коренных иногородних не было никаких цензов оседлости, для отдельных иногородних — пять лет для активного избирательного права и пять лет для пассивного, для городских иногородних — два года для активного и пять лет для пассивного.

Кроме того, было уточнено, что осетины, живущие на Кубани, голосуют вместе с остальным населением края, а не по горской курии. Также депутаты исключили статью о том, что избиратели горской курии не могут быть избираемы в члены Рады по остальным округам и не могут голосовать за лиц, к этой курии не принадлежащих. По всей видимости, это значило, что горец теперь сам мог выбирать, по какому из округов ему голосовать или выставлять свою кандидатуру — по одному из общих или по горскому. Обсудив все статьи, депутаты приняли законопроект в целом. После окончательного редактирования в президиуме Краевой рады и утверждения закона войсковой атаман и краевое правительство по согласованию с Законодательной радой должны были определить время производства выборов²² (впрочем, еще в декабре комиссия по самоуправлению, рассматривавшая проект, пришла к заключению, что выборы возможны не ранее апреля 1920 г.²³).

Екатеринодарская газета «Утро Юга» назвала закон долгожданным, несмотря на пятилетний ценз оседлости для иногородних, и отметила, что «пять лет, год или месяц — оговорка непринципиальная: важно то, что сдвинут с места тяжелый камень казачьей обособленности, камень сословного эгоизма», и, наконец, «свыше 50 % населения превращаются в полноправных граждан»²⁴. Принятие закона о выборах активно использовалось в пропаганде кубанских властей, пытавшихся подвинуть население, в том числе иногороднее, на активное сопротивление наступающим большевикам. «Краевая рада приняла закон о выборах в Законодательную раду, согласно которому власть законодательная и исполнительная будет принадлежать не только казакам, но и иногородним и горцам, так как выборы в Законодательную раду будут проводиться на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования», — сообщала Рада в обращении к народу Кубани, тут же бросая лозунг: «Все к оружию! Все на фронт, на защиту своих очагов!»²⁵

Но время было уже упущено, и принятие закона о выборах так и осталось чисто символическим жестом. Несколько месяцев спустя территория Кубани была занята Красной армией, а кубанские войска и органы власти частично эвакуировались в пока еще контролируемый белыми Крым, частично отступили на территорию Грузии.

Заключение. Сложно сказать, как этот «наиболее совершенный в мире избирательный закон» показал бы себя на практике. Даже если отбросить такие моменты, как сословный подход к цензу оседлости и предоставление непропорционально большого

²² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 27. Л. 52 об; Казачьи думы. 1920. 9 января. № 6; Протоколы заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады с 30-го декабря 1919 г. по 7-е января 1920 г. № 73–80. С. 14–15.

²³ Кавказский край. 1919. 19 декабря. № 216.

²⁴ Утро Юга. 1920. 11 января. № 7.

²⁵ ГАРФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 1001. Л. 1.

количества мест горцам, оставался вопрос, найдутся ли образованные кадры на местах для точного выполнения закона и поймут ли избиратели все его хитросплетения. Кроме того, партийной системы в крае за пределами городов фактически не существовало, вследствие чего результаты выборов могли быть самыми неожиданными. Если иногородние, жившие в сельской местности, скорее всего, отдали бы свои голоса эсерам, не очень понятно, за кого проголосовало бы казачество. С одной стороны, в условиях противостояния с иногородними оно должно было постараться сплотиться и выставить единый казачий список, как на выборах во Всероссийское Учредительное собрание (тогда в него входили еще и горцы). Но, с другой стороны, противоречия между двумя враждующими группировками внутри казачества — «линейцами» и «черноморцами», сторонниками ориентации на Россию или на Украину, — были слишком велики. К тому же в Раде за время ее существования так и не сложилось фракций, созданных на идейной основе, вместо них продолжали существовать группы по отделам, включавшие депутатов разной политической окраски и отстаивавшие в первую очередь свои местные интересы. Сложно сказать, что получилось бы в итоге: конкурировали бы несколько казачьих списков, условно говоря «пророссийский» и «самостийнический»? Или выдвигался бы единый казачий список, включавший в себя всех — и правых, и левых, и «единонеделимцев», и федералистов, и сепаратистов? Или, если договориться о едином списке не удалось бы, а местные интересы взяли верх, множество списков даже не от отделов, а от станиц? При таких вводных условиях затруднительно сказать, каков был бы новый состав Кубанской законодательной рады и в какой мере его можно было бы считать «заслуженной» избирательной системы. Победа большевиков в Гражданской войне поставила крест на всех этих предположениях, и закон, которому пророчили большое будущее, так и не получил возможности пройти испытание практикой.

Литература

1. Аверьянова В. Р., Дзидзоев Р. М. Государственность на Кубани в период 1917–1920 гг.: историко-правовое исследование. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 162 с.
2. Остапенко П. И., Щетнев Е. В. Законодательство Кубанского края (Опыт историко-правового исследования). Краснодар, 2000. 135 с.
3. Чемакин А. А. Городские выборы на Кубани (весна – осень 1919 года) // Научный диалог. 2021. № 12. С. 109–122. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-497-515

References

1. Aver'ianova V. R., Dzidzoev R. M. Gosudarstvennost' na Kubani v period 1917–1920 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie [Statehood in the Kuban during the period of 1917–1920: historical and legal research]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2019. 162 p. (In Russ.).
2. Ostapenko P. I., Shchetnev E. V. Zakonodatel'stvo Kubanskogo kraia (Opyt istoriko-pravovogo issledovaniia) [Legislation of the Kuban Region (Experience of historical and legal research)]. Krasnodar, 2000. 135 p. (In Russ.).
3. Chemakin A. A. Gorodskie vybory na Kubani (vesna – osen' 1919 goda) [City elections in Kuban (spring – autumn 1919)] // Nauchnyi dialog. 2021. № 12. P. 109–122. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-497-515 (In Russ.).

УДК 316.323.72(47+57)“1985/91”
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.09

Пихоя Рудольф Германович

доктор исторических наук, профессор
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Институт российской истории РАН
Москва, Россия
rudolfpikhoia@rambler.ru

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать социальные характеристики различных слоев советского общества. Для анализа использован большой массив статистических данных. В работе советское общество рассмотрено в нескольких срезax: профессиональном, демографическом, гендерном, образовательном и др. Исследованы социальные приоритеты советских граждан, особенности их профессиональной деятельности и отдыха. Несмотря на определенные успехи в предыдущие периоды, все же к концу своего существования СССР утратил динамику социального развития, что и предопределило события 1985–1991 гг.

Ключевые слова: СССР, советское общество, город, деревня, семья, жилье, образование, труд, досуг.

UDC 316.323.72(47+57)“1985/91”
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.09

Pikhoia Rudolf G.

Doctor of Historical Sciences, Professor
Honored Scientist of the Russian Federation
Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: rudolfpikhoia@rambler.ru.

SOVIET SOCIETY: A SOCIAL PORTRAIT

Abstract. This article attempts to explore the social characteristics of various strata of Soviet society. A large array of statistical data was used for the analysis. In the work, Soviet society is considered in several sections: professional, demographic, gender, educational, etc. The social priorities of Soviet citizens, the features of their professional activities and recreation are studied. Despite certain successes in previous periods, nevertheless, by the end of its existence, the USSR lost the dynamics of social development, which predetermined the events of 1985–1991.

Keywords: USSR, Soviet society, city, village, family, housing, education, work, leisure.

Введение. Советское общество к началу 1970-х, пережив многочисленные трансформации, окончательно урбанизировалось: городское население по численности стало превосходить сельское (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения СССР¹

Годы	Численность населения, млн человек	В том числе		В общей численности населения, в %	
		городское	сельское	городское	сельское
1970	241,7	136,0	105,7	56,3	43,7
1979	262,4	163,6	98,8	62,3	37,7
1989	286,7	188,8	97,9	65,9	34,1
1990	288,6	190,6	98,0	66,0	34,0
1991	290,1	191,7	98,4	66,1	33,9

И хотя 1970-е были временем стабильности (иногда даже называемой застоем), все же этот социальный сдвиг не мог не сказаться на жизни советского общества. Она изменялась.

Ход и результаты исследования.

Село. Колхозниками, по данным статистики на 1979 г., было только 14,9 % населения². Деревня перебиралась в города. Впервые в советской истории колхозники и жители сел получили в середине 1970-х гг. паспорта³, а это давало возможность устроиться на работу в городе.

С одной стороны, следует признать, что во второй половине 1960-х гг. политическое руководство страны предприняло ряд мер, направленных на повышение уровня жизни сельского населения, при важном уточнении — сохранении в неизменности колхозно-совхозного строя. 15 июля 1964 г. был принят закон СССР № 2688-VI «О пенсиях и пособиях членам колхозов». В его преамбуле сообщалось: «В настоящее время имеется возможность ввести более устойчивую систему социального обеспечения в колхозах путем установления пенсий по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца и пособий для женщин — членов колхозов по беременности и родам»⁴. Колхозная пенсия состояла из гарантированного государством минимума обеспечения по старости и из доплат колхоза, которые зависели от его доходов. По закону получать пенсии по старости могли мужчины-колхозники — с 65 лет, женщины-колхозницы — с 60. Этот порядок был откровенно дискриминационным. Для всех других категорий населения пенсии устанавливались с 60 лет для мужчин и 55 — для женщин. Общесоюзные сроки

¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник / Гос. комитет СССР по статистике. М., 1991. С. 61.

² Народное хозяйство СССР в 1985 г.: стат. ежегодник / Центральное статистическое управление СССР. М., 1986. С. 7.

³ Подробнее см.: Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–14.

⁴ Закон СССР от 15 июля 1964 года № 2688-VI «О пенсиях и пособиях членам колхозов» [Электронный ресурс] // Е-досье — электронный эколог: сайт. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/ElnkOuLkjt8ieX8n3EmqV/full> (дата обращения: 12.09.2023).

выхода на пенсию были распространены на колхозников в 1968 г. Минимальная колхозная пенсия составляла в 1971 г. 20 руб., а с 1978 г. увеличилась до 28 руб. Для сравнения: минимальная пенсия рабочих в 1970-х гг. — 45 руб.⁵

Деревенская зарплата также была ниже городской. В 1970 г. среднемесячная денежная зарплата рабочих и служащих составляла 122 руб., колхозники же тогда получали 74,9 руб.; спустя 5 лет, в 1975 г., средняя зарплата рабочих и служащих составляла уже 120 руб., колхозников — всего 93 руб.⁶ При очевидном росте заработной платы в колхозе, рабочие по-прежнему получали больше.

Труд в деревне был во многом ручным, немеханизированным. Он был практически одинаков и в колхозах, которые юридически считались кооперативами, и в государственных совхозах. В растениеводстве в 1982 г. ручной труд составлял в колхозах — 75,2 %, в совхозах — 75,1 %; в животноводстве соответственно — 73,9 и 76,9 %⁷.

В 1970-е гг. в деревенской жизни прошли большие изменения. Было ясно, что сохранение традиционных форм ведения сельского хозяйства при неизменности и политической святости колхозного строя не в состоянии повысить производство сельхозпродукции. На XXV и XXVII съездах КПСС было решено увеличить инвестиции в сельское хозяйство. Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР «Об упорядочении строительства на селе» предписывалось, чтобы Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство сельского строительства СССР, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР начали перестраивать населенные пункты «в благоустроенные поселки с хорошими жилищными и культурно-бытовыми условиями, удовлетворяющими запросы сельского населения, и соответствующими производствами, позволяющими создать все условия для высокопроизводительного труда сельского населения и интенсивного развития сельского хозяйства...»⁸

Особенностью сельской поселенческой сети, особенно в европейской части страны, является преобладание мелких поселений с числом жителей до 50 и даже до 10 человек, к тому же разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Еще в 1950-е гг. советские реформаторы не без основания считали, что высокомеханизированному сельскому хозяйству должны соответствовать и высококонцентрированные формы расселения. Поэтому, как тогда предполагалось, каждое сельхозпредприятие в будущем должно разрастись до довольно крупных размеров и включать в себя несколько поселков по 1–2 тыс. человек, а то и более.

Политика государства в обустройстве деревни предлагала выделить перспективные многолюдные села, куда со временем и планировалось переселять жителей из малых деревень, которые таким образом стали неперспективными. В данный разряд было включено до 80 % мелких населенных пунктов сельской России. Они были обречены на ликвидацию, для них прекращалось финансирование любого строительства, даже

⁵ Капустина О. В. Колхозные пенсии в системе государственного пенсионного обеспечения Советского Союза (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 1. С. 186–195.

⁶ Материалы делегату XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 70–71.

⁷ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник / Гос. комитет СССР по статистике. М., 1987. С. 140.

⁸ Об упорядочении строительства на селе: Постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР от 12 сентября 1968 г. № 728 // Свод законов СССР: в 11 т. Т. 6. М.: Известия, 1989. С. 224–225.

ремонт имевшихся зданий и сооружений, закрывались школы, магазины, отключалась электроэнергия, перепахивались дороги. Другая же группа — перспективных сельских поселений с достаточно многочисленным составом жителей, — наоборот, для своего ускоренного развития получала преимущественное финансирование от государства и все необходимые виды ресурсов. Перспективные поселения готовились принять жителей из деревень, подлежащих ликвидации. Итогом стало значительное сокращение общего числа мелких сельских поселений: в одной только Сибири за 1959–1979 гг. оно снизилось в два раза — с 31 тыс. до 15 тыс.⁹

Перспективными считались прежде всего центральные усадьбы колхозов и совхозов. Строительство там могло вестись только по генеральным панам застройки. Остальные поселения (отделения, бригады совхозов и колхозов) в планы строительства не включались. К неперспективным относились села с населением до 1 тыс. человек, их население переезжало на центральные усадьбы¹⁰.

Внешне цели были вполне благие. Концентрация производства (промышленных птицеферм, откормочных комплексов, крупных овощных и зерновых хозяйств) должна была «потянуть» за собой социальную инфраструктуру — современное жилье, школы, учреждения здравоохранения, дороги. Обратной стороной этого процесса стало то, что в неперспективных деревнях угасала жизнь¹¹.

Оценивать этот процесс очень трудно. С одной стороны, экономическая целесообразность толкала на концентрацию производства и вложений в социальную сферу села. Но жизнь не сводится к экономике. Деление сельских населенных пунктов на перспективные и неперспективные ускоряло процессы умирания традиционной деревни с ее укладом, морально-нравственными ценностями, крестьянской культурой (табл. 2). Процесс этот не был новым, но для российской деревни он стал очередным, во многом политически мотивированным этапом раскрестьянивания — следом за коллективизацией и хрущевскими экспериментами. Осуществление политики сселения из неперспективных деревень привело лишь еще к большему увеличению разрыва тех незримых уз, которые прежде связывали крестьянина с землей. «Ведь земля — не просто место, где растет хлеб или картошка. Это еще и дом, малая Родина и неповторимый мир»¹².

Таблица 2

Число сельских населенных пунктов¹³

Годы	1959	1970	1979	1989
Сельские населенные пункты	294 059	216 845	177 047	152 922

⁹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. М., 1972. Т. 1. С. 146–161; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: в 10 т. М., 1990. Т. 1. С. 334–353; *Тюрин А. П.* Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965–1980. М., 1982. С. 57–58.

¹⁰ *Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение. (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург, 2012. С. 199.

¹¹ Подробнее см.: *Карпунина И. Б., Мелентьева А. П.* Политика ликвидации «неперспективных» деревень и ее социально-демографические последствия в Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // *Сибирская деревня: проблемы истории.* Новосибирск, 2004; *Мазур Л. Н.* Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // *Отечественная история.* 2005. № 3. С. 25–37.

¹² *Горбачев М.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 193–194.

¹³ См.: *Абанкина Т. В.* Стратегии управления развитием в контексте тенденций расселения // *Модернизация экономики и общественное развитие.* Т. 3. М., 2007. С. 329–337.

Но самое главное состояло в том, что таким путем не удалось замедлить и сельскую миграцию, поскольку общая численность сельских жителей России за те же 20 лет сократилась еще на 14,2 млн человек. Более того, убыль сельского населения за эти годы охватила еще большую часть территории РСФСР: если в течение 1960-х гг. сельское население снизилось на 45 %, то к 1979 г. — уже на 82 %¹⁴.

Тем не менее линия на ликвидацию неперспективных сел сохранялась и далее. Сверх того, к 2000 г. намечалось таким же жестким способом сократить общее количество мелких населенных пунктов в сельской местности СССР еще почти в шесть раз¹⁵.

Говоря об общей эффективности переселения жителей из малых деревень в перспективные поселки, следует подчеркнуть, что в ходе ее осуществления постоянно возникали новые проблемы. Помимо нежелательного роста миграции в город, выяснилось, что полностью провалился расчет на воспитание из крестьянина цивилизованного аграрного рабочего. К концу эпохи перестройки сельский житель превратился скорее в люмпена, который отказывался выращивать продукты у себя в огороде, предпочитая ездить за ними в город. Одновременно недостаточно продуманная политика государства по сселению нанесла сильный удар по веками складывавшейся поселенческой системе села, что впоследствии спровоцировало затяжной кризис всей аграрной сферы¹⁶.

Разрушение крестьянского быта как фундамента русской культуры отразилось в творчестве писателей, показавших последствия разрушения деревенских устоев. В. Распутин, В. Белов, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Астафьев — каждый по-своему рассказал о процессе раскрестьянивания, о том, как власть постепенно истребляла крестьянский быт. Со страниц их книг возникал образ прошлой, доколхозной жизни села — образ идеализированный, но от этого даже более привлекательный.

Города и горожане. Заводам требовалась рабочая сила. Свои, городские, не хотели работать за невысокую зарплату. Деревенские шли. Во-первых, в городе жить было лучше. Есть магазины, регулярно платят зарплату. Да и работа на заводе — 8 часов под крышей, в тепле. Это не деревенская жизнь, когда в пять утра надо встать, подоить и накормить корову, потом отправляться на полевые работы или на ферму... Во-вторых, город мог дать жилье. Все было непросто. Но лимитчики, т. е. люди, которые шли по так называемому оргнабору — официально разрешенному праву промышленного предприятия принимать на работу людей без городской прописки, — получали временную прописку в заводском общежитии, а вместе с ней и отдаленную возможность получить городскую квартиру. А в-третьих, в городах открывались новые перспективы — устроить детей в детские сады, дать им хорошее образование, получить более качественную медицинскую помощь.

Мощный миграционный поток из деревни в город привел к тому, что в городах средней полосы России уже в 1970-е годы более чем половину населения составляли

¹⁴ См.: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Официальное издание. Т. 14 (сводный). М., 2005. С. 10; Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979. М., 2005. С. 55.

¹⁵ *Беленький В. Р.* Российская деревня: из прошлого в будущее. М., 1991. С. 20; *Бондаренко Л. В.* Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М., 2003. С. 35.

¹⁶ *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерномье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С. 31, 225.

недавние выходцы из сел, как правило, находящихся неподалеку. Это сохраняло этническую ситуацию в городах. Этнографы зафиксировали многоступенчатую миграцию: из мелких городов переезжают в средние, а из них — в крупные города.

Новые жители городов сравнительно быстро адаптировались к городским условиям. Этот процесс облегчался тем, что были нередки кровнородственные или земляческие связи между горожанами и недавними приезжими из деревень. Наиболее тесные связи поддерживаются между сельской семьей и одиночками, выехавшими в город на учебу или работу и не успевшими здесь обзавестись своим домом. По мере освоения в городе, появления своей семьи связи с селом начинают ослабевать, но они не прерываются. Сохраняется своеобразная кооперация: новые горожане помогали родным на сенокосе, при посадке и уборке картофеля, при ремонтах и стройке; деревня посылала родным в город сельские продукты, овощи. Вместе отмечались радостные и печальные события. Иногда в городах наблюдаются и своеобразные земляческие связи среди молодежи, особенно среди девушек, выражающиеся в преимущественном устройстве односельчан на каком-либо предприятии, в совместном проведении досуга, в предпочтительном выборе друзей из числа земляков¹⁷.

В городах шло бурное жилищное строительство. Продолжался снос бараков — временных жилищ, построенных одновременно с заводами в период индустриализации на рубеже 1920–1930-х гг. и в годы войны. В бараках не было водопровода, удобства — во дворе, отопление — печное. Дома-временки, которым было по 30–40 лет, попросту разваливались. На смену им строили хрущевки — панельные или кирпичные дома, обычно пятиэтажные (реже — девятиэтажки), где были квартиры с низкими (2,5–2,6 метров) потолками, крошечными кухнями и прихожими. Но это было отдельное жилье, была горячая и холодная вода, центральное отопление, газ!

В Москве и крупных городах в 1970-е годы на смену хрущевкам приходили новые серии домов. Это были, как правило, гораздо более высокие дома — до 16 этажей. Квартиры были просторней, побольше кухни и прихожие, чуть выше потолки, в домах были мусоропроводы и лифты. Фасады домов, по-прежнему унылые, иногда пытались расцветить элементами керамики, да и сами строения нередко объединялись в группы, отличавшиеся по высоте зданий, чередовались широкие, многоподъездные и дома-башни из одного-двух подъездов. Жилищное строительство нередко шло около промышленных предприятий и на деньги ведомств, которым принадлежали эти предприятия, поэтому на окраинах городов, где, как правило, и находились заводы, появлялись микрорайоны, заселенные вчерашними лимитчиками.

Получить квартиру было великим благом. Порядок получения жилья был строго расписан. Он находился под контролем по крайней мере трех инстанций. Во-первых, местной профсоюзной организации. Для того чтобы встать в очередь на получение квартиры, надо было доказать, что на члена семьи приходится меньше шести метров на человека. Если было девять и более метров, то шансов практически не оставалось.

¹⁷ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного города // Советская этнография. 1982. № 6. С. 28–29; Их же. Значение города в интеграции бытовой культуры. (По материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. 1991. № 4. С. 17–26; Коган Д. М. Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города // Советская этнография. 1967. № 4. С. 40–50; Его же. Особенности быта сельского населения, работающего в городе // Советская этнография. 1975. № 6. С. 71–78.

(Эта норма могла меняться в различных регионах страны). Жилищная комиссия месткома в обязательном порядке была обязана обследовать жилье нуждающихся, чтобы принять или отклонить заявление. На особый порядок в очереди могли рассчитывать люди, в семье которых были больные определенными заболеваниями (например, туберкулезом), инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны. Тяжким наказанием могло стать исключение из очереди — как правило, за грубые нарушения трудовой дисциплины.

Второй этап учета — это администрация предприятия (организации). Руководители предприятий добивались лимита подряда — согласованного с Госпланом и отраслевым министерством, а также с местными органами власти объема финансирования стройки — и обеспечения выполнения строительных работ строительными организациями. Тогда организация строила свой дом. Часть квартир — 10 % — она должна была отдать местным органам власти в так называемый исполкомовский жилой фонд. Из него получали жилье военнослужащие, инвалиды, некоторые другие категории очередников — так называемые льготники. Очень немного квартир администрация могла зарезервировать за собой, чтобы принять высококвалифицированного специалиста. Но все остальное находилось в зоне бдительного контроля месткома и самих очередников. Точное количество квартир, которые получит организация, знали заранее. И не дай Бог нарушить очередь! Скандал был гарантирован. Очередь на квартиру была, как правило, дольше десяти лет. Если же организация не могла сама вести строительство, то ей оставалось выпрашивать квартиры в местном исполкоме, из исполкомовского фонда. И в этом случае распределение шло под контролем месткома.

Третий уровень учета осуществлялся райисполкомом. Именно там, после всех предварительных согласований, после получения письма за подписью руководителя предприятия, секретаря парткома и председателя месткома можно было получить ордер на жилье. Именно ордер был правоустанавливающим документом. Квартира поступала во владение жильца, получившего ордер. Собственником же жилья считалось государство, которое представлял райисполком¹⁸.

Площадь будущего жилья рассчитывалась исходя из количества членов семьи: в РСФСР — по 9 кв. м на человека (с 1983 г. — 12 кв. м). Дополнительные метры полагались, если дома был больной человек, заболевание которого требовало проживания в отдельной комнате (до 18 кв. м); отдельная комната полагалась также ученым — от доцента до академика, выдающимся деятелям литературы и искусства, Героям Советского Союза и Социалистического Труда, старшим офицерам и генералам.

Потом, после получения ордера, начинался процесс ремонта новой квартиры. Меняли замки, сантехнику, переклеивали обои, перестилали или перекрашивали пол — словом, приводили квартиру в жилое состояние. Но это уже были приятные хлопоты, впрочем, осложнявшиеся хроническим отсутствием керамической плитки, хорошей краски, обоев и прочего.

Другим способом получения жилья было кооперативное строительство (табл. 3). Согласно уставу жилищно-строительных кооперативов (ЖСК), в него могли вступать все граждане старше 18 лет, нуждающиеся в жилье. Для создания кооператива следовало собрать в Москве или Ленинграде не менее 60 человек, в столицах союзных

¹⁸ Отдельный порядок существовал для ведомственного жилья, которое выдавалось на время работы или службы.

Таблица 3

Средний размер квартир, построенных за счет государственных капитальных вложений и средств жилищно-строительных кооперативов в 1976–1980 гг.¹⁹

Типы квартир	Средний размер квартир, м ²	
	государственные	кооперативные
Все квартиры	51,6	53,0
Однокомнатные	32,4	33,1
Двухкомнатные	48,2	49,0
Трехкомнатные	62,5	64,7
Четырехкомнатные и более	77,9	83,4

республик и областных центрах — не менее 48, в остальных городах и поселках городского типа — не менее 24. Но это в теории. На практике попасть в ЖСК было сложно. На них были свои очереди. Кооперативных домов строилось очень мало, гораздо меньше, чем было желающих заплатить за получение квартиры. Если человек записывался в ЖСК, его сразу же исключали из основной очереди на бесплатное жилье. Площадь будущей квартиры в ЖСК зависела от количества членов семьи, но не могла, как правило, превышать 60 кв. м.

Член ЖСК имел право заплатить первый взнос (размер его варьировался, как правило, от трети до половины стоимости), а на оставшуюся сумму взять кредит в банке на срок от 10 до 25 лет под 0,5 % годовых. Стоимость кооперативных квартир составляла от 3 тысяч рублей (однокомнатная, около 30 метров) до 5 тысяч (двух-, трехкомнатная, около 60 метров).

Содержание кооперативного дома полностью возлагалось на жильцов, которые должны были оплачивать все жилищно-коммунальные расходы, ремонт и уход за домом. Как следствие, кооперативные дома были заметно аккуратнее, ухоженнее, уютнее, чем обычные, за которые отвечали жилищно-коммунальные отделы.

Квартиры в ЖСК были собственностью именно кооператива. Член кооператива мог передать свою квартиру по наследству только тому человеку, родственнику, который проживал вместе с ним. Но и для этого требовалось согласие общего собрания ЖСК. Если же такого наследника не было, то пай (квартиру) ЖСК продавал, деньги передавал наследнику, а квартиру продавали новому члену кооператива.

Городские стандарты жизни становились обычными. В небольших городах, в заводских поселках практически полностью отказывались от содержания домашнего скота, что было распространено прежде²⁰. В домах повсеместно появились стиральные машины, холодильники, телевизоры. Во второй половине 1970-х гг. стали меняться интерьеры городских квартир. Ковры, прежде украшавшие стены у кровати, перебрались на пол. Квартиры стали просторнее. Вместо сервантов — символов благополучия конца 1950–1960-х гг., невысоких застекленных шкафов, заставленных парадной посудой (как правило, чешским хрусталем, немецким фарфором), — появились стенки. Эта корпусная мебель занимала одну из стен в гостиной. Стенку покупали, как правило, в составе импортного мебельного гарнитура, куда входили еще диван, два кресла, стол

¹⁹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 193.

²⁰ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.

и стулья. На стенке помещалась не только витрина с парадной посудой, но и книжные полки, в нише стенки ставили телевизор. Наконец, в стенке были закрытые полки для хранения одежды, белья.

Семья. Все начиналось с рождения ребенка. Ребенок — мальчик или девочка — появлялись на свет в одном из акушерских пунктов или роддомов. В 1980 г. в стране насчитывалось 230 тыс. больничных коек, в 1985 г. — 246 тыс.²¹. Маме, если это происходило в России, было, скорее всего, от 20 до 24 лет (41,9 % рожениц) или 25–29 лет (23,8 %). Ребенок, как правило, первый, реже — второй. Семьи в РСФСР были малочисленными. По данным статистики, в 1979 г. в среднем на одну семью в России приходилось 3,2 человека (табл. 4).

Таблица 4

Размер семей по республикам (по переписи населения 1989 г.)²²

	Средний размер семьи (человек)		Средний размер семьи (человек)
СССР	3,5	Латвийская ССР	3,1
РСФСР	3,2	Литовская ССР	3,2
Азербайджанская ССР	4,8	Молдавская ССР	3,4
Армянская ССР	4,7	Украинская ССР	3,2
Белорусская ССР	3,2	Узбекская ССР	5,5
Грузинская ССР	4,1	Таджикская ССР	6,1
Казахская ССР	4,0	Туркменская ССР	5,6
Киргизская ССР	4,7	Эстонская ССР	3,1

Обычно на седьмой день после родов счастливые родственники встречали маму и малыша. Новые родители ехали домой, чаще всего — к родителям, своего жилья, как правило, у них не было. Квартиру им еще следовало получить, если дело было в городе, или построить собственный дом, если в селе.

За малышом необходим уход, мама должна кормить его своим молоком. Ей полагался декретный оплачиваемый отпуск — два месяца до родов и два после родов. В ясли детей брали только по достижении ими одного года. В 1981 г. Совет Министров СССР разрешил работавшим матерям получить частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им одного года, а также возможность продления отпуска, но уже без оплаты, еще на полгода²³. Но воспользоваться этой возможностью могла далеко не каждая молодая семья. Частично оплачиваемый отпуск — это прореха в семейном бюджете. Все спасение — в бабушке. Женщины имели право уходить на пенсию в 55 лет, и уход на пенсию совпадал, как правило, с появлением внука или внучки. Пенсия по возрасту составляла в 1980 г. 61,2 руб., в 1985 г. — 72,7 руб., в 1989 г. — 93,9 руб.²⁴ Деды чаще не доживали до появления внуков. По статистике,

²¹ Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 539.

²² Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 219.

²³ О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей: Постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. № 235 [Электронный ресурс] // КонтурНорматив: сайт. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=77334> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁴ Материалы делегата XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 183.

у большинства мужчин выход на пенсию был в 60 лет, а уходили из жизни в 1980-е гг. в среднем в возрасте 63 лет. Женщины жили на 10 лет дольше — до 73²⁵.

Медицинское обслуживание младенцев за 80-е гг. XX в. постепенно улучшалось.

В СССР уровень смертности новорожденных был ниже среднемирового, который составлял в 1990 г. 64,5 детей на 1000 новорожденных (табл. 5). При этом обращает на себя внимание значительный разрыв в качестве медицинского обслуживания и условиях жизни между европейской частью СССР и республиками Средней Азии. Если в РСФСР смертность детей до года составляла в 1990 г. 17,4 на 100 родившихся, на Украине — 12,9, в Эстонии — 12,3, в Латвии — 13,7, в Литве — 10,3, то в Киргизии — 30,0, в Таджикистане — 40,7, а в Туркмении — 45,2. Младенческая смертность в республиках европейской части СССР примерно соответствовала восточноевропейской (по данным Всемирного банка, в 1990 г. в Польше — 15,2; в Болгарии — 14,7; в Венгрии — 15,2²⁶.

Таблица 5

Коэффициенты младенческой смертности по республикам²⁷

	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
СССР	27,3	26,0	25,4	25,4	24,7	22,7	21,8
РСФСР	22,1	20,7	19,3	19,4	18,9	17,8	17,4
Азербайджанская ССР	30,4	29,4	30,5	28,6	27,0	26,2	23,0
Армянская ССР	26,2	24,8	23,6	22,6	25,3	20,4	18,6
Белорусская ССР	16,3	14,5	13,4	13,4	13,1	11,8	11,9
Грузинская ССР	25,4	24,0	25,5	24,3	21,9	19,6	15,9
Казахская ССР	32,7	30,1	29,0	29,4	29,2	25,9	26,4
Киргизская ССР	43,3	41,9	38,2	37,8	36,8	32,2	30,0
Латвийская ССР	15,4	13,0	13,0	11,3	11,0	11,1	13,7
Литовская ССР	14,5	14,2	11,6	12,3	11,5	10,7	10,3
Молдавская ССР	35,0	30,9	26,4	25,9	23,0	20,4	19,0
Украинская ССР	16,6	15,7	14,8	14,5	14,2	13,0	12,9
Узбекская ССР	47,0	45,3	46,2	45,9	43,3	37,7	34,6
Таджикская ССР	58,1	46,8	46,7	48,9	48,9	43,2	40,7
Туркменская ССР	53,6	52,4	58,2	56,4	53,3	54,7	45,2
Эстонская ССР	17,1	14,0	16,0	16,1	12,4	14,7	12,3

Молодые жили в квартире родителей. Размер средней городской квартиры составлял 2–3 комнаты. Да и сельский дом был не больше — обычно около 60 кв. м.²⁸ Заранее были приготовлены теплые, байковые и легкие, хлопчатобумажные пеленки, одеяльца. Впредь предусмотрительно запасались ползунками, так как в продаже они бывали нечасто. Никаких памперсов! Об их существовании и не подозревали, да и позже, когда они появились в продаже на рубеже 1980–1990-х гг., старшие родственники относились к этому иностранному изобретению скептически.

²⁵ Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 537.

²⁶ Данные советской статистики и Всемирного банка отличаются, однако тенденции совпадают.

²⁷ Там же. С. 92.

²⁸ В среднем на одного жителя приходилось в 1980 г. 13,4 кв. м жилой площади, а в 1985-м — 14,6 кв. м. В селе в 1985 г. в среднем на одного сельского жителя приходилось соответственно 13,9 кв. м и 15,6 кв. м. См.: Материалы делегата XXVIII съезда КПСС. С. 218.

Маленький ребенок — бесконечные пеленки и стирки. В городе проще: там водопровод в 82 % квартир и канализация в 75 %, а 70 % семей (на 1980 г.) имели стиральные машины²⁹. В селе сложнее. Только 13 % домов оборудованы водопроводом³⁰ (на 1990 г. — 22 %), 14 % — имели канализацию³¹. Стиральных машин меньше — лишь у 58 % семей³². Стиральные машины в 1980-е гг., как правило, самые простые, зато надежные: бочка с электромотором, механическим таймером-выключателем и резиновыми валками.

Появившиеся в продаже, но еще редкие автоматические стиральные машины нуждались в подключении к водопроводу и канализации. Однако типовые проекты жилищного строительства не предусматривали возможности установки таких стиральных машин. Для подключения машины-автомата квартировладельцу требовалось прибегнуть к помощи умельца-водопроводчика или сантехника, если, конечно, была техническая возможность установить такую машину в квартире. Так что старые машины продолжали исправно работать. Кроме этого, когда из продажи исчезали стиральные порошки (а это случалось нередко), то можно было стирать в горячей воде со стружками хозяйственного мыла.

Детский сад и школа. По достижении одного года ребенка можно было устроить в ясли. Патронажная сестра из поликлиники следила, чтобы ребенок исправно делал все необходимые прививки, без которых его не возьмут ни в ясли, ни в детский сад. Впрочем, если была возможность и доброе согласие бабушки, то лучше подождать до трех лет и отдать малыша в детский сад. Дошкольные учреждения работали с перегрузкой. В 1985 г. не было удовлетворено 1,6 млн заявлений родителей о приеме детей в дошкольные учреждения³³. На очередь в детский сад старались записываться пораньше, чтобы дать возможность маме спокойно работать. К 1990 г. положение принципиально не улучшилось. Статистика подтверждает, что и в части дошкольного детского воспитания республики европейской части СССР и республики Средней Азии существенно отличались (табл. 6).

Таблица 6

Обеспеченность детей постоянными дошкольными учреждениями по республикам (в процентах от численности детей соответствующего возраста)³⁴

	1980	1985	1989
СССР	54	58	57
РСФСР	65	69	69
Азербайджанская ССР	19	20	21
Армянская ССР	37	38	35
Белорусская ССР	57	69	73
Грузинская ССР	37	40	44
Казахская ССР	46	51	52

²⁹ Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 447.

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 69. Д. 6715. Л. 41, 43.

³¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 185.

³² Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 447.

³³ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 447.

³⁴ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 211.

	1980	1985	1989
Киргизская ССР	28	30	31
Латвийская ССР	55	61	59
Литовская ССР	50	62	54
Молдавская ССР	61	67	73
Узбекская ССР	34	37	37
Украинская ССР	57	61	61
Таджикская ССР	16	17	16
Туркменская ССР	28	30	33
Эстонская ССР	63	68	60

Авторы статистического справочника сообщали, что «сохраняется перегрузка многих дошкольных учреждений, особенно в городских поселениях. В 1990 г. сверх установленных норм в них находится 1,2 млн детей. Кроме того, свыше 2 млн детей нуждаются в устройстве в детские сады и ясли-сады»³⁵. При этом если в РСФСР, на Украине, Белоруссии, Эстонии от 60 до 70 % детей посещали дошкольные учреждения, то в Киргизии — только 31 %, а в Таджикистане — 16 %. Совершенно очевидно, что женщины в этих республиках, имевшие, как правило, больше двух детей, занимались ими дома.

В детском саду начиналось дошкольное образование по программам, утвержденным Министерством просвещения³⁶. Она предусматривала развитие физических и умственных способностей ребенка, формирование у него эстетических представлений, элементарных трудовых навыков. Не забыта была и задача воспитания политических воззрений в духе коммунистической идеологии.

Государство оплачивало значительную часть средств на содержание этих детских учреждений. На пребывание одного ребенка в детских яслях в год расходовалось более 630 руб., а в детских садах — 530 руб., при этом 80 % этих затрат приходилось на государственный счет³⁷.

А позже — школа. Расходы государства на одного учащегося в год составляли в общеобразовательных школах — 240 руб., в средних специальных учебных заведениях — 780 руб., в высших учебных заведениях — свыше 1200 руб.³⁸ Школы были разными. Чем крупнее город, тем больше выбор. Наряду с обычными, были школы с углубленным изучением иностранного языка, где его преподавали не с пятого класса, как в обычных школах, а с первого. Кроме этого, имелись специализированные спортивные, физико-математические, музыкальные, коррекционные школы, школы для детей с ограниченными возможностями. Следует отметить, что материальное состояние школ, ежегодные ремонты школьных зданий во время летних каникул строго контролировались партийными и советскими органами.

Начиная с первого класса школьник оказывался в детских, а затем в молодежных коммунистических организациях. С первого по второй класс ребенок был октябренок. Получение значка — пятиконечной звездочки с изображением Ленина в детском

³⁵ Там же.

³⁶ Типовая программа воспитания и обучения в детском саду / М-во просвещения СССР, Упр. по дошк. воспитанию, Науч.-исслед. ин-т дошк. воспитания Акад. пед. наук СССР; под ред. Р. А. Курбатовой, Н. Н. Подьякова. М., 1984.

³⁷ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 413.

³⁸ Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 447, 242.

возрасте — было отчасти признанием успешности в учебе и поведении. Впрочем, в итоге все школьники становились октябрятами. Потом — вступление в пионеры. Пионерская организация представляла собой уже настоящую политическую организацию, хотя и детскую. Каждый пионер в школе должен был носить треугольный красный пионерский галстук. Дети в школе объединялись в пионерскую дружину, в каждом классе — пионерский отряд, который делился на звенья. Иерархия в пионерской организации со своими звеньевыми, председателями отряда и дружины предвосхищала иерархическую организацию всех политических организаций в СССР. Политических — потому что любая официальная организация — от филателистов, Союза писателей и самой КПСС — в обязательном порядке включала в свой устав верность идеям коммунизма. С 14 лет (с 8-го класса) школьники вступали в комсомол, объединявший юношей и девушек с 14 до 28 лет. Комсомольские организации были в обязательном порядке в каждом учебном заведении, на предприятии и в учреждении — от школы и армии до завода и колхоза.

Городская школа существовала рядом и во взаимодействии с городским и районными домами пионеров. Сельская же школа была не только образовательным, но и культурным центром. Деревня жила до тех пор, пока в ней была школа, хотя бы и малокомплектная, начальная, где одновременно в одной классной комнате занимались дети разного возраста, разных классов. Закрывалась школа — уезжали родители с детьми туда, где детей можно учить. В деревне оставались одни старики...

Советская образовательная система обеспечивала возможность всем желающим детям заниматься в спортивных секциях, технических, театральных кружках, в секциях юных биологов, техников, которые существовали при школах, дворцах пионеров. В абсолютном большинстве эти занятия были бесплатными. Плата, сравнительно небольшая, полагалась за обучение в музыкальных школах. В РСФСР существовала развитая сеть внешкольных детских учреждений (табл. 7).

Таблица 7

Учреждения дополнительного образования (на конец года)³⁹

	1980	1985	1990
Дома (дворцы) пионеров и школьников	2678	2839	2925
Станции юных техников	622	723	881
Станции юных натуралистов	369	454	552
Станции юных туристов и самостоятельные туристские базы	90	99	283
Загородные оздоровительные учреждения	6332	6177	5762
Детско-юношеские спортивные школы	3214	3990	4739
Детские школы искусств, музыкальные и художественные школы	4594	4930	5582

В 1980-е гг. было введено бесплатное обеспечение учебниками учащихся общеобразовательных школ, улучшены условия содержания воспитанников в общеобразовательных школах-интернатах, детских домах и других учреждениях подобного типа. Освобождены от платы за содержание детей в школах-интернатах одинокие матери и семьи, в которых доход на члена семьи не превышал 60 руб. в месяц⁴⁰.

³⁹ Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Гос. комитет Российской Федерации по статистике (Госкомстат России). М., 2004. С. 240.

⁴⁰ Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 416.

Летом дети отправлялись в пионерские лагеря. В 1980 г. их посетило 12,085 млн детей, в 1985 г. — 14,459 млн⁴¹. Пионерские лагеря организовывали либо промышленные предприятия и учреждения, либо исполкомы. Местные органы власти тщательно проверяли степень готовности будущего лагеря. Свою проверку вели врачи санэпидемстанции (кухня, душевые, качество воды), пожарные (электропроводка, средства пожаротушения, сигнализация). ГАИ в обязательном порядке сопровождала автобусы с детьми, уезжавшими в пионерлагерь или возвращавшимися из него. Часть родителей получала путевки для детей бесплатно (это было до половины всех путевок), за остальные путевки платили только 20 % их стоимости⁴².

Студенты. Несомненным достоинством советской системы стало радикальное расширение возможностей для получения образования (рис. 8). По данным статистики, только 12,9 % взрослого населения имели начальное образование, а 13 % — полное или неполное высшее образование, 19,2 % — среднее специальное, остальные 48,4 % — среднее образование⁴³.

Таблица 8

Высшие и средние учебные заведения (на начало учебного года)⁴⁴

	1980/81	1985/86	1987/88	1988/89	1989/90	1990/91
Все высшие учебные заведения	883	894	898	898	904	911
В них студентов, тыс.	5235	5147	5026	4999	5178	5162
В том числе обучавшихся на отделениях:						
Дневных	2978	2763	2675	2721	2991	3055
Вечерних	649	634	584	548	509	465
Заочных	1608	1750	1767	1730	1678	1642
Все средние специальные учебные заведения	4383	4495	4508	4517	4539	4556
В них учащихся, тыс.	4612	4498	4448	4372	4231	4097
В том числе обучавшихся на отделениях:						
Дневных	2894	2866	2911	2888	2823	2769
Вечерних	504	413	331	307	282	252
Заочных	1214	1219	1206	1177	1126	1076

Особым направлением среднего образования было среднее специальное, которое получали в техникумах — промышленных, строительных, транспортных, сельскохозяйственных (см. рис. 9). Выпускники получали квалификацию техников, позволявшую либо выполнять высококвалифицированную работу в промышленности, либо управленческие функции — мастера, технолога. Существовали специализированные училища: педагогические, готовившие воспитателей дошкольных учебных заведений, учителей начальных классов; медицинские, выпускавшие медсестер и фельдшеров; военные — для подготовки прапорщиков, мичманов, офицеров. Для поступления в техникумы или училища следовало сдать экзамены по предметам обучения. Принимали в техникумы либо после окончания восьмого класса, либо после завершения средней школы, обучение составляло четыре или два года соответственно.

⁴¹ Там же. С. 504.

⁴² Там же..

⁴³ Российский статистический ежегодник... С. 228.

⁴⁴ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 219.

Таблица 9

**Численность студентов средних специальных учебных заведений
по отраслевой специализации учебных заведений (на начало учебного года)⁴⁵**

Численность студентов	1980/81	1985/86	1990/91
Всего	2641,6	2478,3	2270,0
В том числе в учебных заведениях по специализации:			
Промышленность и строительство	1140,4	1016,1	864,6
Сельское хозяйство	429,5	394,6	301,8
Транспорт и связь	246,8	219,9	188,1
Экономика и право	270,8	242,9	215,5
Здравоохранение, физическая культура и спорт	249,4	262,1	309,2
Образование	241,0	288,1	341,0
Искусство и кинематография	63,7	54,6	49,8

В советском обществе высшее образование, в отличие от среднего специального, давало более высокий социальный статус. Оно не гарантировало высоких заработков, по крайней мере в первые годы после окончания высшего учебного заведения. Квалифицированный рабочий получал значительно больше инженера в НИИ, ассистента в вузе, мастера на заводе или на стройке. Однако наличие высшего образования в годы советской власти становилось фактором социальной мобильности, замены физического труда на умственный, становилось в определенном смысле надеждой на более спокойную и обеспеченную старость.

Частным проявлением застойных явлений в экономике страны стало то, что в 80-е гг. XX в. в отличие от предшествовавших десятилетий практически не увеличивалось число высших учебных заведений, как и количества студентов.

Для поступления в высшее учебное заведение следовало иметь свидетельство о полном среднем образовании и сдать вступительные экзамены. По итогам вступительных экзаменов абитуриенты участвовали в конкурсе. Конкурсы в различные вузы сильно отличались. Статистика указывает, что средний конкурс по стране составлял два человека на место⁴⁶. Однако конкурсы и в вузы, и на отдельные специальности очень отличались. Гарантированно высокими были конкурсы на гуманитарные факультеты, в медицинские институты, на юридические и экономические специальности. Молодежь заметно хуже шла учиться на инженерные специальности в строительстве, транспорте, металлургии.

Следует также учитывать и престижность вуза или специальности в глазах абитуриента. В такие институты, как Московский физико-технический, Московское высшее техническое училище им. Баумана, на физико-технические факультеты, на ряд других специальностей всегда шли мотивированные, неплохо подготовленные выпускники. Не было недостатка в желающих учиться в Московском университете, в Новосибирском академгородке.

Кроме обычного приема в вузы существовали и другие пути получения высшего образования. С 1970-х гг. получает распространение практика создания подготовительных отделений в институтах и ряде университетов. Как правило, их появление

⁴⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 167.

⁴⁶ См.: Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 226.

было связано с хроническим недобором абитуриентов на инженерные специальности⁴⁷. Как пишет исследователь, «молодых людей с производства на подготовительное отделение приходилось буквально заманивать, обещая им поступление в вуз без экзаменов»⁴⁸.

Другой формой обхода конкурса был целевой набор от союзных и автономных республик в союзные и российские вузы. Республиканское руководство широко пользовалось этим правом. Как следствие, если на 10 тыс. русских приходилось 190 студентов, то на то же число казахов было 274, абхазов — 327, бурятов — 354 студента. Каждый четвертый грузин, азербайджанец, таджик, каждый третий армянин получали образование за пределами своих республик⁴⁹.

Высшее образование в стране было бесплатным. Успешно обучавшимся студентам назначалась стипендия в зависимости от специальности, как правило от 35 до 50 руб. в месяц. Отлично сдавшему сессию назначалась повышенная стипендия. По окончании обучения, продолжавшегося пять лет, присваивалась квалификация специалиста. Количество студентов и номенклатура специальностей, по которым шло образование, жестко планировались и были увязаны с потребностями и заявками министерств, ведомств, промышленных предприятий, учреждений образования, науки и культуры. Это отражалось, в частности, в требовании соответствия планов приема и выпуска студентов очного обучения. Естественный процесс отсева, отчисления за неуспеваемость студентов-дневников деканаты и ректораты стремились заместить за счет перевода на дневное отделение студентов вечерников и заочников.

Обучали прежде всего будущей профессии. Обучение было, как принято говорить, практико-ориентированным. Сначала, на первом и втором курсах преподавались общетеоретические курсы, необходимые специалисту. С третьего курса начиналась специализация, как правило, связанная с кафедрами по направлениям профессионального образования. На этом этапе основное место занимали спецкурсы по отдельным направлениям специальности, утверждалась тема будущей дипломной работы. Далее следовали производственные практики. Выпускники очных отделений в обязательном порядке подлежали государственному распределению.

Однако образование не ограничивалось этим. Согласно Положению о высших учебных заведениях СССР, принятому 22 января 1969 г. и сохранявшемуся в неизменности до конца 1980-х гг., «главными задачами высших учебных заведений являются: подготовка высококвалифицированных специалистов с глубокими теоретическими и необходимыми практическими знаниями по специальности, владеющих марксистско-ленинской теорией, новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники, воспитанных в духе высокой коммунистической сознательности, советского патриотизма, дружбы народов и пролетарского интернационализма, обладающих навыками организации массово-политической и воспитательной работы...»⁵⁰

⁴⁷ В качестве исключения следует указать на набор на подготовительные отделения исторических факультетов ряда ведущих университетов по специальности «История КПСС», который проводился партийными органами.

⁴⁸ См.: Дружилов С. А. Социально-психологические проблемы университетской интеллигенции во времена реформ. Взгляд преподавателя. М., 2015.

⁴⁹ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 239–240.

⁵⁰ Постановление от 22 января 1969 г. № 64 «Об утверждении положения о высших учебных заведениях СССР [Электронный ресурс] // Е-досье — электронный эколог: сайт. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/tSxU7bAPFbjmDslNyVtd/full> (дата обращения: 12.09.2023).

Поэтому во всех высших учебных заведениях СССР — от инженерно-технических до медицинских и музыкальных — в обязательном порядке включали историю КПСС, которую читали в 1-м и 2-м семестрах, марксистско-ленинскую философию — в 3-м и 4-м семестрах, политическую экономию — в 5, 6 и 7-м семестрах, научный коммунизм — в 8-м и 9-м семестрах. Кроме этих обязательных дисциплин предлагались еще факультативные курсы — научный атеизм, марксистско-ленинская эстетика, марксистско-ленинская этика. Объем этих предметов составлял как минимум 10 % часов учебных занятий.

В 1980-х гг., когда стало очевидным, что неверие в идею коммунизма стало массовым, общественные науки с их запредельной идеологичностью становились скорее политическим ритуалом. Жизнь вступала в противоречие с назойливыми повторениями о том, что перестройка — это путь к «возвращению к истинному ленинизму», к тому, что «больше демократии, больше социализма». Они неизбежно сопоставлялись с карточками покупателей, появившимися даже в Москве и Ленинграде, считавшихся витриной достижений социализма. Лекции про индустриализацию и коллективизацию, про победу социализма шли вразрез с тем, что писали об этом в «Комсомольской правде», «Огоньке», в супердефицитной, хотя и вышедшей тиражами в сотни тысяч экземпляров книге А. Рыбакова «Дети Арбата». «Двойственность сознания, конформизм, формализация свидетельствовали о наступившем кризисе советских общественных наук. Вместе с тем неоднородность мнений в общественной науке, элементы прагматизма в официальном обществоведении, подтачивали силу советской идеологии, приближая кризис всей советской социальной системы»⁵¹. Вера в коммунизм уходила.

Студенты массово стали выходить из комсомола, а старшеклассники менее охотно вступать в комсомол. Если в 1986 г. в нем насчитывалось 16 245 тыс. студентов и учащихся, то в 1990 г. численность студентов и учащихся — комсомольцев сократилась на треть — до 10 977 тыс.⁵²

После поступления в институт или университет молодого человека ожидала не только учеба и студенческие заботы, но и почти неизбежная служба в армии, если он подходил по здоровью. Это было эхом афганской войны. Через год после ее начала, 17 декабря 1980 года была ограничена отсрочка от призыва студентов ряда вузов⁵³, а 13 марта 1984 г. Минвуз СССР издал приказ об отмене отсрочек от призыва в вузах, за самым редким исключением. Студенты уходили в армию на два года и возвращались в свои вузы, как правило, сержантами. В институтах и университетах их вновь отправляли учиться на военной кафедре. Содержание этой подготовки зависело от профиля вуза, от специальности факультета, но она входила такой же обязательной частью государственного образовательного стандарта, как и другие дисциплины. На военное обучение студентов вузов по программам подготовки офицеров запаса отводилось 450 часов теоретических занятий и 144 часа практического курса

⁵¹ Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР в середине пятидесятых – первой половине восьмидесятых годов: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2001.

⁵² Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 39.

⁵³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 декабря 1980 г. № 3535-X «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР “О всеобщей воинской обязанности”» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10562.htm (дата обращения: 12.09.2023).

в период проведения тридцатидневного лагерного сбора в войсках⁵⁴. Для сравнения: объем дисциплин специализации, по которой обучался студент, составлял те же самые 450 часов.

Студенты, прошедшие срочную службу в армии, выступили против порядков на военных кафедрах. Они, отслужившие в боевых частях, обнаруживали, что часть офицеров, годами служивших на кафедре, просто не знают современного состояния армии и ее вооружения. Эти студенты говорили, что хороший сержант лучше, чем лейтенант, отучившийся на военке, как обычно называли военную кафедру. Кроме того, студенты полагали, что свой долг Родине они уже отдали и служить по второму разу, хотя и в качестве студента военной кафедры, они не должны. Кроме того, возникла угроза, что после окончания университета выпускников могли призвать вновь — уже как офицеров, и примеры тому появились.

В 1987–1989 гг. волнения против обучения на военных кафедрах охватили университеты и институты Томска, Иркутска, Свердловска, Нижнего Новгорода, ряда вузов Москвы и Прибалтики. Лидерами движения стали уже отслужившие в армии студенты, в том числе члены ученых советов вузов от студентов. Волнения шли под лозунгом: «Встанем стеной, покончим с войной». Раздавались призывы от объявления бойкота военным кафедрам до необходимости радикально пересмотреть программы обучения на военных кафедрах и освобождения от обучения тех студентов, которые уже прошли срочную военную службу⁵⁵. Окончательно проблема военки была снята только тогда, когда Верховный Совет СССР в июле 1989 г. отменил призыв студентов и предписал вернуть студентов из армии в вузы.

В молодежной среде, особенно в крупнейших городах страны, в Москве и Ленинграде, начинают стремительно распространяться молодежные группировки с их своеобразными субкультурами — хиппи, панки, битломаны, брейкеры и т. д. Возраст этой молодежи — около 20 лет. Это были достаточно замкнутые общности, «системы». Они подчеркнуто выделялись особенностями одежды, внешности, своим поведением, символикой («фенечками»)⁵⁶. Основой поведения и социальных представлений для них стало субъективное ощущение полной свободы как основной ценности.

Женская доля. Размывалась, утрачивалась однозначность в жизни городской семьи. Далеко не всегда главой семьи являлся мужчина. Именно женщина зачастую становилась организатором семейной жизни. У женщин был более высокий образовательный уровень. Женщины добились реальной экономической самостоятельности. Женщины — рабочие и служащие — составляли в 1980 г. 51,2 %, в 1990 — 51,5 %⁵⁷. Женщин с высшим и средним специальным образованием в народном хозяйстве было

⁵⁴ *Абрамов А. Н.* Исторические аспекты процесса подготовки офицеров запаса в СССР и РФ // Вестник ННГУ. Серия: Инновации в образовании. 2004. Вып. 1 (5). С. 29.

⁵⁵ Подробнее см.: Уральский университет. 1988. 14 ноября; За индустриальные кадры. 1988. 3 ноября.

⁵⁶ См.: *Щепанская Т. Б.* Процессы ритуализации в молодежной субкультуре // Советская этнография. 1988. № 5. С. 14–26; *Малютин М.* Неформалы в перестройке: опыт и перспективы // Иного не дано: судьбы перестройки, вглядываясь в прошлое, возвращение к будущему / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева; [ред.-сост. А. А. Протацкий]. М., 1988. С. 210–227 и др.

⁵⁷ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 103.

59 %, а в 1990 — 61 %⁵⁸. Женщины абсолютно преобладали в торговле и общественном питании — 82 %, в здравоохранении — 81 %, в народном образовании — 75 %, в культуре — 73 %⁵⁹. Вопросы планирования семейного бюджета, принятие важных вопросов быта перестали быть монополией мужа. Контроль над бюджетом был, как правило, в руках жены⁶⁰.

Государство воспринимало женщину как мать, заботилось о материнстве и детстве. В 1974 г. был принят закон о выделении пособия для детей в семьях, где доход на одного члена семьи был менее 50 руб. Пособие составляло 12 руб. и выплачивалось до достижения ребенком 12 лет. Матери-одиночки получали на ребенка 20 руб. в месяц до 16-летнего возраста. В 1981 г. при рождении первого ребенка матери полагалось 50 руб., а второго — 100 руб.⁶¹

Пропаганда не уставала провозглашать полное равенство мужчины и женщины в обществе как достижение советской власти. При этом механизмы Госплана, министерств — от легкой промышленности до Минздрава — не доходили до такой малости, как учет государством физиологической природы женщины. Поэтому мамы рассказывали и показывали своим дочерям, как самостоятельно делать гигиенические пакеты из подсобного материала: ваты, марли, старых застиранных простыней. Женские прокладки, тампоны появились только в начале 1990-х гг.

Работающая женщина не могла быть «машиной для родов», как было до начала XX в. Однако насколько почетной признавалась роль матери, настолько же существовало предубеждение, основанное на архаичном представлении о неприличности предохранения от нежеланной беременности. Использование средств контрацепции было крайне ограничено из-за их отсутствия и традиционного дефицита. Основным средством прерывания беременности оставался аборт. Аборт оправдывался отсутствием жилплощади, тем, что нет яслей и детского сада, не на кого оставить ребенка, тяжелым материальным положением⁶². Статистика аборт в 1960–1980-е гг. была засекречена⁶³. По мнению медиков, три четверти женщин, вступивших в брак в 1960-е гг., имели по меньшей мере один аборт в течение первых пяти лет брака, треть — два аборта, а 14 % — три и более⁶⁴.

К началу 1970-х гг. в мире стремительно распространялись оральные средства контрацепции, основанные на достижениях гормональной медицины. Но Минздрав СССР

⁵⁸ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 104.

⁵⁹ Там же. С. 103.

⁶⁰ Будина О. Р., Шмелева М. П. Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. 1991. № 4. С. 22.

⁶¹ Мотревич В. П. Историческая демография: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Екатеринбург, 2020. С. 220.

⁶² См.: Юсупова А. Н. Медико-социальный и психологический портрет женщин, прерывающих беременность искусственным абортом. М., 2000.

⁶³ Впервые статистика аборт в СССР была опубликована в: Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник. М., 1991. С. 251. Однако крайняя противоречивость критериев учета делает эти данные малоприменимыми для анализа.

⁶⁴ Денисов Б. П., Сакевич В. И. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика: памяти А. Я. Кваши. М., 2014. С. 175. (Демографические исследования / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Экономический фак., Центр по изучению проблем народонаселения; вып. 23).

категорически выступил против появления этих средств. В 1974 г. министерство выпустило инструктивное письмо, фактически запрещавшее их применение, сообщало о бесчисленных негативных последствиях использования гормональных средств контрацепции. В 1981 г. министерство выпустило новое письмо «О побочных реакциях и осложнениях, вызываемых оральными контрацептивами». Очевидный вред от аборт для здоровья женщин вынудил в 1985 г. всерьез заняться мерами по предотвращению нежелательных беременностей. Прежние ограничения на гормональные контрацептивы были отменены. Органы здравоохранения стали широко пропагандировать и применять средства современного и эффективного контрацептива — внутриматочной спирали⁶⁵. Следствием этих мер стало заметное сокращение числа аборт во второй половине 1980-х гг.

У женщин хватало проблем и помимо этого. Сохранить семью — едва ли женская проблема. Разводы стали обычным делом (табл. 10).

Таблица 10

Число браков и разводов в СССР (на 1000 чел. населения)⁶⁶

Годы	Число браков	Число разводов
1980	10,3	3,5
1985	9,8	3,4
1990	9,2	3,3

В РСФСР разводы были чаще в городах; там распадался практически каждый второй брак (табл. 11).

Таблица 11

Число браков и разводов в городских поселениях РСФСР (на 1000 чел. населения)⁶⁷

Годы	Число браков	Число разводов
1981	10,5	4,9
1985	9,8	4,7
1990	9,1	4,4

Намного прочнее были браки в деревнях и селах (табл. 12).

Таблица 12

Число браков и разводов в сельских поселениях РСФСР (на 1000 чел. населения)⁶⁸

Годы	Число браков	Число разводов
1981	10,7	2,2
1985	9,4	2,2
1990	8,3	2,1

Второй раз выйти замуж женщине было сложнее, чем мужчине. Во-первых, женщин было больше, чем мужчин (см. табл. 13).

⁶⁵ Денисов Б. П., Сакевич В. И. Указ. соч. С. 199–200.

⁶⁶ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 83.

⁶⁷ Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России); редкол.: Ю. А. Юрков и др. М., 1998. С. 172.

⁶⁸ Там же. С. 173.

Таблица 13

Соотношение мужчин и женщин в РСФСР (в %) ⁶⁹

Годы	Количество мужчин	Количество женщин
1980	46	54
1985	46	54
1990	47	53

Во-вторых, женщина после развода, как правило, оставалась с детьми, а это становилось дополнительным препятствием для повторного брака. В этих условиях получают распространение межэтнические браки. Чаще всего повторно замуж выходили русские женщины, жившие в городах (табл. 14).

Таблица 14

Число смешанных браков (в процентах от общего количества семей) ⁷⁰

	1979	1989
Городские поселения	18,1	20,2
Села	9,2	11,9

Между различными этносами, населявшими СССР, стремление вступать в межнациональные браки сильно отличалось. В Казахстане и Узбекистане только 4,3 % мужчин и немногим более 3 % женщин вступали в брак с представителями других национальностей. Похожие тенденции сохранялись в Азербайджане, Армении, Литве, Грузии ⁷¹.

Доходы и расходы. На какие средства жила семья? Распределение доходов смотрите в таблице 15.

Таблица 15

Распределение населения по среднему совокупному доходу (расчет по данным обследования союзных бюджетов, в %) ⁷²

Доходы (в руб.)	1980	1985	1989
до 50	7,3	4,3	2,8
50–75	18,5	13,6	8,3
75–100	23,2	19,8	13,7
100–125	19,5	19,3	16,1
125–150	13,2	15,0	15,2
150–175	8,2	10,4	12,6
175–200	4,7	6,7	9,5
200–250	4,1	6,9	11,8
свыше 250	1,3	4	10

Жили, как видно из таблицы 15, небогато. В большинстве своем работавшие получали не более 150 руб. В 1989 г. 32 млн человек имело среднедушевой доход менее

⁶⁹ Население России за 100 лет (1897–1997)... С. 36–37.

⁷⁰ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 84–87.

⁷¹ Подробнее см.: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 132–134.

⁷² Там же. С. 181–182.

75 руб. в месяц⁷³. Понятно, что были люди, зарабатывавшие много больше⁷⁴, но немногочисленные сотрудники партийного и государственного аппарата, профессора, доценты, академики, члены-корреспонденты, многотиражные писатели с успехом поглощались и растворялись в статистической массе соотечественников.

А теперь о расходах. Доходы, действительно, были небольшими, но главная беда заключалась в дефиците продуктов и других товаров. По данным ЦК КПСС, из 1101 ассортиментной группы товаров народного потребления, по которым в 1989 г. велось наблюдение, дефицитными были 1044; из 221 продукта питания — 211, из 493 предметов гардероба и тканей — 465; из 387 товаров культурно-бытового назначения — 368⁷⁵.

Цены на продовольствие изменились мало. С 1980 по 1989 г. (за 10 лет) мясо подорожало с 1 руб. 81 коп. за килограмм до 2 руб., колбаса — с 2 руб. 38 коп. до 3 руб. 25 коп., животные и растительные масла вообще не подорожали⁷⁶. Проблема была в другом. Купить продукты становилось все труднее и труднее. Острота продовольственных проблем нарастала постепенно. Сначала эти трудности проявились в областях Сибири, Урала, Центральной России — там, где не было сколько-нибудь развитого личного подсобного хозяйства. Совмины СССР и РСФСР были завалены просьбами о выделении дополнительных фондов на продовольствие⁷⁷. С конца 1970-х гг. в этих областях начинают вводить нормирование продовольствия, талоны на приобретение мяса, позже — сахара. К концу 1980-х гг. (в годы перестройки) эта практика распространяется на весь Советский Союз, повсеместно были введены карточки покупателей — своего рода удостоверения с фотографией, дающие право делать покупки в данном населенном пункте.

Задача хозяйки — достать продукты, загрузить холодильник. Продукты покупались впрок, про запас, по возможности — килограммами. За ними стояли в длинных очередях, стремились найти знакомых в торговле. Из командировок старались привезти то, что можно было купить в другом городе или республике. Расхожей шуткой тех времен было: «В магазинах ничего нет, а холодильники полные». Такое вынужденное поведение покупателей лишь подстегивало дефицит. Это объясняет противоречие между официальной статистикой и реальным положением дел на продовольственном рынке. Согласно официальной статистике, продажа мяса на одного человека в год выросла с 62 кг в 1985 г. до 67 кг в 1990 г., сахара — с 42,2 кг до 44,9 кг соответственно. Но только 18,9 % населения страны считало, что им хватало мяса. Снабжением сахаром было удовлетворено 48,4 % населения, рыбой и рыбопродуктами — 21,8 %⁷⁸.

К концу 1980-х гг. жизнь осложнилась. По данным опроса населения, проведенного для ЦК КПСС в 1989 г., 83,4 % горожан и 78,5 % жителей села заявляли о плохом обеспечении продуктами питания, свыше 70 % жаловались на рост цен на товары и услуги. Не лучше обстояло дело с приобретением промтоваров⁷⁹. При этом товары пропадали в государственной торговле, но всплывали в стремительно плодившихся

⁷³ Там же. С. 177.

⁷⁴ См.: *Восленский М.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

⁷⁵ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 201.

⁷⁶ Там же. С. 202–203.

⁷⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 81.

⁷⁸ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 141.

⁷⁹ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 246.

в годы перестройки кооперативных магазинах и на колхозных рынках, которые мало отличались от кооперативов. Цены на колхозных рынках были в два-три раза выше государственных, в кооперативной торговле — в 1,7–1,9 раз⁸⁰. Появились богатые люди, точнее люди, которые открыто демонстрировали свой достаток, недоступный для большинства: японские автомобили, пригнанные с Дальнего Востока, дорогую импортную одежду, видеомагнитофоны... После многих десятилетий пропаганды демонстративного равенства это вызывало раздражение, злило. Отрицательно и неоднозначно к кооперативам относилось 56 % населения, а положительно — только 15 %.

Вокруг кооператоров стали кружить крепкие молодые люди, одетые в спортивные костюмы, коротко подстриженные, — качки, как их тогда называли. Это были либо бывшие спортсмены — борцы, тяжелоатлеты, боксеры, — либо те, кто тренировался в подвальных спортивных залах, накачивая свои мускулы. Эти ребята обещали «защиту» кооператорам, «от которой нельзя отказаться». Фильм Ф. Копполы «Крестный отец», который демонстрировали в подпольных видеосалонах, становился учебным пособием в овладении рэкетом. Время от времени эти «защитники» вступали между собой в кровавые схватки за право отъема денег у кооператоров. Впрочем, эти схватки не затрагивали обычных людей, узнававших о подобных «боях местного значения» из очередной передачи «600 секунд» Ленинградского телевидения или местных криминальных новостей.

Досуг. Досуг граждан среднего и старшего возраста в большинстве своем ограничивался просмотром телевизионных передач, которые стали в эти годы намного интереснее. По телевизору показывали увлекательные многосерийные детективные фильмы: «Следствие ведут ЗнаТоКи», прославлявший советскую милицию; «ТАСС уполномочен заявить...» о КГБ и его борьбе с коварными американскими шпионами и подлым предателем, продававшим секреты страны; итальянский телесериал «Спрут», исследовавший феномен итальянской мафии, связи между властью и преступностью, что неизбежно приводило к мысли о коррупции в родном отечестве. А невероятно обаятельный Шерлок Холмс с его напарником доктором Ватсоном в серии фильмов, снятых на «Ленфильме» специально для ТВ! Кроме детективов были еще «Покровские ворота» М. Казакова; спектакль «Ханума», записанный Ленинградским Большим драматическим театром; «Тот самый Мюнхгаузен» — двухсерийный художественный телефильм М. Захарова; «О бедном гусаре замолвите слово» Э. Рязанова; приключенческие «Д'Артаньян и три мушкетера», «Гардемарины, вперед!» и много-много другой качественной развлекательной телевизионной продукции.

Со второй половины 1980-х гг. развлекательные передачи вытесняются информационными. Пришло такое время, что рассказ о событиях каждого дня оказывался занимательнее любого детектива. В 1986 г. состоялся прямой телемост «Ленинград – Бостон», во время которого советская участница телесеанса произнесла фразу, которая с небольшими изменениями стала знаменитой: «В СССР секса нет!». На первом канале Центрального телевидения с октября 1987 г. стала выходить программа «Взгляд», где среди приглашенных был один из первых советских миллионеров, выступал генерал КГБ О. Д. Калугин, звучала отечественная рок-музыка, которой раньше как бы не было. В Ленинграде появилась постоянная программа «Пятое колесо», где в прямом эфире выступали академик Д. С. Лихачев и писатель Д. Гранин, опальные

⁸⁰ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 206.

академик А. Д. Сахаров и Б. Н. Ельцин, обсуждались политические репрессии прошлого, рассказывали о деле поэта И. Бродского, шла трансляция или показывали записи с митингов, эфир предоставляли диссидентам, писателям, художникам, предпринимателям⁸¹.

С 1989 г. появились прямые трансляции со Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, годом позже — с Российского съезда и Верховного Совета. Их слушали и смотрели везде. Узнавали по голосу выступающих. Отечественные актеры могли только позавидовать популярности политиков.

Обратная сторона процессов, происходивших тогда, — это снижение интереса к традиционным формам организации культурного досуга. За период с 1985 по 1989 г. численность читателей библиотек сократилась на 10 %, а в Литве — на 28 %, Армении — на 21 %, Украине и Эстонии — на 16 %. В кино стали ходить намного реже. За этот же срок посещение кинотеатров в СССР упало на 22 %⁸².

Жизнь не без праздников — семейных, государственных, просто встреч с друзьями. А где такие встречи, там, как правило, и употребление алкогольных напитков. Статистика дает следующее представление об ассортименте алкоголя (см. табл. 16).

Таблица 16

Производство алкогольных напитков⁸³

Алкогольные напитки, млн декалитров	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Водка и ликеро-водочные изделия	295	292	277	277	281	238
Вино виноградное	323	344	349	331	340	265
Вино плодово-ягодное	149	135	124	123	113	70,0
Шампанское	178	204	216	233	254	248
Коньяк	9,4	8,1	7,6	10,5	9,9	7,0
Пиво	613	630	647	661	654	657

После антиалкогольных мероприятий Горбачева в 1985 г. за период с июня 1985 г. по май 1986 г. в сравнении с тем же периодом 1984–1985 гг. сокращен выпуск водки и ликеро-водочных изделий на 33 %, виноградного вина — на 32 %, плодово-ягодного — на 68 %, коньяка — на 44 %⁸⁴. В 1986 г. было продано только 63 % алкоголя по сравнению с 1985 г., в 1987 — 54 %, в 1988 — 60 %, в 1989 — 75 %⁸⁵.

Ограничение продажи алкоголя привело к сокращению поступлений в бюджет. В то же время из-за резкого ограничения продажи спиртного существенно сократился рост заболеваний алкоголизмом. В СССР в 1980 г. насчитывалось 206 больных алкоголизмом на 100 тыс. человек, в 1985 г. — 217, а в 1990 г. — только 133 человека. Еще радикальнее была статистика по заболеванию алкоголизмом в РСФСР. В 1980 г. там на 100 тыс. жителей приходилось 244 больных, в 1985 г. — 265 человек, а в 1990 г. — всего 170⁸⁶.

⁸¹ Эфир на фоне эпохи: очерки истории Ленинградского — Петербургского радио и телевидения / С. Ю. Агапитова и др.; под общ. ред. С. Н. Ильченко, В. Г. Осинского, Ю. В. Ключева. СПб., 2013. С. 166–211.

⁸² Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 242, 244.

⁸³ Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 251.

⁸⁴ Там же. С. 251–252.

⁸⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 117.

⁸⁶ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 228.

Другой стороной ограничения продажи алкоголя стало раздражение людей из-за трудностей покупки вина или водки в магазине. При этом антиалкогольная кампания проводилась таким образом, что власть была дискредитирована. Немедленно появились десятки анекдотов по этому поводу. Согласно одному из них, сам генеральный секретарь рассказывал, что один из страдальцев в очереди за водкой решил пойти в Кремль и убить Горбачева, но через час вернулся и сказал своим соседям по очереди: «Там очередь из таких, как я, но еще больше».

Зато пышным цветом расцветал черный рынок. У таксистов в любое время суток можно было купить бутылку водки в два-три раза дороже официальной цены. Водку вытесняет самогон. Его гнали из сахара, который исчез из продажи, из дешевых конфет, томатной пасты... Производство и продажа самогона дала дельцам черного рынка в 1990 г. 35 млрд руб.⁸⁷

Все большее место в жизни горожан в 1980-е гг. стали занимать коллективные сады. Их не следует путать с дачами. В строгом смысле дачи — это ведомственные жилища для загородного отдыха, находившиеся в различных учреждениях — от ЦК КПСС, Совминов, обкомов и крайкомов КПСС до творческих союзов писателей, художников и т. д. Проживание там было временным. Ведомства предоставляли дачи, они же и отбирали их после смерти знатного дачника. Второй, и наиболее ценный, тип дач — это постоянные загородные жилища, которыми владели на правах собственности. Их было крайне мало. Право на строительство таких дач получали в 1920–1940-е гг. выдающиеся, с точки зрения власти, деятели литературы, искусства, науки, высшие военачальники. Их можно было передавать по наследству, продавать. Ясное представление об этом типе загородного жилища и об отношении к владению дачей дает роман Ю. Трифонова «Старик», написанный в 1978 г.

Другое дело — коллективные сады и коллективные огороды. История их появления непосредственно связана с продовольственными проблемами, обрушившимися на горожан со времени коллективизации и не прекращавшимися до начала 1990-х гг. Как уже отмечалось, просто купить дом в деревне было чрезвычайно сложно. Коллективные сады и огороды как способ самоснабжения получил особенный расцвет в войну и в послевоенные годы. Тогда, в 1940–1950-е гг. предприятия договаривались о выделении земли для своих работников, получали, как правило, земли низкой продуктивности, выведенные из сельхозоборота, помогали со вспашкой неудобья и целины. Рабочие и служащие делили эту землю на участки, засеивали главным образом картошкой, которую заготавливали на зиму.

Вынужденный, отчасти стихийный процесс отвода земли для коллективных садов и огородов рабочих и служащих был отрегулирован Постановлением Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г. «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих»⁸⁸. Суть этого документа — в создании садово-огородных кооперативов под контролем администрации предприятия и профсоюзной организации. Участники садового товарищества должны были выбирать правление, собирать деньги на строительство дороги до сада, проведение электричества

⁸⁷ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 50.

⁸⁸ Постановление Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г. № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4736.htm (дата обращения: 12.09.2023).

и многого другого. В очередном типовом уставе 1966 г. провозглашалось, что «основной задачей садоводческого товарищества как общественной организации является создание коллективного сада и дальнейшее его развитие с целью дополнительного получения плодов, ягод и овощей, а также создание условий по улучшению проведения досуга, укреплению здоровья рабочих и служащих и приобщению к труду подростков»⁸⁹.

Шли годы. Количество участников садоводческих товариществ и коллективных огородов быстро росло. Если в 1970 г. было 2 млн 327,6 тыс. участников коллективных садов и 4 млн 935,1 тыс. огородников, то спустя десять лет — в 1980 г. — количество садоводов практически удвоилось, достигнув 4 млн 084,6 тыс.⁹⁰ Число же огородников практически не изменилось. Со временем сначала на практике, а затем и законодательно были введены ограничения на площадь садовых участков. Она должна была составлять от 400 до 600 кв. м⁹¹. На 4–6 сотках, понятно, товарного хозяйства не создать. Это и подтверждала статистика обследований садоводческих товариществ, проведенных в 1986 г. (см. табл. 17).

Таблица 17

Получено продуктов сельского хозяйства с садово-огородных участков и их использование в 1986 г. (по материалам обследования семейных бюджетов)⁹²

	Собрано урожая в среднем на семью, кг	Из общего количества собранного урожая израсходовано, %		
		потреблено семьей и оставлено для собственных нужд	передано родственникам, знакомым и т. п.	продано
Садовые участки				
Фрукты и ягоды	104	81,7	9,7	7,3
Картофель	228	96,4	2,0	0,8
Овощи и бахчевые	119	93,6	4,1	1,4
Огородные участки				
Фрукты и ягоды	3	92,6	6,6	0,8
Картофель	404	96,2	1,6	1,7
Овощи и бахчевые	18	83,3	1,8	14,6

Как нетрудно заметить, почти все произведенное членами садовых и огородных товариществ оставалось в семьях и практически не шло на продажу. Отметим и специализацию, сложившуюся между коллективными садами и огородами. На огородах по-прежнему выращивали в основном картошку. В садах же сажали уже не только картошку, но и всякую зелень к столу, огурцы, помидоры, смородину, яблони...

⁸⁹ Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих (утв. Приказом Минкомхоза РСФСР № 161, Минсельхоза РСФСР № 227 от 18.05.1966) (ред. от 02.02.1982) [Электронный ресурс] // Е-досье — электронный эколог: сайт. URL: https://e-ecolog.ru/docs/RLmSiauF_IMkpbnu601CY (дата обращения: 12.09.2023).

⁹⁰ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 176.

⁹¹ Эта норма была установлена Постановлением Совмина РСФСР от 11 ноября 1985 г. № 517 «Об утверждении типового устава садоводческого товарищества» (URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12970.htm (дата обращения: 12.09.2023)).

⁹² Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 111.

Все перерабатывалось и консервировалось, чтобы разнообразить домашнюю еду в течение года⁹³.

На участках появлялись сначала будки, затем — домики, где можно было укрыться от дождя, спрятать лопаты, грабли и прочий хозинвентарь. Постепенно эти домики стали превращаться в жильё. Горожане благоустраивали их каждый на свой лад, придавали им индивидуальность, возникало своего рода соревнование не только в том, у кого цветы красивее и малина слаще, но и у кого дом побольше да поудобнее.

Однако в 1966 г. в типовом уставе садового товарищества, утвержденном совместным постановлением Совмина РСФСР и ВЦСПС указывалось, что садоводы могут строить только «садовые летние домики (с отоплением твердым топливом) полезной площадью от 12 до 25 кв. м, с террасой до 10 кв. м на семью (при необходимости с мансардой сверх установленных размеров и погребом), хозяйственный блок площадью до 15 кв. м (с устройством в нем помещения для содержания кроликов и домашней птицы, хранения хозяйственного инвентаря), а также душ и туалет»⁹⁴.

И в этих условиях владельцы садовых участков пытались совершенствовать свои дома. Строили высокий второй этаж — мансарду, превращавшуюся в своего рода гостиную, выкапывали глубокие подвалы под домом, которые становились удобными хранилищами для овощей, гаражами, да и мало ли для чего мог сгодиться хороший подвал!

Спустя десять лет, в 1985 г., вышел новый Примерный устав садового товарищества, также утвержденный Совмином РСФСР, согласно которому степень самодеятельности хозяев садовых участков вновь была ограничена и строго регламентирована. Мансарда могла быть не более 15 м, погреб площадью до 8 кв. м, неотапливаемая теплица площадью до 15 кв. м. «При этом высота помещений (от пола до потолка) летнего садового домика не должна превышать 2,5 метра, хозяйственных строений — 2,2 метра, погреба — 1,9 метра, а общая высота (от уровня земли до конька крыши) летнего садового домика не должна превышать 6,5 метра и хозяйственных строений — 3 метров»⁹⁵.

Для таких домишек требовались строительные материалы: цемент, доски и бревна, кирпич, утеплители... Раздобыть их в государственной торговле было невероятно трудно. Каждую покупку строительных материалов следовало оформить документально, так как в любой момент могли явиться сотрудники Отдела борьбы с хищением социалистической собственности (ОБХСС), и горе тому, кто не мог доказать законный характер приобретения материалов. В противном случае садовод-строитель мог быть обвинен в хищении социалистической собственности.

Во второй половине 1970-х гг. государство разрешило продажу садоводам сборно-щитовых типовых домиков, полностью соответствующих нормам, прописанным

⁹³ Согласно тому же типовому уставу садового товарищества 1966 г. «члены садоводческого товарищества имеют право содержать на садовом участке птицу в вольерах — до 20 голов, кроликов в клетках — до 5 кроликоматок, пчел — до 5 пчелосемей, нутрий в клетках — 5 нутриематок с приплодом при обязательном соблюдении ветеринарно-санитарных правил и без ущерба нормальному отдыху на соседних садовых участках» (см. сноску 89).

⁹⁴ Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих...

⁹⁵ Постановление Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1985 г. № 517 «Об утверждении типового устава садоводческого товарищества» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr_usr_12970.htm (дата обращения: 12.09.2023).

в законе. Это не исключало взлета частной инициативы. Одни сооружали стены из пустых бутылок, другие устраивали бассейн на участке, третьи пытались создать там свою мастерскую, гараж со всеми приспособлениями, рабочий кабинет, и уже не картошка, а цветы могли доставлять радость хозяевам...

Садовые товарищества становились своего рода оазисом частной жизни, где, при всех ограничениях, была возможность проявить собственную индивидуальность. Во второй половине 1970-х гг. наметилась тенденция перехода к обществу потребления: советские граждане стремились к повышению качества жизни, «западным стандартам быта», как они понимались людьми того времени.

Автомобили. Новым и радикальным фактором, влиявшим на приоритеты, ценности бытового поведения, стала начавшаяся автомобилизация населения. Именно в это время начался массовый выпуск автомобилей. В декабре 1973 г. новый Волжский автомобильный завод был полностью принят в промышленную эксплуатацию⁹⁶, в октябре 1974 г. он достиг проектной мощности: 2230 машин в сутки, т. е. каждые 22 секунды с конвейера сходил новый автомобиль. В 1975 г. ВАЗ произвел 667 тыс. машин. А всего в стране в этот было произведено 1201,3 тыс. автомобилей⁹⁷.

Новая машина — это другие, невиданные прежде возможности, новый уровень свободы, мобильности. Это и дом на колесах, и независимость от государственного транспорта, и другая организация отдыха, и возможность в любое удобное время поехать в коллективный сад, на дачу или в деревню, отвезти туда детей, тещу, привезти им купленные в городе продукты, забрать в деревне картошку или яблоки.

Жигули стоили дорого. За самые дешевые ВАЗ-2101 надо было отдать 5500 руб., что было равно стоимости трехкомнатной кооперативной квартиры в Москве. Более качественные ВАЗ-2103 стоили 7500 руб., а ВАЗ-2106 — 9100 руб. Примерно столько же, как ВАЗ-2101, стоили «москвичи» — Москвич-2140 и ИЖ-412, но владение «жигулями» было престижнее.

Для покупки нового автомобиля брали деньги в долг, просили помощи у родственников. Машина покупалась с расчетом если не на всю жизнь, то уж, во всяком случае, на большой срок. Появление автомобилей начинало воздействовать на различные стороны жизни и быта. Машины надо было ремонтировать⁹⁸, нужны были запасные части, автомобильная резина. Следствием неразвитости государственного автосервиса является новый и влиятельный черный рынок, где можно было отремонтировать, купить запчасти, провести профилактику. Умельцы авторынка становились нужными людьми.

Возможность поехать на своей машине к родственникам в другую область, на отдых в Крым или на Кавказ создавало рынок придорожных заведений, где можно было поесть, а при необходимости и заночевать. Автомобилизация приводит к определенному оживлению жизни деревень и сел вокруг больших городов. Горожане всеми правдами и неправдами стремились скупать там дома, прописывать там престарелых родственников, чтобы получить право иметь загородный дом, не обремененный ограничениями коллективных садов.

⁹⁶ Известия. 1973. 23 декабря.

⁹⁷ Материалы делегату XXV съезда КПСС. С. 37.

⁹⁸ Сложность технического обслуживания «жигулей» была учтена их создателями. Первоначально их продавали только в Москве и Московской области, где были технические условия для их обслуживания. Позже по стране стала создаваться система автосервисов.

Автомобилизация с самого начала стала индикатором формирования ценностей потребления, существовавших всегда, но «легализовавшихся» именно во второй половине 1970-х гг. Отдельная квартира, садовый домик, автомобиль и гараж — все это маркеры, признаки изменявшегося быта, бытовых ценностей, образа жизни.

Черный рынок. Острый товарный дефицит стимулировал появление черного рынка⁹⁹. На многотысячных барахолках оказывалось все, что имело спрос (а спрос имело все): радиоаппаратура, западные пластинки, японские куртки-анораки, индийская мохеровая шерсть, польская косметика, вьетнамские джинсы... Поставщиками такого товара были и моряки торгового флота, привозившие контрабанду, и туристы, приезжавшие из-за рубежа. Но это, что называется, мелочь. Основных же источников дефицитных товаров было два. Во-первых, это советская торговля, через базы и магазины которой дефицит получали нужные люди, оттуда он шел на рынки, где продавался в два-три раза дороже к вящему удовольствию деятелей торговли¹⁰⁰. Во-вторых, это продукция так называемых цеховиков, руководителей, организовавших на государственных предприятиях выпуск пользовавшейся спросом продукции из сэкономленного или украденного сырья — модного трикотажа, фурнитуры, шариковых ручек... К ним присоединялись и частные умельцы, шившие джинсы и куртки, «варившие» их, чтобы придать им импортную потертость. Знаменитыми на всю страну были барахолки в Вильнюсе, Свердловске, Ташкенте. В Москве такой рынок действовал с начала 1980-х гг. на Рижском вокзале.

В республиках Закавказья, Средней Азии грань между государственной и частной торговлей для покупателя была не слишком заметной. Власти смотрели на эти рынки, скорее, сквозь пальцы, видя в барахолках способ удовлетворения товарного спроса, что не исключало юридической ответственности и спекулянтов, и деятелей торговли, и цеховиков.

Эту практику попытался пресечь Пленум Верховного Суда РСФСР. В его постановлении от 14.12.1982 № 5 «О практике применения судами РСФСР законодательства и выполнения ими руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР по делам о спекуляции» было заявлено, что «вопреки требованиям закона... отдельные суды не предъявляют должной требовательности к качеству предварительного следствия по делам указанной категории и сами не принимают достаточных мер к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств совершения преступления, к выявлению и устранению причин и условий, способствовавших спекуляции.

Нередко допускаются ошибки при квалификации действий виновных, когда спекуляция сопряжена с хищениями государственного и общественного имущества, хозяйственными и должностными преступлениями»¹⁰¹.

⁹⁹ О проблеме дефицита в социалистической экономике см.: Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.

¹⁰⁰ В знаменитом советском криминальном сериале «Следствие ведут знатоки» деятели торговли едва ли не главные герои. Весь Советский Союз смеялся, слушая скетч Аркадия Райкина, герой которого возмущался: «Товаровед, обувной отдел, как простой инженер...».

¹⁰¹ Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 14 декабря 1982 г. № 5 «О практике применения судами РСФСР законодательства и выполнении ими руководящих постановлений Пленума Верховного суда СССР и Пленума Верховного суда РСФСР по делам спекуляции» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов

Пленум постановил: «Поскольку административная ответственность за мелкую спекуляцию наступает в случаях, когда размер полученной или предполагаемой наживы не превышает 30 рублей, народные судьи при рассмотрении дел об этих правонарушениях должны тщательно выяснять вопросы о количестве скупленных и перепроданных товаров или иных предметов, их стоимости и размере наживы, не допуская фактов привлечения к административной ответственности лиц, в действиях которых содержится состав преступления, предусмотренного ст. 154 УК РСФСР»¹⁰².

Особое внимание было обращено не только на тех, кто перепродает, но и на тех, у кого скупщик приобретал товар. «Работники торговли, продавшие товары со складов баз и из подсобных помещений предприятий (организаций) торговли или общественного питания заведомо для спекуляции, подлежат ответственности по совокупности преступлений за нарушение правил торговли и соучастие в спекуляции, а если эти действия совершены должностным лицом и в них содержатся признаки злоупотребления служебным положением, — также и по ст. 170 УК РСФСР»¹⁰³. В решении пленума постоянно повторялась необходимость применения конфискации имущества у злостных спекулянтов.

Эти решительные меры, впрочем, своего действия не возымели, и 1980-е гг. стали временем расцвета черного рынка. Его бурный рост и появление нелегальных больших денег у цеховиков закономерно привлекло в эту сферу преступников. Более того, начался качественно новый процесс срастания нелегального бизнеса с организованной преступностью. Летом 1979 г. между кавказскими ворами в законе и цеховиками в Кисловодске было заключено соглашение, что предприниматели платят вору в законе 20 % с оборота их левой продукции, а те гарантируют им «защиту» от бандитов. Рэкет приобрел организованный характер, нелегальная экономика страны была поделена на сферы контроля организованных преступных групп¹⁰⁴.

От Олимпиады к обычной жизни. Олимпиада-80 стала значимым событием в жизни столицы и ее жителей¹⁰⁵. Правда, этот замечательный спортивный праздник был несколько омрачен бойкотом из-за ввода советских войск в Афганистан. Олимпиада запомнилась не только замечательной церемонией закрытия с улетающим в небо олимпийским мишкой. Весна и лето этого года стала для москвичей демонстрацией невиданного прежде изобилия — появившихся вдруг в аккуратных упаковках нарезанного финского сервелата, сыра, маленьких коробочек фруктовых соков.

Демонстрация изобилия закончилась почти сразу с окончанием Олимпиады. Москва вернулась в прежнее суматошное бытие. Вернулись привычные длинные очереди москвичей и приезжих за всем на свете. Товары снова стали дефицитом, их приходилось не покупать, а доставать. Доставали обувь и торты, рубашки и книги, автомобили

Союза Советских Социалистических республик: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_11368.htm (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *Раззаков Ф. И.* Бандиты семидесятых. 1970–1979. М., 2008. С. 482–483.

¹⁰⁵ Подробно документы о подготовке и проведении московской Олимпиады см.: Пять колец под кремлевскими звездами. Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве / глав. ред. Н. Г. Томилина, сост.: Т. Ю. Конова, М. Ю. Прозуменщиков. М., 2011. (Серия «Россия. XX век. Документы») / Глав. ред. Н. Г. Томилина, сост.: Т. Ю. Конова, М. Ю. Прозуменщиков. М., 2011.

и стиральный порошок, телевизоры и лекарства. Мечтали достать импортные магнитофоны и презервативы. Командированные в Москву стремились купить московские конфеты и, если повезет, копченую колбасу.

Во многих городах были введены талоны на покупку мяса, масла. Учреждения и организации — от заводских профкомов до учреждений науки и культуры — направляли письма-заявки в «торги» — государственные предприятия, распределявшие товары по магазинам. В письмах просили, «в порядке шефской помощи, разрешить приобрести товары повышенного спроса для ветеранов войны и труда, работающих на нашем предприятии». А лучше всего было тем, кто имел право «отовариваться» в закрытых распределителях, в специальной секции ГУМа. К этой категории относились партийные руководители и чиновники высокого ранга.

Замена торговли распределением неизбежно приводила к нарушениям. Возникла проблема разных денег. Точнее, деньги-то были одинаковыми, но рядовой гражданин мог купить на них много меньше, чем чиновник; рядовой чиновник — много меньше своего партийного коллеги, и все дружно завидовали и тихо ненавидели тех, кому товары доставляют на служебных черных «Волгах». «Послевкусие» Олимпиады спровоцировало злую шутку в адрес власти: «В 1980 году обещали коммунизм, а устроили Олимпиаду».

Заключение. В годы перестройки телевидение с его трансляцией съездов и заседаний Верховных Советов уничтожило «священную тайну» власти. С экранов перед зрителями предстали растерянно-уговаривающий генеральный секретарь, говоривший много, округло и ни о чем, и атаковавшие его справа и слева оппоненты — депутаты. Страна наполнилась слухами об ожидании появления человека, который может все изменить и наладить. Все чаще эти ожидания связывались с Б. Н. Ельциным. Самый факт его замалчивания властями только разжигал «ельцинскую легенду». При появлении его на экранах телевизора, когда он скрипучим голосом говорил короткими предложениями и ясными лозунгами, становилось ясно — новый лидер появился.

«По-прежнему жить нельзя! Не получится». Пожалуй, это стало главным выводом социальной жизни 1980-х гг.

Литература

1. Абанкина Т. В. Стратегии управления развитием в контексте тенденций расселения // Модернизация экономики и общественное развитие: в 3 кн. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2007. Кн. 3. С. 329–337.
2. Абрамов А. Н. Исторические аспекты процесса подготовки офицеров запаса в СССР и РФ // Вестник ННГУ. Серия: Инновации в образовании. 2004. Вып. 1 (5). С. 28–41.
3. Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: На примере г. Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977. 359 с.
4. Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг.: учеб. пособие. Вологда: Пединститут, 1991. 256 с.
5. Беленький В. Р. Российская деревня: из прошлого в будущее. М.: О-во «Знание» РСФСР, 1991. 53 с.
6. Бондаренко Л. В. Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М.: ВНИИЭСХ, 2003. 509 с.
7. Будина О. Р., Шмелева М. П. Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. 1991. № 4. С. 17–27.
8. Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного города // Советская этнография. 1982. № 6. С. 27–39.

9. Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР в середине пятидесятых – первой половине восьмидесятых годов: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2001. 486 с.
10. Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М.: МП «Октябрь»; Советская Россия, 1991. 624 с.
11. Денисов Б. П., Сакевич В. И. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика: памяти А. Я. Кваши. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 165–186. (Демографические исследования / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Экономический фак., Центр по изучению проблем народонаселения; вып. 23).
12. Дружилов С. А. Социально-психологические проблемы университетской интеллигенции во времена реформ: взгляд преподавателя. [Электронное издание]. Montreal: Accent Graphics Communications; Т/О “Nefomat”, 2015. 241 с.
13. Капустина О. В. Колхозные пенсии в системе государственного пенсионного обеспечения Советского Союза (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2010. Т. 4. История. № 1. С. 186–195.
14. Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Политика ликвидации «неперспективных» деревень и ее социально-демографические последствия в Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Сибирская деревня: проблемы истории: материалы Пятой международной научно-практической конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития»: 75-летию со дня рождения Н. Я. Гущина посвящается / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2004. С. 171–185.
15. Коган Д. М. Особенности быта сельского населения, работающего в городе // Советская этнография. 1975. № 6. С. 71–78.
16. Коган Д. М. Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города // Советская этнография. 1967. № 4. С. 40–50.
17. Корнай Я. Дефицит: [пер. с венг.]. М.: Наука, 1990. 607 с.
18. Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М.: Наука, 1974. 318 с.
19. Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25–37.
20. Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.) Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2012. 471 с.
21. Малютин М. Неформалы в перестройке: опыт и перспективы // Иного не дано: судьбы перестройки, вглядываясь в прошлое, возвращение к будущему / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева; [ред.-сост. А. А. Проташик]. М.: Прогресс, 1988. С. 210–227.
22. Мотревич В. П. Историческая демография: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2020. 264 с.
23. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979. М.: РОССПЭН, 2005. 304 с.
24. Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–14.
25. Раззаков Ф. И. Бандиты семидесятых. 1970–1979. М.: Эксмо, 2008. 672 с.
26. Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965–1980. М.: Мысль, 1982. 208 с.
27. Щепанская Т. Б. Процессы ритуализации в молодежной субкультуре // Советская этнография. 1988. № 5. С. 14–26.
28. Эфир на фоне эпохи: очерки истории Ленинградского – Петербургского радио и телевидения: монография / С. Ю. Агапитова и др.; под общ. ред. С. Н. Ильченко, В. Г. Осинского, Ю. В. Клюева. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2013. 320 с.
29. Юсупова А. Н. Медико-социальный и психологический портрет женщин, прерывающих беременность искусственным абортom. М.: ЦНИИОИЗ, 2000. 20 с.

References

1. Abankina T. V. Strategii upravleniia razvitiem v kontekste tendentsii rasseleniia [Development management strategies in the context of settlement trends] // *Modernizatsiia ekonomiki i obshchestvennoe razvitiie*: v 3 kn. Moscow: ID GU-VShE, 2007. Vol. 3. P. 329–337. (In Russ.).
2. Abramov A. N. Istoricheskie aspekty protsessa podgotovki ofitserov zapasa v SSSR i RF [Historical aspects of the process of training reserve officers in the USSR and the Russian Federation] // *Vestnik NNGU. Serii: Innovatsii v obrazovanii*. 2004. Issue 1 (5). P. 28–41. (In Russ.).
3. Anokhina L. A., Shmeleva M. N. Byt gorodskogo naseleniia srednei polosy RSFSR v proshlom i nastoiashchem: Na primere g. Kaluga, Elets, Efremov [Life of the urban population of the middle zone of the RSFSR in the past and present. On the example of Kaluga, Yelets, Efremov]. Moscow: Nauka, 1977. 359 p. (In Russ.).
4. Beznin M. A. Krest'ianskii dvor v Rossiiskom Nechernozem'e 1950–1965 gg. [Peasant household in the Russian Non-Black Earth region 1950–1965]: ucheb. posobie. Vologda: Pedinstitut, 1991. 256 p. (In Russ.).
5. Belen'kii V. R. Rossiiskaia derevnia: iz proshlogo v budushchee [Russian village: from the past to the future]. Moscow: O-vo «Znanie» RSFSR, 1991. 53 p. (In Russ.).
6. Bondarenko L. V. Rossiiskoe selo v epokhu peremen: zaniatost', dokhody, infrastruktura [Russian village in an era of change: employment, income, infrastructure]. Moscow: VNIIESKh, 2003. 509 p. (In Russ.).
7. Budina O. R., Shmeleva M. P. Znachenie goroda v integratsii bytovoi kul'tury (po materialam russkogo goroda 1970–1980 gg.) [The value of the city in the integration of everyday culture. (According to the materials of the Russian city of 1970–1980)] // *Sovetskaia etnografiia*. 1991. № 4. P. 17–27. (In Russ.).
8. Budina O. R., Shmeleva M. N. Traditsiia v kul'turno-bytovom razvitii sovremenno goroda [Tradition in the cultural and community development of a modern city] // *Sovetskaia etnografiia*. 1982. № 6. P. 27–39. (In Russ.).
9. Bulygina T. A. Obshchestvennye nauki v SSSR v seredine piatidesiatykh – pervoi polovine vos'midesiatykh godov [Social sciences in the USSR in the mid-fifties – the first half of the eighties]: dis. ... d-ra ist. nauk. Stavropol', 2001. 486 p. (In Russ.).
10. Voslenskii M. Nomenklatura: Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuza [The ruling class of the Soviet Union]. Moscow: MP «Oktiabr'»; Sovetskaia Rossiia, 1991. 624 p. (In Russ.).
11. Denisov B. P., Sakevich V. I. Ocherk istorii kontroliia rozhdaemosti v Rossii: bluzhdaiushchaia demograficheskaia politika [Essay on the history of birth control in Russia: a wandering population policy] // *Razvitie naseleniia i demograficheskaia politika: pamiati A. Ia. Kvashi*. Moscow: MAKS Press, 2014. P. 165–186. (Demograficheskie issledovaniia / Moskovskii gos. un-t im. M. V. Lomonosova, Ekonomicheskii fak., Tsentr po izucheniiu problem narodonaseleniia; vyp. 23). (In Russ.).
12. Druzhilov S. A. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy universitetskoi intelligentsii vo vremena reform: vzgliad prepodavatel'ia. [Elektronnoe izdanie]. [Socio-psychological problems of the university intelligentsia during the reforms: a teacher's view]. Montreal: Accent Graphics Communications; T/O “Neformat”, 2015. 241 p. (In Russ.).
13. Kapustina O. V. Kolkhoznye pensii v sisteme gosudarstvennogo pensionnogo obespecheniia Sovetskogo Soiuza (vtoraia polovina 1960-kh – 1980- e gg.) [Kolkhoz pension in public pension system of the Soviet Union (second half of 1960–1980)] // *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2010. Vol. 4. History. № 1. P. 186–195. (In Russ.).
14. Karpunina I. B., Melent'eva A. P. Politika likvidatsii «neperspektivnykh» dereven' i ee sotsial'no-demograficheskie posledstviia v Zapadnoi Sibiri (1960–1980-e gg.) [The policy of eliminating “unpromising” villages and its socio-demographic consequences in Western Siberia (1960–1980s)] // *Sibirskaia derevnia: problemy istorii: materialy Piatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sibirskaia derevnia: istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy*

razvitiia»: 75-letiiu so dnia rozhdeniia N. Ia. Gushchina posviashchaetsia / pod red. V. A. Lamina. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 2004. P. 171–185. (In Russ.).

15. Kogan D. M. Osobennosti byta sel'skogo naseleniia, rabotaiushchego v gorode [Features of the life of the rural population working in the city] // Sovetskaia etnografiia. 1975. № 6. P. 71–78. (In Russ.).

16. Kogan D. M. Sviazi gorodskogo i sel'skogo naseleniia kak odna iz problem etnografii goroda [Ties between urban and rural populations as one of the problems of urban ethnography] // Sovetskaia etnografiia. 1967. № 4. P. 40–50. (In Russ.).

17. Kornai Ia. Defitsit [Deficiency]: [per. s veng.]. Moscow: Nauka, 1990. 607 p. (In Russ.).

18. Krupianskaia V. Iu., Budina O. R., Polishchuk N. S., Iukhneva N. V. Kul'tura i byt gornikov i metallurgov Nizhnego Tagila (1917–1970) [Culture and life of miners and metallurgists of Nizhny Tagil (1917–1970)]. Moscow: Nauka, 1974. 318 p. (In Russ.).

19. Mazur L. N. Politika rekonstruktsii rossiiskoi derevni (konets 1950-kh – 1980-e gg.) [The policy of reconstruction of the Russian countryside (late 1950s – 1980s)] // Otechestvennaia istoriia. 2005. № 3. P. 25–37. (In Russ.).

20. Mazur L. N. Rossiiskaia derevnia v usloviakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraia polovina XIX – XX v.) [Russian village in the conditions of urbanization: regional dimension (second half of the XIXth – XXth centuries)]/ Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. 2012. 471 p. (In Russ.).

21. Maliutin M. Neformaly v perestroike: opyt i perspektivy [Informals in Perestroika: Experience and Perspectives] // Inogo ne dano: sud'by perestroiki, vgliadyvaias' v proshloe, vozvraschenie k budushchemu / pod obshch. red. Iu. N. Afanas'eva; [red.-sost. A. A. Protashchik]. Moscow: Progress, 1988. P. 210–227. (In Russ.).

22. Motrevich V. P. Istoricheskaia demografiia [Historical demographics]: uchebnoe posobie. 2-e izd., dop. i pererab. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2020. 264 p. (In Russ.).

23. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki [Population of Russia in the XX century: Historical essays]: v 3 t. T. 3. Kn. 1: 1960–1979. Moscow: ROSSPEN, 2005. 304 p. (In Russ.).

24. Popov V. P. Paspornaia sistema v SSSR (1932–1976 gg.) [Passport system in the USSR (1932–1976)] // Sotsiologicheskie issledovaniia. 1995. № 8. P. 3–14. (In Russ.).

25. Razzakov F. I. Bandity semidesiatykh. 1970–1979 [Gangsters of the seventies. 1970–1979]. Moscow: Eksmo, 2008. 672 p. (In Russ.).

26. Tiurina A. P. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sovetskoi derevni. 1965–1980 [Socio-economic development of the Soviet countryside. 1965–1980]. Moscow: Mysl', 1982. 208 p. (In Russ.).

27. Shchepanskaia T. B. Protsessy ritualizatsii v molodezhnoi subkul'ture [Processes of ritualization in youth subculture] // Sovetskaia etnografiia. 1988. № 5. P. 14–26. (In Russ.).

28. Efir na fone epokhi: ocherki istorii Leningradskogo – Peterburgskogo radio i televideniia [Ether against the background of the epoch: essays on the history of the Leningrad – Petersburg radio and television]: monografiia / S. Iu. Agapitova i dr.; pod obshch. red. S. N. Il'chenko, V. G. Osinskogo, Iu. V. Kliueva. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gos. un-t; Vysshiaia shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii, 2013. 320 p. (In Russ.).

29. Iusupova A. N. Mediko-sotsial'nyi i psikhologicheskii portret zhenshchin, preryvaiushchikh beremennost' iskusstvennym abortom [Medical-social and psychological portrait of women who terminate pregnancy by induced abortion]. Moscow: TsNIIOIZ, 2000. 20 p. (In Russ.).

УДК 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.10

Почекаев Роман Юлианович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, доцент
Высшая школа экономики
Санкт-Петербург, Россия
rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

ХИВИНСКИЙ ФАКТОР РОССИЙСКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII–XIX ВВ. ЧАСТЬ 2: КАЗАХСКИЕ ХАНЫ — ВАССАЛЫ ХИВЫ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу статуса казахских ханов, находившихся под сюзеренитетом Хивинского ханства в конце 1810-х – начале 1870-х гг. Выявляются причины принятия казахскими султанами подданства хивинских правителей, особенности их взаимоотношений, позиция российской имперской пограничной администрации в отношении этих ханов, их действий и их поддержки Хивой. Автор приходит к выводу, что претенденты на титул ханов Младшего жуза являлись лишь орудием влияния Хивинского ханства на отношения с Российской империей, причем не всегда надежным, что и приводило к неоднократным смещениям и даже устранением казахских вассалов Хивы.

Ключевые слова: Российская империя, Хивинское ханство, Казахская степь, Младший жуз, международные отношения в Центральной Азии XIX в., вассальные отношения.

¹ Первую часть см.: *Почекаев Р. Ю.* Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4. С. 103–120.

UDC 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.10

Почекаев Роман Ю.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russia
rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

THE KHIVAN FACTOR OF RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS IN XVIIITH–XIXTH. PART II: KAZAKH KHANS AS VASSALS OF KHIVA

Abstract. The article is an analysis of status of Kazakh khans under sovereignty of the Khanate of Khiva in 1810s – 1870s. There is an attempt to clarify reasons of taking by Kazakh sultans of the subjection of Khiva rulers, specific features of their relations, position of the Russian imperial frontier authorities towards such khans, their activities and their support by Khiva. Author finds that pretenders for khan's title in the Junior Jhuz were no more than an instrument of influence of the Khanate of Khiva on the relations with the Russian Empire, moreover, untrustworthy instrument, and that reflected in often removals and even eliminations of Kazakh vassals of Khiva.

Keywords: Russian Empire, Kazakh Steppe, Junior Jhuz, Khanate of Khiva, international relations in the Central Asia of the XIX .

Введение. Статья является продолжением исследования о казахских ханах на троне Хивинского ханства в XVIII в.² Правда, в следующем столетии роли представителей казахской и хивинской элиты диаметрально образом поменялись: теперь уже не казахские ханы и султаны правили хивинской знатью, а ханы Хивы из узбекской династии Кунграатов, уступавшей казахским потомкам Чингисхана в знатности, стали сюзеренами правителей Казахской степи.

В исследовательской литературе имеются сравнительно краткие упоминания об этих ханах и их деятельности; как правило, историки уделяют внимание конкретным личностям³. Однако, насколько нам известно, до сих пор не предпринималось попыток охарактеризовать статус казахских ханов под властью Хивы в целом, особенности их взаимоотношений со своими сюзеренами, с российскими властями и между собой. Автор статьи кратко затрагивал эти вопросы в своих предыдущих публикациях⁴, продолжением которых является настоящее исследование.

² См.: *Почекаев Р. Ю.* Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4. С. 103–120.

³ См., напр.: *Ерофеева И. В.* Символы казахской государственности: Позднее средневековье и Новое время. Алматы, 2001. С. 136–145; *Избасарова Г. Б.* Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. Поиск патрона: Хивинское ханство или Российская империя? (на примере судьбы султана Каипгали Ишимова) // Былые годы. 2020. Т. 58. № 4. С. 2385–2395.

⁴ *Почекаев Р. Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. С. 167–168; 217–218, 223–224; *Его же.* Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Турко-монгольский мир XIII – начала XX в. М., 2017. С. 195–196.

Ход и результаты исследования. Пожалуй, первым казахским вассалом Хивинского ханства стал Ширгази Каипулы (1817/1818–1819), потомок непризнанных российской администрацией ханов Младшего жуза Батыра (1748–1771) и Каипа (1786–1791). Поначалу он поддерживал претензии на ханский трон своего племянника Арингази (1816–1821), которые также не были признаны российскими властями, однако около 1818 г. при невыясненных обстоятельствах⁵ вступил с ним в конфликт и перекочевал со своими немногочисленными сторонниками в хивинские владения, где был признан в ханском достоинстве со стороны правителя Хивы — Мухаммада Рахима-хана I (1806–1825) из династии Кунгратов (Инаков)⁶.

Начиная с этого времени хивинские ханы стали регулярно практиковать поддержку ханских претензий казахских Чингизидов, признавая их правителями тех казахов, которые проживали в их владениях. Ширгази Каипулы положил начало целой династии таких ханов: после его смерти ханами хивинских казахов провозглашались его старший сын Джангази (Маненбай, 1819–1853), его сын Алла-Назар (1853–1859, 1861), его дядя Султангази Ширгазиев (1859–1861)⁷.

Причина признания Ширгази и его потомством сюзеренитета Хивы представляется очевидной: они принадлежали к той ветви казахских Чингизидов, которые изначально не имели шансов на то, чтобы получить признание в качестве ханов Младшего жуза, так как по договоренности с Абулхаиром российская имперская администрация обязалась поддерживать претензии на ханский трон только его прямых потомков, а Ширгази принадлежал к другой ветви казахского ханского рода. Соответственно, его перекочевка в Хиву и признание власти Кунгратов давали ему шанс добиться ханского достоинства хотя бы над сравнительно небольшим количеством казахов, проживавших в пределах Хивинского ханства. Вместе с тем какова была выгода самих правителей Хивы от появления у них вассальных казахских правителей?

Первая из выгод, как представляется, могла иметь идеологический характер, поскольку, как уже упоминалось, представители хивинской династии Кунгратов уступали потомкам Чингисхана в знатности и признании их власти казахскими Чингизидами способствовало легитимации их власти в глазах собственных подданных, а также других правителей тюрко-монгольского мира. Подтверждением такого предположения является регулярная практика заключения браков хивинских ханов с дочерьми своих казахских вассалов⁸. В результате таких браков хивинские Кунграты

⁵ Российский офицер-переводчик М.-Ш. Аитов, встречаясь в 1841 г. в Хиве с Джангази, сыном Ширгази, упомянул в разговоре с ним, что его отец «только сделавшись преступником, постыдно бежал из Оренбурга от бесчестия и наказания» (см.: *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. 1862. № 9. С. 77). Однако, в чем заключалось это «преступление», неизвестно.

⁶ *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 136; *Темиргалiev П. Д.* Казахи и Россия. М., 2013. С. 190. И. В. Ерофеева полагает, что уже ханы Болекей (1780–1808) и его сын Касым (1809–1827) являлись подданными хивинских ханов, см.: *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 144. Однако, насколько нам известно, источники не сообщают об их зависимости от Хивы, поэтому они, вероятно, являлись просто провозглашенными, но не признанными российской администрацией ханами в подвластных им родоплеменных подразделениях Младшего жуза.

⁷ О слухах и событиях в Средней Азии. Т. 1. 20 апреля 1853 г. – 31 июля 1862 г.: сб. документов / сост. Б. Т. Жанаев. Караганда, 2016. С. 107.

⁸ См.: *Генс Г. Ф.* Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. / пред., подгот. публ. И. В. Ерофеевой // История Казахстана в документах

становились ханскими зятьями (гурганам), а их дети от таких браков являлись уже потомками Чингисхана — хотя бы и по женской линии.

Вторая выгода носила гораздо более прагматический характер: хивинским ханам необходимо было упорядочить систему управления казахами, которые проживали в их владениях. Дело в том, что в силу ряда причин российские и хивинские власти допускали свободную перекочевку пограничного населения Младшего жуза с территории Российской империи во владения Хивинского ханства и обратно. Со временем эта практика даже была закреплена в нормативном порядке: в 1856 г. в специальную инструкцию по управлению пограничной Сырдарьинской линией, утвержденной лично императором Александром II, было включено положение, подтверждавшее право «прилинейных киргизов» свободно пересекать границу и даже оставаться на постоянное жительство в Хивинском ханстве, а российские власти не должны были требовать от Хивы их выдачи, за исключением случаев, когда перекочевывавшие казахи обвинялись в преступлениях⁹.

Неудивительно, что на территории ханства появилось довольно много казахов, недовольных российской административной политикой в Младшем жузе. Однако, как правило, это были небольшие группы представителей разных родов и племен (поколений), не всегда дружно уживавшихся между собой. Хивинские ханы пытались расселить их среди других своих кочевых подданных — каракалпаков — и даже подчинить управлению каракалпакских же биев¹⁰, однако эта система по вполне понятным причинам оказалась неэффективной.

Именно поэтому и было принято решение поставить над казахскими подданными Хивы их «природных ханов». Решение было весьма удачным: согласно степным политическим традициям, казахские потомки Чингисхана не принадлежали ни к одному родоплеменному подразделению¹¹ и, соответственно, их власть готовы были признавать все представители многочисленных родов и племен, нашедшие прибежище в хивинских владениях и не желавшие признавать властные претензии ни каракалпакских биев, ни кого-либо из собственных старшин, в ущерб таким же предводителям других родовых подразделений. Российские чиновники, собиравшие информацию о казахских ставленниках Хивы, неоднократно подчеркивали, что последние управляли именно разными родоплеменными подразделениями киргизов.

Таким образом, в конце 1810-х гг. у ханов Хивы появляются собственные вассалы-Чингизиды, под власть которых были переданы хивинские казахи. Каков был статус этих вассалов?

Прежде всего, они приобретали ханское достоинство на основе ярлыка (фирмана) хивинского правителя. В соответствии с тюрко-монгольскими традициями новый

и материалах / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Вып. 1. Алматы, 2011. С. 84; Ерофеева И. В. Указ. соч. С. 136, 143; *Избасарова Г. Б.* Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. С. 2391–2392.

⁹ См.: *Васильев Д. В.* Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2020. С. 502.

¹⁰ *Данилевский Г. И.* Описание Хивинского ханства // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 5. СПб., 1851. С. 95; *Ниязатов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 110–111.

¹¹ *Султанов Т. И.* Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы, 2011. С. 124.

фирман выдавался хивинским ханом в случае смерти казахского вассала его преемнику, а если умирал сам властитель Хивы, то его наследник на троне выдавал казахскому вассальному правителю подтверждающий ярлык.

В вассальные обязанности казахских Чингизидов входило управление казахами, проживавшими на территории Хивинского ханства, поддержание среди них порядка, улаживание споров и разногласий, а также сбор налогов в пользу хивинской казны. Вассальные правители должны были также участвовать со своими подданными в военных предприятиях хивинских ханов.

Однако Кунграты были заинтересованы отнюдь не во власти вассалов-чингизидов над сравнительно немногочисленными казахами, проживавшими в хивинских пределах. В гораздо большей степени они делали ставку на связи этих казахских ханов с Младшим жузом, на территории которого продолжали проживать их многочисленные родичи, а также роды и племена, которые из поколения в поколение признавали власть семейств, к которым принадлежали ханы — вассалы Хивы. Поскольку и в XIX в. спор между Россией и Хивой о власти над Младшим жузом не был улажен, вассалы-чингизиды становились весьма сильным козырем хивинских ханов в их претензиях на контроль над казахами Младшего жуза. Таким образом, главной обязанностью казахских ханов, признававшихся хивинскими властями, являлось всемерное содействие переходу населения Младшего жуза под контроль Хивы.

Достигать этого им предлагалось разными способами: прямой агитацией в пользу хивинских Кунгратов в родоплеменных подразделениях, подконтрольных российской пограничной администрации; сбором с этих подразделений закята в пользу Хивы; призывами к перекочевке в хивинские пределы. Если же эти методы не приводили к успеху, оставалась крайняя мера — вооруженные набеги на пророссийски настроенные роды и племена. Все эти средства в полной мере были использованы казахскими ставленниками Хивы¹², что, конечно, никоим образом не способствовало нормализации русско-хивинских и казахско-хивинских отношений.

А что получали сами вассальные казахские ханы от Хивы, кроме призрачной ханской власти над небольшим количеством подданных? Пожалуй, главной выгодой стало предоставление им хивинскими властителями права собирать торговые пошлины на территории, где проживали подвластные им казахи. В зависимости от того, чей это был караван, такой хан-вассал мог довольствоваться обычной пошлиной (2,5 %), двойной (десятина), либо же вообще подвергнуть караван разграблению. Единственным условием, при котором хивинские ханы закрывали глаза на подобные действия своих вассалов, являлось выделение значительной доли добычи самому правителю Хивы¹³.

Впрочем, даже эта привилегия казахских вассалов Хивы имела определенные ограничения. Так, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс писал, что хан Джангази «уполномочен собирать дань с проходящих караванов,

¹² См.: Байхожаев А. Судьба правителей двух родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова) // Поиск. Серия гуманитарных наук. 1999. № 2. С. 53; Генс Г. Ф. Указ. соч. С. 84; Добросмыслов А. И. Тургайская область (Исторический очерк) // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 283.

¹³ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / отв. ред. Н. А. Халфин; вступ. ст. и коммент. В. Г. Воловникова и Н. А. Халфина. М., 1983. С. 30.

если на ту пору не случится хивинских закятчиев»¹⁴. Хивинские же сборщики налогов участвовали и в попытках ханов-вассалов собирать закят с населения Младшего жуза в пользу Хивы, постоянно злоупотребляя своими полномочиями и фактически грабя казахов¹⁵. Таким образом, при возникновении противоречий между казахскими вассальными ханами и хивинскими чиновниками у последних было больше возможностей разрешить таковые в свою пользу. Неслучайно один из ханов-вассалов, Иликей Касымов (Ермухаммад Касымулы, 1844/1845–1852), даже принял участие в придворном заговоре с целью смещения главного хивинского сборщика-закятчи Ходжа-Нияз-бия, но заговор кончился провалом и пострадал сам же хан¹⁶.

Кроме того, нельзя не обратить внимания, что сообщение русского военного и дипломата Г. И. Данилевского о том, что казахи Хивинского ханства были подвластны каракалпакским биям, относится ко времени посещения им Хивы, т. е., к 1842 г.¹⁷ Следовательно, даже в это время ханы-вассалы не обладали всей полнотой власти над всеми казахами, проживавшими в хивинских пределах. Несомненно, хивинские Кунграты не доверяли своим казахским вассалам и совершенно не собирались передавать им полный контроль над достаточно активными и воинственными представителями казахских родов и племен в своих владениях. И, надо сказать, у них были на это определенные основания.

Так, хан Алла-Назар, представитель уже третьего (!) поколения казахских вассалов Хивы, в середине 1850-х гг. вступил в переговоры с заведующим присырдарьинскими казахами И. Я. Осмоловским о переходе с подвластными ему людьми в российское подданство. Причиной тому послужило то, что после смерти в 1853 г. его отца Джангази Ширгазиулы его собственные дядя — Умаргази и Султангази — не признали назначения ханом своего племянника и сами стали бороться за ханский титул, а хивинский хан Мухаммад-Амин II (1846–1855) не выказал однозначной поддержки именно Алла-Назару. В результате сначала, в 1854 г., последний прислал представителю российских властей — сотнику Бикмурзе Алдееву — «ножик с вызолоченными ножнами, атрибут ханского достоинства в знак того, что он отказывается от этого звания и желает вступить в подданство России», а в 1856 г. лично прибыл к И. Я. Осмоловскому для переговоров. Только после этого хивинский хан официально утвердил Алла-Назара в качестве «хана западных казахов»¹⁸.

Как видим, хивинские ханы старались ограничивать властные полномочия своих казахских вассалов не только путем вмешательства хивинских чиновников в их дела, но и поддерживая разлад в самом ханском семействе.

Тем не менее даже тот факт, что можно было выбирать кандидатов в ханы только из одного рода, по-видимому, беспокоил Кунгратов. Неслучайно уже с 1820-х гг. они начинают поиск альтернативных кандидатов в вассальные правители подвластных им казахов.

В 1824 г. оренбургский военный губернатор П. К. Эссен провел в Младшем жузе реформу управления, результатом которой стало официальное упразднение в нем

¹⁴ Генс Г. Ф. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ См., напр.: Байхожаев А. Указ. соч. С. 54.

¹⁶ Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове // История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Алматы, 2007. С. 302–303.

¹⁷ Данилевский Г. И. Указ. соч. С. 134.

¹⁸ О слухах и событиях в Средней Азии. С. 107, 197–198.

ханской власти. Ширгази Айшуаков, последний хан из рода Абулхаира, признававшийся российскими властями (1812–1824) должен был стать «первоприсутствующим» в Оренбургской пограничной комиссии на жаловании¹⁹. Будучи недоволен реформой, в 1825 г. Ширгази бежал под покровительство хивинского хана, и в 1827 г. был провозглашен несколькими родоплеменными подразделениями хивинских казахов своим ханом, а затем утвержден фирманом хивинского хана Алла-Кули (1825–1842). Так появился первый хивинский ставленник-вассал, не связанный с родом Ширгази Каипулы²⁰.

По замыслу Алла-Кули новый хан, благодаря своему прежнему правлению в Младшем жузе, должен был сохранить влияние над прежними подданными и, соответственно, обеспечить их переход под власть Хивы. В течение нескольких лет Ширгази старался склонить на свою сторону казахов Младшего жуза, но не преуспел, поскольку и в прежние времена не пользовался среди них влиянием²¹. К 1830 г. Алла-Кули (к этому времени женатый на дочери казахского хана) практически перестал поддерживать свою новую креатуру, и Ширгази обратился к российским властям за позволением вернуться в пределы империи, каковое и было дано. Больше на ханский титул он не претендовал до самой смерти в 1845 г.²²

Прецедент с назначением «альтернативного» хана тем не менее показался хивинским властям удачным способом контроля над своими казахскими вассалами, и эта практика была продолжена. В 1837 г. тот же хан Алла-Кули своими фирманами утвердил сразу двух ханов из рода Абулхаира — Каипгали Ишимова (1830–1850) и Саукыма Болекеева (1837–1844). После смерти последнего, в 1845 г., хивинский хан Рахим-Кули (1842–1846) назначил на его месте его племянника — вышеупомянутого Иликея Касымова²³. Отметим, что все эти назначения происходили при наличии законного хана всех западных казахов — Джангази Ширгазиева!

Не приходится удивляться, что эти ставленники хивинских ханов совершенно не переносили друг друга, что порой создавало проблемы и самим их сюзеренам. Так, когда в 1847 г. хивинские власти отправили войска в набег на пограничные российские владения (в отместку за возведение Раимского укрепления на Сырдарье), разногласия между командовавшими ими Джангази Ширгазиевым и Иликеем Касимовым стали одной из причин поражения хивинцев²⁴. Когда в 1841 г. в Хиву прибыло российское посольство во главе с капитаном П. Никифоровым, при обсуждении привезенного им мирного договора хан Каипгали Ишимов выступал за принятие русских условий, а тот же Джангази Ширгазиев против, чтобы не соглашаться с конкурентом²⁵.

¹⁹ *Избасарова Г. Б.* Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 105.

²⁰ *Добросмыслов А. И.* Указ. соч. С. 282; *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 133.

²¹ Неслучайно даже российские власти назначили ему хана-соправителя — его двоюродного брата Букея (1812–1815), а казахи отдельных родоплеменных подразделений в противовес российскому ставленнику выбирали собственных ханов, в частности вышеупомянутых Касыма и Арингази.

²² Исследователи, впрочем, обращали внимание, что подчиненные ему казахи продолжали «по инерции» титуловать его ханом, см., напр.: *Добросмыслов А. И.* Указ. соч. С. 293.

²³ *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 141, 144–145; О слухах и событиях в Средней Азии. С. 648–649; *Темиргалиев Р. Д.* Указ. соч. С. 221.

²⁴ *Аничков И. В.* Киргизский герой Джанходжа Нурмухаммедов: (очерк из первых шагов русских на Сыр-Дарье). Казань, 1894. С. 5–6.

²⁵ *Залесов Н.* Указ. соч. С. 78.

Впрочем, не только воля хивинских ханов, основанная на их недоверии к вассальным Чингизидам, была причиной этих одновременных назначений. Несмотря на традиционный авторитет потомков Чингисхана в Казахской степи, те или иные родоплеменные подразделения могли не признавать конкретных претендентов на ханскую власть. Например, когда Алла-Кули вознамерился возвести в ханы над несколькими родами Каипгали, бий рода шекты Отарали Чарынчугаев заявил, что «султан Каип-Гали Ишимов как беглец не достоин занимать сию должность, тем более что сам он, кочуя с киргизами, занимающимися обычно хищничеством, потворствует им в том, а потому ни повиновения, ни почтения к таковому правителю киргизы оказывать не будут»²⁶. Вероятно, именно поэтому был выдвинут в ханы его родственник Саукым²⁷. Неудивительно, что представители разных казахских родов и племен, номинально или фактически подчинявшихся разным ставленникам хивинских монархов, постоянно враждовали между собой, а также с другими кочевыми подданными Хивы (туркменами, каракалпаками), совершая грабительские набеги друг на друга и порой даже доводя дело до открытых военных столкновений²⁸.

Зависимость казахских ханов от правителей Хивы проявлялась не только в том, что они утверждались их фирманами: назначенный хивинским ханом вассал-Чингизид в любой момент мог лишиться ханского достоинства, свободы и даже жизни — благо сами же казахские ханы давали для этого немало поводов.

Так, в Казахской степи распространялись слухи, что уже первый ставленник хивинского хана во главе всех западных казахов Ширгази Каипов мог быть отравлен по тайному указанию из Хивы²⁹. Его тезка Ширгази Айшуаков в 1830 г., по-видимому, был также лишен ханского титула фирманом хивинского правителя после того, как вернулся в российские владения.

В 1849 г. хан Иликей был арестован по подозрению в сношениях с Бухарским эмиратом и заключен в тюрьму, откуда смог сбежать только в начале 1852 г.³⁰ Около 1850 г. его родственник Каипгали Ишимов был лишен ханского титула за то, что не оправдал надежд хивинских властей на переход в их подданство казахов Младшего жуза, и, лишившись должности и доходов, жил в Хиве в бедности до самой смерти в 1857 г.

Трагически закончилось правление и представителей «первой династии» казахских вассалов Хивы. В 1859 г. Алла-Назар Джангазиев лишился ханского титула из-за того, что не смог пресечь постоянные конфликты между его подданными и другими казахскими объединениями³¹. На смену ему пришел его дядя Султангази, уже много лет «подсидивавший» племянника, который, однако, не только не сумел решить эту проблему, но и сам

²⁶ Цит. по: *Избасарова Г. Б.* Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. С. 2391.

²⁷ В ряде случаев хивинские ханы своими ярлыками передавали власть над тем или иным казахским родоплеменным объединением непосредственно их родовым правителям — биям, — которые таким образом подчинялись напрямую Хиве, а не ханам-вассалам (см., напр.: *Ижанов З.* Мангышлак 1847–1920 гг.: сб. архивных документов. 2-е изд. / сост. Д. Ижанова. Алматы, 2016. С. 19–20).

²⁸ См.: О слухах и событиях в Средней Азии. С. 424, 537, 573 и др.

²⁹ *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 136.

³⁰ Записка младшего переводчика... С. 304.

³¹ Причиной его смещения также могли стать и вышеупомянутые переговоры с имперскими пограничными властями о возможности перехода в российское подданство, а также факт его избрания, хотя и на короткое время, ханом каракалпаков во время их возмущения против хивинских властей в 1859 г. (см.: О слухах и событиях в Средней Азии. С. 421).

активно участвовал в межплеменных столкновениях и набегах. За это хивинский хан Сейид-Мухаммад (1856–1864) «вытребовал к себе хана Султана в Хиву и, оставаясь недовольным за таковые его поступки, приказал своему кошбегию дать ему для отравления яд, что и было исполнено. Султан от этого яда помер, и при нем бывшие 8 человек киргизов тоже померли». Алла-Назар, узнав о смерти дяди, подкупил нескольких хивинских придворных сановников и, заручившись их поддержкой, вновь обратился к хивинскому правителю, чтобы тот вернул ему ханский титул. Однако представитель Кунгратской династии остался верен политике своих предшественников: не отказав прямо, он тем не менее не издал соответствующего ярлыка-фирмана. Напротив, он постарался разделиться с племянником так же, как и с дядей: по сведениям войскового старшины Карамышева, полученных от информаторов из Хивы, «Султан Назар, который после смерти Султана хотя был у хана Сеид-Мухамеда получить должность ханства над даукаринцами, но хан не согласился, и будто бы и ему дан яд, отчего в настоящее время болен»³².

Неопределенность судеб казахских вассалов Хивы неоднократно заставляла последних задумываться о том, чтобы сменить покровителя. Вышеприведенные примеры с обращением Ширгази Айшуакова и Алла-Назара к российским властям не единственные: точно так же обращались к имперской администрации и другие ханы, чем активно пользовались пограничные власти.

Весьма показателен случай с российским офицером и дипломатом М.- Ш. Аитовым, который в составе посольства П. Никифорова прибыл в Хиву, где должен был остаться в качестве постоянного дипломатического представителя — агента. Он сумел организовать встречу с предводителями хивинских казахов, среди которых были и два хана-конкурента — Джангази и Каипгали, — к которым он обращался с предложением вернуться в российское подданство. При этом он использовал не только аргумент об их прежнем проживании в российских владениях, но и тот факт, что... их предки в XVIII в. сами правили Хивой, а теперь их потомки позволяют Кунгратам распоряжаться собой!³³ Вполне объяснимо, что хивинские власти старались по возможности либо предотвращать такие встречи своих вассалов с представителями российских властей, либо организовывать их под собственным жестким контролем³⁴.

Впрочем, как раз Джангази и Каипгали, как уже было сказано, окончили свои дни в хивинских владениях (как, по всей видимости, и Алла-Назар). Зато несколько других правителей всех западных казахов воспользовались возможностью, которую им предоставляла российская администрация. Так, хан Иликей Касымов не только сам бежал из Хивы в Россию и сумел поступить на имперскую службу, но и его семейство (которое хивинские власти взяли в заложники, требуя, чтобы беглец вернулся) впоследствии было выкуплено по распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского³⁵. Той же дорогой пошли и несколько других последних ставленников хивинских ханов во главе присырдарьинских казахов.

³² О слухах и событиях в Средней Азии. С. 573, 578.

³³ Залесов Н. Указ. соч. С. 76–77; Терентьев М. И. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. С. 187–188.

³⁴ Записки о Бухарском ханстве. С. 30.

³⁵ Документы о взаимоотношениях казахов с сопредельными государствами и народами в XVIII – первой половине XIX века / подгот. публ. И. В. Ерофеевой, Б. Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 3. Караганда, 2013. С. 69–70, 81–82; Терентьев М. И. Указ. соч. С. 195.

Надо сказать, что после того как «первая династия» казахских вассалов-чингизидов в начале 1860-х гг. фактически прекратила свое существование, хивинские ханы, по-видимому, решили отказаться от практики назначения новых ханов. И лишь очередной виток обострения отношений с Российской империей на рубеже 1860–1870-х гг. привел к временной «реанимации» этого института. Однако, как представляется, назначение новых ханов-вассалов носило не столько стратегический, сколько ситуативный характер: на это указывает довольно неожиданный подбор кандидатов.

Первым из них стал султан Садык — сын знаменитого Кенесары (1836–1847), который в историографии считается последним ханом, признававшимся казахами всех жузов. Однако российские власти считали его мятежником и узурпатором. Садык прожил весьма бурную жизнь, участвуя в политических событиях самых разных государств Центральной Азии — от Восточного Туркестана до Хивинского ханства. После службы правителям Коканда и Бухары, около 1869 г., он прибыл к Кунгратам и, согласно его же воспоминаниям, хивинский хан Мухаммад-Рахим II (1864–1910) сделал его «начальником над подчиненными ему кочевниками, киргизами и каракалпаками», и он четыре года провел в ханстве, «начальствуя над всеми киргизами Хивинского ханства»³⁶. Отметим, впрочем, два нюанса: во-первых, Садык вообще не имел отношения к Младшему жузу, являясь членом семейства ханов Среднего жуза; во-вторых, даже сам он не утверждал, что был возведен в ханское достоинство.

Причиной тому стало появление в Хиве примерно в то же время представителя ханской династии Младшего жуза — Хангали Арсланова, — который, по-видимому, и стал последним ставленником хивинских властей в качестве хана западных казахов (1869–1871). Выбор представителя правящего рода, близкого хивинским казахам, безусловно, выглядел более обоснованным. Любопытно отметить обстоятельства появления султана Хангали в Хиве. Он принадлежал к роду Абулхайра, его дед Джанторе, брат Ширгази Айшуакова, был ханом Младшего жуза (1805–1809), а отец, Арслан Джантюрин, — султаном-правителем средней части этого жуза (1841–1855) после ликвидации ханской власти. Сам Хангали с юных лет находился на имперской службе и характеризовался как «молодой человек, обещающий быть со временем весьма полезным орудием правительства»³⁷. Уже в 1857 г., в 23-летнем возрасте, он стал помощником султана-правителя средней части Младшего жуза Мухамеджана Баймухамедова (1855–1869), но вследствие его интриг отстранен от службы. После реформы 1868 г., в ходе которой были отменены султанские должности, а Казахская степь разделена на волости, Хангали принял участие в выборах волостных депутатов, в результате чего против него началось следствие по обвинению в выдвигании на должности своих родственников. Не дожидаясь результатов следствия, он бежал в Хиву.

Вероятно, хивинский хан был готов в противостоянии с русскими использовать любые возможности, поэтому при назначении хана-вассала его не смутила даже прежняя служба кандидата Российской империи. Желая прочно привязать к себе перебежчика, Мухаммад-Рахим II, как сообщает хивинский историк Агахи, «оказал милость,

³⁶ *Кенесарин А.* Султаны Кенесара и Садык / прим. Е. Т. Смирнова. Ташкент, 1889. С. 66.

³⁷ История Казахстана в русских источниках. Т. VIII. Ч. 2: О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. Алматы, 2006. С. 263.

отвел участок земли и назначил ему щедрое содержание»³⁸. Однако, по-видимому, доверия новый хан у хивинских властей так и не обрел: в 1871 г. он был смещен с должности и отправлен в город Ходжейли под надзор местного бия, где находился вплоть до похода туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана на Хиву в 1873 г. Узнав о приближении русских войск, он явился в Оренбургский отряд под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина и «принес самую существенную пользу отряду», после чего получил прощение за свое бегство в Хиву по личному распоряжению императора Александра II³⁹.

Что касается Садыка Кенесарина, которому хивинский хан так беспардонно предпочел беглеца из Младшего жуза, то он противостоял русским войскам вплоть до окончательной капитуляции Хивинского ханства: участники похода в своих записках не раз упоминали «известного степного разбойника Садыка», беспокоившего их набегами⁴⁰. Затем он вновь перебрался в Восточный Туркестан и лишь в конце 1877 г. сдался российским властям⁴¹. Таким образом, хронологически именно этот выходец из Среднего жуза стал последним правителем-вассалом казахов во владениях Хивинского ханства, хотя самого ханского титула, по-видимому, так и не получил.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, практика назначения казахских ханов-вассалов под сюзеренитетом Хивинского ханства была довольно длительной — более полувека — и позволяла решать проблемы как внутреннего (упорядочение отношений хивинско-подданных казахов), так и внешнего (набеги на российские границы, привлечение казахов Младшего жуза в хивинское подданство, взимание с них налогов и пр.) характера.

Во-вторых, сами хивинские ханы не доверяли своим ставленникам-чингизидам и старались ограничивать их власть путем противопоставления хивинским чиновникам либо назначения сразу нескольких ханов-вассалов. Кроме того, имели место случаи смещения и даже физического устранения казахских ханов.

В-третьих, деятельность ханов-вассалов оказалась далеко не столь эффективной, как надеялись хивинские сюзерены. Ни одному из ханов всех западных казахов не удалось привлечь на свою сторону значительное число населения Младшего жуза, напротив, их действия против прорусски ориентированных родоплеменных подразделений вызвали гнев последних и их консолидацию в противостоянии хивинским ставленникам⁴².

Последний вывод также наводит на мысль о том, что к середине XIX в. в Младшем жузе произошла значительная аккультурация местного населения, которое прежнему традиционному правлению и образу жизни с его межклановым соперничеством,

³⁸ Цит. по: *Бартольд В. В.* События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1963. С. 406–407. В этом сочинении Хангали Арсланов фигурирует под именем Хатим-тюри или Арслан-тюри.

³⁹ О слухах и событиях в Средней Азии. С. 679, 684–688.

⁴⁰ См., напр.: Описание действий туркестанского отряда в хивинскую экспедицию 1873 года / под ред. В. Н. Троицкого. Ташкент, 1882. С. 156.

⁴¹ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Султан Садык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 111–122.

⁴² См. также: *Мейер Л.* Киргизская степь оренбургского ведомства. СПб., 1865. С. 65; *Шоинбаев Т. Ж.* Восстание сыр-дарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856–1857 гг.). Алма-Ата, 1949. С. 32–33, 38.

грабительскими набегами и злоупотреблениями чиновничества предпочло более стабильное существование в составе Российской империи даже после утраты ряда традиционных институтов власти и управления (включая ханскую, а затем и султанскую власть). В этих условиях притягательность Хивинского ханства как последнего оплота «чингизидских» традиций⁴³ сохранялась лишь для небольшой части правящей элиты, представители которой любым способом стремились реализовать свои права на ханский трон. Тем не менее многие из них со временем утратили свои иллюзии и пошли на мировую с российской администрацией⁴⁴.

Литература

1. Байхожаев А. Судьба правителей двух родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова) // Поиск. Серия гуманитарных наук. 1999. № 2. С. 52–58.
2. Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1963. С. 400–413.
3. Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
4. Генс Г. Ф. Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. / пред., подгот. публ. И. В. Ерофеевой // История Казахстана в документах и материалах / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Вып. 1. Алматы: LEM, 2011. С. 72–95.
5. Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (Позднее средневековье и Новое время). Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.
6. Избасарова Г. Б. Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. Поиск патрона: Хивинское ханство или Российская империя? (На примере судьбы султана Каипгали Ишимова) // Былые годы. 2020. Т. 58. № 4. С. 2385–2395.
7. Избасарова Г. Б. Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 98–107.
8. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с.
9. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
10. Почекаев Р. Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 366 с.
11. Почекаев Р. Ю. Султан Садык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 111–122.
12. Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2021. № 4 (44). С. 103–120.
13. Султанов Т. И. Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы: Мектеп, 2011. 160 с.
14. Темиргалиев Р. Д. Казахи и Россия. М.: Международные отношения, 2013. 352 с.
15. Шоинбаев Т. Ж. Восстание сырдарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856–1857 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 106 с.

⁴³ См.: Избасарова Г. Б. Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. С. 2393. Ср.: Темиргалиев Р. Д. Указ. соч. С. 207.

⁴⁴ Примечательно, что ближайшие родственники и даже дети хивинских вассалов могли проживать в российских владениях, см., напр.: История Казахстана в русских источниках. С. 134–135.

References

1. Baykhozhaev A. Sud'ba pravitelei dvukh rodov v svete russko-khivinskoi politiki v 40–60 gg. XIX v. (k voprosu o gibeli Zhankhozhi Nurmukhammedova) [The fortune of to chiefs of clans in the light of Russian-Khivan policy of 1840s–1860s (On the death of Djankhoja Nurmukhamedov)] // Poisk. Seriiia gumanitarnykh nauk. 1999. № 2. P. 52–58. (In Russ.).
2. Bartol'd V. V. Sobytiia pered khivinskim pokhodom 1873 goda po rasskazu khivinskogo istorika [Developments before the Khivan raid of 1873 according to Khivan historian] // Sochineniia [Collected works]. Vol. II. Part 2. M.: Nauka, 1963. P. 400–413. (In Russ.).
3. Vasil'ev D. V. Rozhdenie imperii. Iugo-Vostok Rossii: XVIII – pervaiia polovina XIX v. [The birth of the empire. South-East of Russia: XVIIIth – first half of XIXth]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2020. 608 p. (In Russ.).
4. Gens G. F. Iz kratkogo istoricheskogo obozreniia upravleniia orenburgskimi kirgizami. 1844 g. [From the brief review of Orenburg Kyrgyz administration] / pred., podgot. publ. I. V. Erofeevoi // Istoriiia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh [History of Kazakhstan in the documents and materials] / otv. red. B. T. Zhanaev. Issue 1. Almaty: LEM, 2011. P. 72–95 (In Russ.).
5. Erofeeva I. V. Simvoly kazakhskoi gosudarstvennosti (Pozdnee srednevekov'e i Novoe vremia) [Symbols of the Kazakh statehood (Middle Ages and Modern Age)]. Almaty: Arkaim, 2001. 152 p. (In Russ.).
6. Izbasarova G. B. Legitimatitsiia vlasti v Kazakhskoi stepi v XIX veke. Poisk patrona: Khivinskoe khanstvo ili Rossiiskaia imperiia? (Na primere sud'by sultana Kaipgali Ishimova) [Legitimization of power in the Kazakh steppe in the XIX century. Search for the cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (By the example of the fate of sultan Kaipgali Ishimov)] // Bylye gody. 2020. T. 58. № 4. P. 2385–2395. (In Russ.).
7. Izbasarova G. B. Shergazy Aishuakov — poslednii khan Mladshego zhuza kazakhov [Shergazy Aishuakov — the last khan of the Junior Jhuz of Kazakhs] // Voprosy istorii. 2016. № 11. P. 98–107.
8. Niiazmatov M. Poisk konsensusa. Rossiisko-khivinskie geopoliticheskie otnosheniia v XVI – nachale XX v. [In search of consensus. Russian-Khivan geopolitical relations in XVIth – beginning of XXth]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010. 496 p. (In Russ.).
9. Pochekaev R. Iu. Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in the Central Asia: XVIIIth – beginning of XXth]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017. 384 p. (In Russ.).
10. Pochekaev R. Iu. Legitimatitsiia vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvakh Evrazii: Tiurko-mongol'skii mir XIII – nachala XX v. [Legitimacy of power, usurpers and impostors in the states of Eurasia: Turcic-Mongol world of the XIII – early XX century]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017. 366 p. (In Russ.).
11. Pochekaev R. Iu. Sultan Sadyk v bor'be sredneaziatskikh khanstv protiv Rossiiskoi imperii [Sultan Sadyk in the struggle of the Central Asian khanates against the Russian Empire] // Voprosy istorii. 2017. № 5. P. 111–122. (In Russ.).
12. Pochekaev R. Iu. Khivinskii faktor rossiisko-kazakhskikh otnoshenii v XVIII–XIX vv. Ch. 1: Kazakhskie khany na trone Khivy [The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in XVIIIth – XIXth. Pt. I: Kazakh khans on Khiva and the point of Russia] // MCU Journal of Historical Studies. 2021. № 4 (44). P. 103–120. (In Russ.).
13. Sultanov T. I. Rozhdenie kazakhskoi gosudarstvennosti. Istoriiia Kazakhskogo khanstva [The origin of Kazakh statehood. History of the Kazakh Khanate]. Almaty: Mektep, 2011. 160 p. (In Russ.).
14. Temirgaliev R. D. Kazakhi i Rossiia [Kazakhs and Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2013. 352 p. (In Russ.).
15. Shoinbaev T. Zh. Vosstanie syrdar'inskikh kazakhov pod rukovodstvom batyra Dzhanhozhi Nurmukhamedova (1856–1857 gg.) [Rebellion of Syrdarya Kazakhs headed by Djankhoja Nurmukhamedov (1856–1857 gg.)]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1949. 106 p. (In Russ.).

УДК 433.93. 930 (574)+94 «17-18»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.11

Удербаева Сауле Карибаевна

кандидат исторических наук

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Алматы, Республика Казахстан

ORCID: orcid.org/0000-0002-0322-964X; saule-uderbaeva@mail.ru;

ОЙРАТЫ В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Ойраты сыграли важную роль в истории Центральной Азии нового времени. В настоящее время многие аспекты истории ойратов, нуждающиеся в переосмыслении, становятся предметом изучения целого ряда современных исследователей. Возросший в последнее время интерес к истории ойратов в научной литературе актуализирует предмет исследования данной статьи. Целью данной статьи является рассмотрение современных научных концепций, представленных в новейших научных исследованиях, посвященных переосмыслению роли ойратов в истории Центральной Азии Нового времени, тенденций и трендов историографии, новых парадигм и подходов. Произведенный историографический обзор ключевых работ, посвященных истории казахско-российско-джунгаро-китайских взаимоотношений позволил сделать выводы о том, что в XXI веке история ойратов стала предметом пристального анализа международного исторического сообщества. Представленные в обзоре научные работы отличает новаторский подход, концептуальное переосмысление и изучение с новых методологических позиций роли ойратов как главных акторов в истории международных отношений в Центральной Азии Нового времени.

Ключевые слова: ойраты, джунгары, калмыки, казахи, международные отношения, историография, Центральная Азия, Россия, Цинский Китай, Джунгарское ханство, хунтайджи.

UDC 433.93. 930 (574) +94 “17-18”
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.11

Uderbaeva Saule K.

Candidate of Historical Sciences

Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan

ORCID: orcid.org/0000-0002-0322-964X; saule-uderbaeva@mail.ru

OIRATS IN THE STRUCTURE OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CENTRAL ASIA: MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Abstract. The Oirats played an important role in the modern history of Central Asia. Currently, many aspects of the history of the Oirats that need to be rethought are becoming the subject of study by a number of modern researchers. The recently increased interest in the history of the Oirats in the scientific literature actualizes the subject of this article. In our work, we would like to analyze the historical literature of the new millennium, which reveals the issues of the history of the Oirats, their role in international processes in Central Asia in modern times.

The purpose of this article is to review modern scientific concepts presented in the latest scientific research devoted to rethinking the role of the Oirats in the history of Central Asia in modern times, trends and trends in historiography, new paradigms and approaches. The historiographical review of the key works devoted to the history of the Kazakh-Russian-Dzhungar-Chinese relations led to the conclusion that in the new XXI millennium the history of the Oirats has become the subject of close analysis of the international historical community. The scientific works presented in the review are distinguished by an innovative approach, conceptual rethinking and study from new methodological positions of the role of the Oirats as the main actors in the history of international relations in Central Asia in modern times.

Keyword: Oirats, Dzungars, Kalmyks, Kazakhs, international relations, historiography, Central Asia, Russia, Qing China, Dzungar Khanate, Khuntaiji.

Введение. В настоящее время в научной среде наблюдается возрастание интереса к истории ойратов. Это объясняется сменой научных парадигм, ростом внимания к этнонациональной и конфессиональной истории Центрально-Азиатского региона. По мнению исследователя В. Ш. Бембеева, значительное влияние на этот процесс оказали международные документы: утвержденная на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1999 г. программа «Культура мира» и декларация «Хартия земли», активизировавшие интерес мирового научного сообщества к изучению отдельных региональных кочевых цивилизаций¹. В столице Монголии — Улан-Баторе — в сентябре 1998 г. по соглашению между правительствами Казахстана, Киргизии, Монголии и Турции был создан Международный институт ЮНЕСКО изучения кочевых цивилизаций с целью сохранения уникального исторического и культурного наследия кочевников. По инициативе института в России, Китае и Монголии работала международная экспедиция по изучению процессов трансформации кочевых цивилизаций Центрально-Азиатского региона. На рубеже тысячелетий институт также организовал в Улан-Баторе международный симпозиум «Диалог культур», в работе которого приняли участие более 120 ведущих ученых из различных стран, которые констатировали, что кочевая цивилизация являлась основой существования кочевых этносов². В сентябре 2001 г. в России в столице Республики Калмыкия — Элисте — был проведен Международный форум по проблемам современного контекста и исторической перспективы кочевой цивилизации Великой степи³. Важным итогом форума стало подписание его участниками декларации «Калмыки и их соседи в составе Российского государства». Также на активизацию процесса изучения истории ойратов значительно повлияли процессы переосмысления истории Центральной Азии в период Нового времени в суверенных национальных историографиях, утверждение новых инновационных подходов и концепций.

В настоящее время генезис и эволюция ойратов и ойрат-калмыков, их роль в сложных международных политических процессах, происходивших в Центральной Азии в период Нового времени, получили новое осмысление. Исследователи, вводя в научный оборот новые источники и материалы по истории ойратов, с новых методологических позиций изучают их раннюю историю до образования Джунгарского

¹ Бембеев В. Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве: XIII – 60-е гг. XVII века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006. С. 3.

² Там же.

³ Калмыки и их соседи в составе Российского государства: материалы Международной научной конференции (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.) / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста, 2002.

ханства; многовекторные взаимоотношения с соседними государствами; причины, ход и итоги откочевки калмыков 1771 г.; демографическую историю ойратов; историю Калмыцкого государства; происхождение этнонимов «калмык», «ойрат»; этимологию политонима «джунгар» и другие актуальные проблемы.

В рамках проекта РФФ «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» автор статьи проанализировала отражение в новейшей историографии роль ойратов в истории Центральной Азии нового времени в новейших трудах И. В. Ерофеевой, Н. С. Модорова, В. Г. Дацышена, Р. А. Кушнерик, Д. Г. Кукеева, В. Т. Тепкеева, И. А. Ноздриной, В. И. Колесник, В. И. Бакланова, К. С. Ануфриева, С. Г. Скобелева, Д. С. Боброва, Е. В. Дорджиевой и др.

С целью наиболее полного раскрытия роли ойратов в современной историографии мы продолжили историографический обзор трудов в данной статье. Ряд ее положений были апробированы на заседаниях международного семинара «Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.», организованного в рамках указанного проекта, и опубликованы в сборнике материалов семинара⁴.

Ход и результаты исследования. В первую очередь следует упомянуть работы видного востоковеда В. А. Моисеева, начавшего свою научную деятельность в Казахстане, затем продолжившего изыскания на базе Алтайского государственного университета. Несмотря на то что научные интересы В. А. Моисеева были весьма широки, большая часть его научных работ до 2000-х гг. и в XXI в. посвящена истории ойратов. Он внес большой вклад в изучение характера и динамики сложных отношений России и Китая с Джунгарским ханством, оказавших огромное влияние на политический климат на сопредельных территориях и на развитие региона в целом.

Алтайский период В. А. Моисеева был не менее плодотворным, чем казахстанский. Особое место в ряду научных работ этого времени занимает монография «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)»⁵. История Джунгарского ханства нашла отражение в других исследованиях ученого⁶. В. А. Моисеева по праву называют джунгароведом, он внес значительный вклад в изучение истории ойратов.

⁴ *Удербаетова С. К., Сагатов А. М.* Переосмысление роли ойратов в истории Центральной Азии нового времени в новейшей историографии // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. научных трудов (Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г.)* / науч. ред. Д. В. Васильев. М., 2019. С. 57–64.

⁵ *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

⁶ *Моисеев В. А.* Джунгария, Россия и казахи в первой половине XVIII в. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы Четвертой международной научно-практической конференции. Вып. 4.* Барнаул, 2003. С. 321–323; *Его же.* Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // *Вестник Евразии.* 2000. № 2. С. 22–43; *Его же.* Джунгарское ханство в системе международных отношений в Центральной Азии // *Международный симпозиум. Ч. 2. Научная конференция «История и культура монгольских народов: источники и традиции»: тезисы докладов и сообщений (14–18 сентября 1999 г.).* Элиста, 1999. С. 75–76; *Его же.* Образование Джунгарского ханства и распространение его влияния на Горный Алтай // *История Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002. С. 246–255.*

Следует отметить, что в ряде своих работ Моисеев полемизирует с современными казахстанскими учеными, выдвигающими свои концепции по проблеме взаимоотношений казахов с Россией и Джунгарией, доказывая, что некоторые из этих идей насаждают новые, далеко не безобидные мифы. В частности, в статье «Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII вв. и политика России» он указывает на то, что «в работах современных историков и публицистов Казахстана Россия предстала “кровожадным северным хищником”, таким же историческим врагом казахов, как и Джунгария»⁷; на основе документальных источников он развенчивает целый ряд мифологизаторских выводов казахстанских ученых и публицистов о роли России в казахско-джунгарском противостоянии⁸.

Полемизируя с казахстанскими учеными, В. А. Моисеев заключает, что «развитие событий в Центральной Азии во второй половине XVII – первой половине XVIII века во многом определялось соотношением сил, складывавшимся между возникавшими и эволюционировавшими в этом регионе государственными образованиями. То были Джунгария, Казахское ханство, Китай, Россия и, в определенной мере, Коканд, а также другие государства Средней Азии»⁹. Второй вывод касается роли России в казахско-джунгарском противостоянии. По мнению В. А. Моисеева, «Россия никак не могла проводить линию на поддержку джунгарской стороны в ее противостоянии казахской Степи»¹⁰.

Здесь следует особо отметить, что вызвавшие полемику концепции и выводы казахстанских исследователей не являются специальными трудами по истории казахско-российско-джунгарских взаимоотношений и по большей части выражают точку зрения не ученых-историков, а публицистов, писателей, самодельных, непрофессиональных исследователей.

Освещение в современной казахстанской историографии истории казахско-джунгарских взаимоотношений вызывает интерес и у российских ученых. Так, в статье Е. Н. Бадмаевой представлен анализ современной казахстанской историографии по различным вопросам истории Джунгарского ханства и «обозначены позитивные и негативные стереотипы»¹¹. Исследователь дала в этой статье взвешенный, объективный анализ отражения некоторых вопросов истории Джунгарского ханства в казахстанской исторической литературе рубежа XX–XXI вв.

Профессиональные историки не обходят вниманием публикации непрофессиональных, самодельных «историков», не чурящихся мифотворчества, в работах которых и представлены негативные стереотипы в современной казахстанской историографии. Мифотворчество, популизм стали результатом обращения к историческим сюжетам непрофессиональных исследователей, допускающих популистские интерпретации.

Ведущие казахстанские историки Н. Э. Масанов, Ж. Б. Абылхожин, И. В. Ерофеева в книге «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана» критически проанализировали тенденции мифологизации истории Казахстана.

⁷ Моисеев В. А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России. С. 27.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Бадмаева Е. Н. Некоторые вопросы изучения истории Джунгарского ханства в современной историографии Казахстана // *Oriental Studies*. 2016. № 9 (5). С. 39.

По их мнению, знаковая тема социально-политической истории Казахстана Нового времени — история казахско-джунгарских взаимоотношений — в дореволюционной и советской историографии изучалась в контексте генеральной имперской идеологии о тотальной «джунгарской угрозе» для казахского народа. Одновременно многие другие аспекты казахско-джунгарского противостояния оставались без внимания¹². В постсоветской казахстанской историографии, в ответ на общественный запрос, стали массово появляться мифологические сочинения с иррациональными идеологическими штампами и мистификациями на тему казахско-джунгарских взаимоотношений¹³. Авторы книги, рассматривая в третьей главе противоборство казахов и джунгар, приходят к выводу, что оно носило маятниковый характер и развивалось с переменным успехом; контакты и двусторонние взаимоотношения казахов и джунгар были разнообразны и межцивилизационны, от жестко конфронтационных до вполне добрососедских, и оказали значительное влияние на историю и культуру казахского народа, способствуя росту национального самосознания казахов¹⁴.

Доказательством объективного освещения в рассматриваемый период перипетий казахско-российско-джунгарских взаимоотношений в новейшей казахстанской историографии являются, на наш взгляд, научные труды целого ряда казахстанских ученых: В. З. Галиева, И. В. Ерофеевой, К. Ш. Хафизовой, С. А. Едилхановой и других.

Сфера научных интересов признанного специалиста по Новой истории Казахстана В. З. Галиева весьма широка: казахско-русские отношения, культурные связи, колониальная политика, национально-освободительная борьба XVII–XIX вв., библиотечное дело и библиографирование литературы по дореволюционному периоду. Ряд его работ посвящен казахско-джунгарскому противостоянию¹⁵. На основе большого числа источников, часть из которых впервые введена в научный оборот, В. З. Галиев дал описание археологических буддийских памятников джунгарского происхождения на территории Казахстана, изучил районы распространения джунгар и их религию.

Видный казахстанский ученый, специалист по социальной и политической истории Казахстана Нового времени, проблемам дореволюционной и зарубежной историографии, борец с мифотворчеством в истории И. В. Ерофеева в своей монографии раскрыла роль хана Абулхаира в международных взаимоотношениях первой половины XVIII в.¹⁶ По мнению В. А. Моисеева, в своей книге она успешно использовала новую методику изучения истории Казахстана XVIII в., в частности роль и место Казахской степи в восточной политике России, с новых методологических подходов исследовала структуры функционирования казахского общества¹⁷.

Известный казахстанский ученый-востоковед К. Ш. Хафизова — автор ряда исследований, в центре которых стоят история международных отношений, внешняя

¹² См.: Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007.

¹³ Там же. С. 146.

¹⁴ Там же. С. 149.

¹⁵ Галиев В. З. Противостояние Казахского и Джунгарского ханств во второй половине XVII века // Отан тарихы. 2001. № 1. С. 2–13; *Его же*. Усиление борьбы казахского народа против джунгарской агрессии в начале XVIII в. // Отан тарихы. 2013. № 1. С. 11–26.

¹⁶ См.: Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, Санат. 1999.

¹⁷ Моисеев В. А. Путеводитель. Ирина Ерофеева. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик // Вестник Евразии. 2000 № 2. С. 7.

политика Китая в Центральной Азии, казахско-китайские отношения, китайские источники о казахах и джунгарах¹⁸. К своему 80-летнему юбилею она выпустила в свет очередную монографию¹⁹, в которой раскрывается история дипломатии Казахского ханства (XVIII–XIX вв.). Отдельный параграф этой работы посвящен джунгарскому хану Давацци.

Предметом диссертационного исследования и монографии Ж. Б. Кундакбаевой стал анализ политики Российского государства по вовлечению народов Северного Прикаспия в состав империи, удержанию их в ее составе и организации управления регионом, разработке мер по поддержанию этнополитической стабильности²⁰. Автор рассмотрела данный процесс на основе регионального подхода, избегая однозначных оценок политики Российской империи и идеологических штампов. В четвертой главе диссертации «Российская империя и взаимоотношения народов Северного Прикаспия» Ж. Б. Кундакбаева анализирует отношения калмыков с другими народами Северного Прикаспия, предпринятые меры по поддержанию этнополитической стабильности в регионе, а также исход калмыков в Китай в 1771 г. через территорию казахов и политику России²¹.

В монографии казахстанского исследователя С. А. Едилхановой впервые на основе широкого историографического материала изучены дружественные связи казахов и джунгар, их взаимовлияние на правотворчество, культуру, быт²². В книге Р. Д. Темиргалиева казахско-джунгарские взаимоотношения раскрываются в контексте истории вхождения Казахстана в состав Российской империи в XVIII–XIX вв.²³ Историографию проблемы борьбы казахского народа против джунгарского нашествия проанализировала в диссертации на соискание степени доктора наук в области истории Н. Н. Курманалина²⁴.

Рассмотренные публикации позволяют сделать заключение о том, что казахстанских профессиональных историков, занимающихся изучением истории ойратов, отличает взвешенный подход, стремление к объективному отражению казахско-джунгарских взаимоотношений.

Для изучения истории ойратов до XVIII в. представляет интерес названная выше диссертация В. Ш. Бембеева²⁵, в которой автор анализирует генезис и эволюцию ойратов и ойрат-калмыков в XIII–XVII вв. как целостную самостоятельную проблему. Главный вывод работы исследователя заключается в том, что «социальная самоорганизация, элементы толерантных начал в культуре ойратов закономерно обусловили

¹⁸ Хафизова К. Ш. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы, 2007; *Ее же*. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках: монография. Нур-Султан, 2019.

¹⁹ Хафизова К. Ш. Джунгарский хан Давацци // Мысль. 2015. Ноябрь. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=6702> (дата обращения: 16.10.2019).

²⁰ Кундакбаева Ж. Б. Знаком милости Е. И. В ...»: Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М., 2005; *Ее же*. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

²¹ Кундакбаева Ж. Б. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке... С. 290.

²² Едилханова С. А. Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII–XVIII веках. (Некоторые исторические аспекты проблемы). Алматы, 2005.

²³ Темиргалиев Р. Д. Казахи и Россия. Алматы, 2013.

²⁴ Курманалина Н. Н. Историография борьбы казахского народа против джунгарского нашествия (XVII–XVIII вв.): дис. доктора PhD. Алматы, 2017.

²⁵ Бембеев В. Ш. Указ. соч.

образование нового производного от ойратов этноса — калмыков, до того, как основная часть ойратского этноса в середине XVIII в. была уничтожена манчжурами»²⁶.

Вполне уместно и важно, на наш взгляд, включение в историографический обзор совместной работы А. Н. Басхаева и Б. Б. Дякиевой под названием «Ойрат-калмыки XII–XIX вв.: история и культура калмыцкого народа с древнейших времен до начала XIX века»²⁷. Это учебное пособие по региональной истории и культуре — одна из немногих комплексных работ по истории калмыцкого народа с древнейших времен до начала XIX в.

Кандидатская диссертация Т. Ш. Уметбаева посвящена анализу развития тюркских этнополитических общностей (енисейские киргизы, казахи, саяно-алтайские племена, тюрки оазисов Восточного Туркестана, барабинские татары) в государстве ойратов в XVII–XVIII вв.²⁸ Проблемам изучения Джунгарского ханства в российской историографии и его методологическим аспектам посвящен ряд его статей²⁹. Т. Ш. Уметбаевым осуществлен комплексный анализ истории тюркских этнополитических общностей в Джунгарском ханстве, обоснована детерминированность этнополитических процессов в среде подчиненных племен «Степной империи» с целым комплексом внешнеполитических, географических, экономических, а также психологических факторов, выявлена взаимообусловленность политических событий и этнополитических процессов. По его мнению, этот комплекс причин обусловил необратимость создания Джунгарского ханства; кроме того, в ойратском сюзеренитете тюрки Южной Сибири и енисейские киргизы были более заинтересованы, чем сами ойраты. Причинами гибели Джунгарского ханства автор называет отсутствие у него реальных экономических и военных ресурсов для глобальной конфронтации с Цинским Китаем и Российской империей. Тюркские этнополитические сообщества Джунгарского ханства, считает исследователь, сыграли первостепенную роль в системе взаимоотношений между Российской и Цинской империями, занимали важное место в разнообразных сферах жизни Джунгарского ханства, в определенный период истории взаимодействовали с монгольскими народами. Создание Джунгарского ханства привело к подчинению джунгарам ряда тюркских племен³⁰. Т. Ш. Уметбаев показал роль казахской, киргизской, енисейско-киргизской, саяно-алтайской и восточно-туркестанской этнополитических общин в Джунгарском государстве, которые находились в тот период на разных стадиях развития, различались по типу экономики, уровням развития государственно-правовых институтов и образу жизни³¹.

²⁶ Там же. С. 43.

²⁷ Басхаев А. Н., Дякиева Р. Б. Ойрат-калмыки. XII–XIX вв.: история и культура калмыцкого народа с древнейших времен до начала XIX века. Элиста, 2007.

²⁸ Уметбаев Т. Ш. Тюркские этнополитические общности в Джунгарском ханстве в XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009.

²⁹ Уметбаев Т. Ш. Методологические аспекты изучения Джунгарского ханства в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера // История и культура народов Южной Сибири: история, настоящее, будущее: материалы Чтений, посвященных памяти исследователя народов Сибири Л. П. Потапова. Горно-Алтайск, 2006. С. 133–142; *Его же*. Этапы изучения Джунгарского ханства в отечественной историографии // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2004. Вып. 4. Т. 2. С. 287–293.

³⁰ Уметбаев Т. Ш. Тюркские этнополитические общности в Джунгарском ханстве в XVII–XVIII вв. С. 18.

³¹ Там же.

Политические отношения российского правительства с волжскими калмыками с начала планомерного принятия ими российского подданства до середины XIX в. проанализированы в монографии Д. В. Васильева «Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века»³². В этой работе анализируется административная политика России в Казахской степи, причем имперская политика в Казахстане сопоставляется с политикой в Башкирии и Калмыкии. По мнению исследователя, история пребывания калмыков в составе Российской империи является примером превращения автономного административно-территориального образования в единую часть империи, сохранившую элементы местной специфики в управлении и суде³³.

Монография В. Т. Тепкеева, вышедшая в свет в 2015 г., посвящена анализу предпосылок откочевки ойратов из региона Центральной Азии в район Западной Сибири, ее динамики во втором десятилетии XVII в., в частности в период ойратской войны с Алтын-ханом в 1620–1623 гг., первых посольских контактов ойратов с царской администрацией, причин внутривосточного кризиса в неоднородном ойратском обществе, а также урегулированию территориального вопроса в посольских переговорах ойратов с Московским государством³⁴. Ученый выделяет четыре главные причины миграционных откочетов ойратов из Центральной Азии в Сибирь: экологическую, внешнеполитическую, внутривосточную и экономическую³⁵. По мнению автора, тайша племенного объединения дербетов Далай-Батур — практически единственный ойратский политик, который вел конструктивную дипломатию, — выполнял заключенные договоренности, в отличие от других ойратских тайшей³⁶. Политическая история ойратов в начале XVII в., их откочевки с территории Центральной Азии в пределы Юго-Западной Сибири, Северного Прикаспия стали предметом другого исследования В. Т. Тепкеева³⁷. Взаимоотношения калмыцкого хана с соседними народами и дальними государствами, в числе которых были Персия, Крымское ханство, Османская империя, Польша, Китай, Джунгария, Тибет, рассмотрены в вышедшем в свет в 2019 г. труде В. Т. Тепкеева «Аюка-хан и его время»³⁸.

А. В. Цюрюмов в своей диссертации анализирует роль и место Калмыцкого ханства во внешней политике России³⁹. На основе целого ряда неопубликованных ранее архивных документов XVII–XVIII вв. им были изучены калмыцко-российские посольские отношения в период присоединения Сибири, роль калмыцких вооруженных сил в Русско-турецких войнах, дипломатия Калмыцкого ханства. Также автором осуществлен комплексный анализ калмыцкого общества во второй половине XVIII в. сквозь призму политических и социально-экономических отношений, а также рассмотрены причины переселения калмыков 1771 г. С точки зрения А. В. Цюрюмова,

³² *Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М., 2014.

³³ Там же. С. 458.

³⁴ *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014.

³⁵ Там же. С. 178–179.

³⁶ Там же. С. 188.

³⁷ *Тепкеев В. Т.* Ойраты в начале XVII века. Элиста, 2015.

³⁸ *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время / отв. ред. А. Н. Команджаев. Элиста, 2018.

³⁹ *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2017.

«после завершения активной политики России на Кавказе, правительство перестало считаться с национальными интересами калмыков, всеми средствами пытаясь интегрировать их, и даже слить с коренным населением империи; в итоге произошла попытка включения института ханской власти калмыков в имперское административное управление губернией, был введен институт наместничества. Назначение калмыцких наместников, подпадание их под власть астраханских губернаторов стали началом перехода от политической автономии к административной, без стремления царского правительства изменить традиционную социальную организацию калмыков, но при совершенствовании судебного законодательства в отношении них»⁴⁰.

В историографический обзор новейших исследований по истории ойратов необходимо включить работу О. Н. Болдыревой, в которой анализируется место и роль Калмыцкого ханства в восточном векторе внешней политики Российской империи XVIII в.⁴¹ Именно в это столетие, по мнению исследователя, Калмыцкое ханство переживало пик своего могущества⁴². Исследовательница ставит перед собой целый ряд задач, среди которых определение роли Калмыцкого ханства в области внешней политики Цинской империи и России в начале XVIII века; реконструкция динамики событий во взаимоотношениях Калмыцкого и Джунгарского ханств в первой четверти XVIII в.; определение динамики и характера взаимоотношений Калмыцкого ханства и казахских жузов в первой четверти XVIII в.; анализ и характеристика периода войны Джунгарии против Китая, когда Цины просили поддержки калмыков; анализ влияния калмыцкого фактора на вхождение казахских жузов в состав России; освещение позиции Джунгарии в калмыцко-казахских отношениях, ее роли в российско-китайских, калмыцко-китайских отношениях; определение позиции казахов по отношению к калмыкам, повлиявшей на контакты калмыков с Джунгарией и Китаем; анализ роли казахов в откочевке калмыцкого народа в Китай⁴³. О. Н. Болдырева полагает, что предпосылки переселения калмыков 1771 г., обусловленные отношениями с Джунгарией, Цинским Китаем и казахскими жузами складываются в XVIII в. Автор подчеркивает роль казахов в этом важнейшем событии в истории калмыцкого народа. Калмыцкая правящая элита, по ее мнению, в этот период обрекла калмыков на тяжелые потери. Отношения казахов и калмыков в связи с откочевкой оставались сложными на протяжении многих десятилетий⁴⁴.

В наш историографический обзор мы включили статью Р. Ю. Почекаева⁴⁵, в которой приведены сведения русских путешественников об особенностях правового развития Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. На основе этих данных автор заключает, что в то время с установлением дипломатических отношений с соседними государствами ханство проходило процесс правовой модернизации, в нем развивалось оседлое хозяйство и зачатки промышленности⁴⁶.

⁴⁰ Там же. С. 39.

⁴¹ *Болдырева О. Н.* Калмыцкое ханство в восточной политике России в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2017.

⁴² Там же. С. 17.

⁴³ Там же. С. 18.

⁴⁴ Там же. С. 167.

⁴⁵ *Почекаев Р. Ю.* Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. // *Oriental Studies*. 2019. № 41 (1). С. 28–40.

⁴⁶ Там же. С. 36.

Исследователи дальнего зарубежья также обращались к изучению истории ойратов и их роли в международных отношениях Нового времени. Интересный взгляд на историю Джунгарского ханства продемонстрировала в своей работе японская исследовательница Дзюнко Мияваки-Оакада, полемизируя с известным специалистом по истории Джунгарского ханства, востоковедом И. Я. Златкиным о статусе джунгарских правителей и, следовательно, государства. По ее мнению, нельзя говорить о ханстве у джунгар, так как практически все правители имели титул хунтайджи (контайши), только один джунгарский правитель носил титул хана — Галдан Бошогту. Исследовательница определяет Джунгарию как империю кочевников, не признавая ее ханством⁴⁷.

У. Б. Очиров, опровергая концепцию Дзюнко Мияваки-Оакада, указывает на то, что титул «хан», выдававшийся ойратским правителям не только Далай-ламой, но и императорами России и Китая, в XVIII в. мог и не давать реальную суверенную власть, а быть лишь почетным титулом. Исследователь подчеркивает, что «классифицируя то или иное кочевое государственное образование, необходимо учитывать не титулатуру — официальное именование титула какого-либо высокопоставленного правителя, а признаки, подтверждающие существование его как государства, пусть и вассального»⁴⁸. Следует отметить, что У. Б. Очиров внес большой вклад в изучение истории ойратов. Он автор свыше ста статей по различным вопросам военной истории и истории Калмыкии, проблемам этногенеза ойратских этнических групп, а также по истории калмыков Нового времени⁴⁹.

Большой резонанс в научной среде вызвала опубликованная в 2019 г. книга профессора исторического факультета университета Лойолы (Чикаго) М. Ходарковского «Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя, 1500–1800»⁵⁰. Автор пишет о столкновении двух миров — централизованного Российского государства и кочевников евразийской степи. По мнению Ходарковского, за триста лет Россия сумела превратить опасные степные рубежи в часть империи, а степные народы воспринимали Россию сначала как подданное государство, затем как союзника и в итоге как господствующую власть. Одна из глав книги посвящена появлению в прикаспийских степях в XVII в. нового народа — калмыков, переселившихся из Центральной Азии.

⁴⁷ Мияваки-Оакада Дж. Джунгарское ханство, которое не было ханством // *Altaica-III: сборник статей и материалов*. М., 1999. С. 58–72.

⁴⁸ Очиров У. Б. Джунгарское Ханство, которое было ханством: критика одной статьи Дзюнко Мияваки // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. Т. 9. № 6 (28). С. 143.

⁴⁹ Очиров У. Б. К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами калмыцких кочевий в конце XVII – начале XX вв. // *Монголоведение*. Элиста, 2003. № 2 (1). С. 194–203; *Его же*. Калмыцкая конница в военных планах России XVIII в. // *Участие калмыков в укреплении российской государственности: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории* (Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста, 2012. С. 30–36; *Его же*. Численность и этнический состав улусов Калмыцкого ханства в конце XVII – начале XVIII вв. // *Восток в исторических судьбах народов России: материалы V Всероссийского съезда востоковедов* (Уфа, 26–27 сентября 2006 г.): в 3 кн. Кн. 3. Уфа, 2006. С. 238–239.

⁵⁰ Ходарковский М. *Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя, 1500–1800*. М., 2019.

Заключение. История ойратов в настоящее время вызывает серьезный научный интерес не только у калмыцких историков, но и у международного научного сообщества. Это вполне закономерно, так как изучение истории ойратов, их места и роли в системе межгосударственных отношений в Центральной Азии рассматриваемого периода весьма важно, ибо тесно связано с историей многих соседних народов. Историки, привлекая новые источники, позволяющие в новой проекции увидеть исторические события, где главными действующими лицами являются ойраты, используя новые методологические подходы, изучают различные аспекты международных отношений в Центральной Азии, влияние менталитета на поведение ойратов, заново переосмысливают обстоятельства откочевки 1771 г., анализируют причины периодических экспансий номадов в период Нового времени. Практически каждый автор, обосновывая актуальность изучения истории ойратов, пишет о многих неисследованных на сегодняшний день аспектах международных отношений в Центральной Азии Нового времени, что определяет дальнейшую исследовательскую перспективу.

Литература

1. Бадмаева Е. Н. Некоторые вопросы изучения истории Джунгарского ханства в современной историографии Казахстана // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 5 (27). С. 15–23. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-15-23
2. Басхаев А. Н., Дякиева Р. Б. Ойрат-калмыки: XII–XIX вв.: (история и культура калмыцкого народа с древнейших времен до начала XIX века): учеб. пособие по региональной истории и культуре для общеобразовательных и средних специальных учебных заведений. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2007. 159 с.
3. Бембеев В. Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве: XIII – 60-е гг. XVII века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006. 43 с.
4. Болдырева О. Н. Калмыцкое ханство в восточной политике России в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2017. 21 с.
5. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века: монография. М.: РОССПЭН, 2014. 470 с.
6. Галиев В. З. Противостояние Казахского и Джунгарского ханств во второй половине XVII века // Отан тарихы. 2001. № 1. С. 2–13.
7. Галиев В. З. Усиление борьбы казахского народа против джунгарской агрессии в начале XVIII в. // Отан тарихы. 2013. № 1 (61). С. 11–26.
8. Едилханова С. А. Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII–XVIII веках. (Некоторые исторические аспекты проблемы). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 162 с.
9. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 334 с.
10. Кундакбаева Ж. Б. «Знаком милости Е. И. В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
11. Кундакбаева Ж. Б. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 456 с.
12. Курманалина Н. Н. Историография борьбы казахского народа против джунгарского нашествия (XVII–XVIII вв.): дис. доктора PhD. Алматы, 2017. 171 с.
13. Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. 296 с.
14. Мияваки-Окада Дж. Джунгарское ханство, которое не было ханством // Altaica III: сборник статей и материалов. М.: ИВ РАН, 1999. С. 58–72.
15. Моисеев В. А. Джунгария, Россия и казахи в первой половине XVIII в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы IV Международной

научно-практической конференции (Барнаул, 14 ноября 2003 г.). Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 321–323.

16. Моисеев В. А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 22–43.

17. Моисеев В. А. Джунгарское ханство в системе международных отношений в Центральной Азии // История и культура монгольских народов: источники и традиции: тез. докладов и сообщений Международной научной конференции в рамках Международного симпозиума (Элиста, 14–18 сентября 1999 г.). Ч. 2. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 1999. С. 75–76.

18. Моисеев В. А. Образование Джунгарского ханства и распространение его влияния на Горный Алтай // История Республики Алтай. Т. 1. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. С. 246–255.

19. Моисеев В. А. [Рецензия на кн.:] Ирина Ерофеева. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 131–132.

20. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX – 1917 г.). Барнаул: Азбука, 2003. 346 с.

21. Очиров У. Б. Джунгарское Ханство, которое было ханством: критика одной статьи Дзюно Мияваки // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 6 (28). С. 135–145. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-28-6-135-145

22. Очиров У. Б. К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами калмыцких кочевий в конце XVII – начале XX вв. // Монголоведение. Элиста, 2003. № 2 (1). С. 194–203.

23. Очиров У. Б. Калмыцкая конница в военных планах России XVIII в. // Участие калмыков в укреплении российской государственности: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории (Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 30–36.

24. Очиров У. Б. Численность и этнический состав улусов Калмыцкого ханства в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток в исторических судьбах народов России: материалы V Всероссийского съезда востоковедов (Уфа, 26–27 сентября 2006 г.): в 3 кн. Кн. 3. Уфа: Вилли Окслер, 2006. С. 238–239.

25. Почакаев Р. Ю. Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. // Oriental Studies. 2019. № 1 (41). С. 28–40. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40

26. Темиргалиев Р. Д. Казахи и Россия. Алматы: Фонд «Аспандау», 2013. 370 с.

27. Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время / отв. ред. А. Н. Команджаев. Элиста: КалМНЦ РАН, 2018. 359 с.

28. Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014. 448 с.

29. Тепкеев В. Т. Ойраты в начале XVII века. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с.

30. Удербаетаева С. К., Сагатов А. М. Переосмысление роли ойратов в истории Центральной Азии нового времени в новейшей историографии // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. научных трудов (Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г.) / науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 57–64.

31. Уметбаев Т. Ш. Методологические аспекты изучения Джунгарского ханства в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера // История и культура народов Южной Сибири: история, настоящее, будущее: материалы чтений, посвященных памяти исследователя народов Сибири Л. П. Потапова (Горно-Алтайск, 18–20 сентября 2006 г.). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. С. 133–141.

32. Уметбаев Т. Ш. Тюркские этнополитические общности в Джунгарском ханстве в XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 27 с.

33. Уметбаев Т. Ш. Этапы изучения Джунгарского ханства в отечественной историографии // Научный ежегодник КГПУ им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2004. Вып. 4. Т. 2. С. 287–293.
34. Хафизова К. Ш. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Ин-т экономических стратегий, 2007. 104 с.
35. Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках: монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
36. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя, 1500–1800 / [пер. с англ. А. Терещенко]. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 352 с. (Historia Rossica. Украина Российской империи).
37. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2017. 47 с.

References

1. Badmaeva E. N. Nekotorye voprosy izucheniia istorii Dzhungarskogo khanstva v sovremennoi istoriografii Kazakhstana [Historiography of modern Kazakhstan: revisiting some studies in the history of the Dzungar Khanate] // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 9. № 5 (27). P. 15–23. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-15-23. (In Russ.).
2. Baskaev A. N., Diakieva R. B. Oirat-kalmyki: XII–XIX vv.: (istoriia i kul'tura kalmytskogo naroda s drevneishikh vremen do nachala XIX veka) [Oirat-Kalmyks. XII–XIX centuries: history and culture of the Kalmyk people from ancient times to the beginning of the XIX century]: ucheb. posobie po regional'noi istorii i kul'ture dlia obshcheobrazovatel'nykh i srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedenii. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. 159 p. (In Russ.).
3. Bembееv V. Sh. Oiraty i kalmyki na evraziiskom prostranstve: XIII – 60-e gg. XVII veka [Oirats and Kalmyks in the Eurasian space: XIII – 60s XVII century]: abstract of the dissertation. Stavropol', 2006. 43 p. (In Russ.).
4. Boldyreva O. N. Kalmytskoe khanstvo v vostochnoi politike Rossii v XVIII v. [Kalmyk Khanate in the eastern policy of Russia in the XVIIIth century]: abstract of the dissertation. Astrakhan', 2017. 21 p. (In Russ.).
5. Vasil'ev D. V. Rossiia i Kazakhskaiia step': administrativnaia politika i status okrainy. XVIII – pervaiia polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII – first half of the XIX century]: monografiia. Moscow: ROSSPEN, 2014. 470 p. (In Russ.).
6. Galiev V. Z. Protivostoianie Kazakhskogo i Dzhungarskogo khanstv vo vtoroi polovine XVII veka [The confrontation between the Kazakh and Dzungar khanates in the second half of the 17th century] // History of the Homeland. 2001. № 1. P. 2–13. (In Russ.).
7. Galiev V. Z. Usilenie bor'by kazakhskogo naroda protiv dzhungarskoi agressii v nachale XVIII v. [Strengthening the struggle of the Kazakh people against the Dzungarian aggression at the beginning of the 18th century] // History of the Homeland. 2013. № 1 (61). P. 11–26. (In Russ.).
8. Edilkhanova S. A. Kazakhsko-dzhungarskie vzaimootnosheniia v XVII–XVIII vekakh. (Nekotorye istoricheskie aspekty problemy) [Kazakh-Dzungar relations in the XVII – XVIII centuries. (Some historical aspects of the problem)]. Almaty: Daik-Press, 2005. 162 p. (In Russ.).
9. Erofeeva I. V. Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik [Khan Abulkhair: commander, ruler and politician]. Almaty: Sanat, 1999. 334 p. (In Russ.).
10. Kundakbaeva Zh. B. «Znakom milosti E. I. V...». Rossiia i narody Severnogo Prikaspiia v XVIII veke [“A sign of mercy to E. I. V...”: Russia and the peoples of the Northern Caspian region in the XVIIIth century]. Moscow: AIRO-XXI; Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005. 303 p. (In Russ.).
11. Kundakbaeva Zh. B. Politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii narodov Severnogo Prikaspiia v XVIII veke [Policy of the Russian Empire in relation to the peoples of the Northern Caspian region in the XVIIIth century]: dissertation. Moscow, 2005. 456 p. (In Russ.).

12. Kurmanalina N. N. Istoriografiia bor'by kazakhskogo naroda protiv dzhungarskogo nashestviia (XVII–XVIII vv.) [Historiography of the struggle of the Kazakh people against the Dzungar invasion (XVII–XVIII centuries)]: dissertation PhD. Almaty, 2017. 171 p. (In Russ.).

13. Masanov N. E., Abylkhozhin Zh. B., Erofeeva I. V. Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazakhstana [Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan]. Almaty: Daik-Press. 2007. 296 p. (In Russ.).

14. Miiavaki-Okada Dzh. Dzhungarskoe khanstvo, kotoroe ne bylo khanstvom [The Dzungar Khanate, which was not a Khanate] // Altaica III: sbornik statei i materialov. Moscow: IV RAN, 1999. P. 58–72. (In Russ.).

15. Moiseev V. A. Dzhungariia, Rossiia i kazakhi v pervoi polovine XVIII v. [Dzungaria, Russia and Kazakhs in the first half of the 18th century] // Rossiia, Sibir' i Tsentral'naia Aziia: vzaimodeistvie narodov i kul'tur: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Barnaul, 14 noiabria 2003 g.). Vyp. 4. Barnaul: Azbuka, 2003. P. 321–323. (In Russ.).

16. Moiseev V. A. Dzhungaro-kazakhskie otnosheniia v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii [Dzhungar-Kazakh relations in the XVII–XVIII centuries and the policy of Russia] // Vestnik Evrazii. 2000. № 2. P. 22–43. (In Russ.).

17. Moiseev V. A. Dzhungarskoe khanstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii [Dzungar Khanate in the system of international relations in Central Asia] // Istoriia i kul'tura mongol'skikh narodov: istochniki i traditsii: tez. dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Mezhdunarodnogo simpoziuma (Elista, 14–18 sentiabria 1999 g.). Ch. 2. Elista: Kalmytskii institut gumanitarnykh issledovaniy RAN, 1999. P. 75–76. (In Russ.).

18. Moiseev V. A. Obrazovanie Dzhungarskogo khanstva i rasprostranenie ego vliianiia na Gornyi Altai [Formation of the Dzungar Khanate and the spread of its influence on the Altai Mountains] // Istoriia Respubliki Altai. T. 1. Gorno-Altai: NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2002. P. 246–255. (In Russ.).

19. Moiseev V. A. [Retsenziia na kn.:] Irina Erofeeva. Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik [Book Review: Irina Erofeeva. Khan Abulkhair: commander, ruler and politician] // Vestnik Evrazii. 2000. № 2. P. 131–132. (In Russ.).

20. Moiseev V. A. Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraia polovina XIX – 1917 g.) [Russia and China in Central Asia (second half of XIX – 1917)]. Barnaul: Azbuka, 2003. 346 p. (In Russ.).

21. Ochirov U. B. Dzhungarskoe Khanstvo, kotoroe bylo khanstvom: kritika odnoi stat'i Dziunko Miiavaki [Dzungar Khanate, which was a Khanate: criticism of one article by Junko Miyawaki] // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 9. № 6 (28). P. 135–145. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-28-6-135-145. (In Russ.).

22. Ochirov U. B. K voprosu o chislennosti kalmytskikh etnicheskikh grupp za predelami kalmytskikh kochevii v kontse XVII – nachale XX vv. [On the issue of the number of Kalmyk ethnic groups outside the Kalmyk nomads in the late XVIIth – early XXth centuries] // Mongolovedenie. Elista, 2003. № 2 (1). P. 194–203. (In Russ.).

23. Ochirov U. B. Kalmytskaia konnitsa v voennykh planakh Rossii XVIII v. [Kalmyk cavalry in the military plans of Russia in the XVIIIth century] // Uchastie kalmykov v ukreplenii rossiiskoi gosudarstvennosti: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 1150-letiiu rossiiskoi gosudarstvennosti i Godu rossiiskoi istorii (Elista, 29 noiabria 2012 g.). Elista: KIGI RAN, 2012. P. 30–36. (In Russ.).

24. Ochirov U. B. Chislennost' i etnicheskii sostav ulusov Kalmytskogo khanstva v kontse XVII – nachale XVIII vv. [The number and ethnic composition of the uluses of the Kalmyk Khanate in the late XVIIth – early XVIIIth centuries] // Vostok v istoricheskikh sud'bakh narodov Rossii: materialy V vserossiiskogo s'ezda vostokovedov (Ufa, 26–27 sentiabria 2006 g.): v 3 kn. Kn. 3. Ufa: Villi Oksler, 2006. P. 238–239. (In Russ.).

25. Pochekaev R. Iu. Rossiiskie puteshestvenniki o pravovykh otnosheniakh v Dzhungarskom khanstve XVIII v. [Russian travelers on legal relations in the XVIIIth century Dzungar Khanate] // Oriental Studies. 2019. Vol. 41. № 1. P. 28–40. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40. (In Russ.).

26. Temirgaliev R. D. *Kazakhi i Rossiia*. Almaty: Fond "Aspandau", 2013. 370 p. (In Russ.).
27. Tepkeev V. T. *Aiuka-khan i ego vremia* [Ayuka Khan and his time] / otv. red. A. N. Komandzhaev. Elista: KalmNTs RAN, 2018. 359 p. (In Russ.).
28. Tepkeev V. T. *Kalmyki v Severnom Priskaspii vo vtoroi treti XVII veka: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the XVIIth century: problems of political relations]. Elista: Dzhangar, 2014. 448 s. (In Russ.).
29. Tepkeev V. T. *Oiraty v nachale XVII veka* [Oirats at the beginning of the XVIIth century]. Elista: KIGI RAN, 2015. 198 p. (In Russ.).
30. Uderbaeva S. K., Sagatov A. M. *Pereosmyslenie roli oiratov v istorii Tsentral'noi Azii novogo vremeni v noveishei istoriografii* [Rethinking the role of the Oirats in the history of Central Asia in modern times in modern historiography] // *Tsentral'naia Aziia na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.: sb. nauchnykh trudov* (Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.) / nauch. red. D. V. Vasil'ev. Moscow: OntoPrint, 2019. P. 57–64. (In Russ.).
31. Umetbaev T. Sh. *Metodologicheskie aspekty izucheniia Dzhungarskogo khanstva v «Istorii Sibiri»* G. F. Millera [Methodological aspects of the study of the Dzungar Khanate in the "History of Siberia" by G. F. Miller] // *Istoriia i kul'tura narodov Iuzhnoi Sibiri: istoriia, nastoiashchee, budushchee: materialy chtenii, posviashchennykh pamiati issledovatel'ia narodov Sibiri* L. P. Potapova (Gorno-Altaiisk, 18–20 sentiabria 2006 g.). Gorno-Altaiisk: Izd-vo GAGU, 2006. P. 133–141. (In Russ.).
32. Umetbaev T. Sh. *Tiurkskie etnopoliticheskie obshchnosti v Dzhungarskom khanstve v XVII–XVIII vv.* [Türkic ethnopolitical communities in the Dzungar Khanate in the XVIIth – XVIIIth centuries]: abstract of the dissertation. Tomsk, 2009. 27 p. (In Russ.).
33. Umetbaev T. Sh. *Etapy izucheniia Dzhungarskogo khanstva v otechestvennoi istoriografii* [Stages of studying the Dzungar Khanate in Russian historiography] // *Nauchnyi ezhegodnik KGPU im. V. P. Astaf'eva*. Krasnoiarsk, 2004. Issue 4. Vol. 2. P. 287–293. (In Russ.).
34. Khafizova K. Sh. *Kazakhskaiia strategiia Tsinskoi imperii* [Kazakh strategy of the Qing empire]. Almaty: In-t ekonomicheskikh strategii, 2007. 104 p. (In Russ.).
35. Khafizova K. Sh. *Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiia v XVIII–XIX vekakh: monografiia* [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIIIth – XIXth centuries]: monografiia. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2019. 476 p. (In Russ.).
36. Khodarkovskii M. *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naia imperiia, 1500–1800* [Russia's Steppe Frontier How the colonial empire was created, 1500–1800] / [per. s angl. A. Tereshchenko]. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2019. 352 p. (Historia Rossica. Okrainy Rossiiskoi imperii). (In Russ.).
37. Tsiuriumov A. V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [Kalmyk Khanate as a part of Russia: problems of political relationships]: dissertation. Volgograd, 2017. 47 p. (In Russ.).

**РОССИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ XX ВЕКА:
пленарное заседание Всероссийской научно-практической конференции
«Три измерения политической истории России:
идеология, политика, практики» (Москва, 29 марта 2023 года)¹**

Расшифровка аудиозаписи

Докладчики пленарного заседания

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, исполняющий обязанности председателя правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества».

Девятов Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Леонтьев Ярослав Викторович, доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Орлов Степан Владимирович, заместитель председателя Московской городской думы, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Рудаков Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, главный редактор научно-популярного журнала «Историк».

Соловьев Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX веков» Института российской истории РАН.

¹ Аудиозапись расшифровали Ж. Ю. Московцева, М. Е. Набокина, Ю. Ю. Гребенщиков, Е. О. Куст, Р. И. Ильминев. Текст расшифрованной записи приводится в авторской редакции.

Модераторы дискуссии

Кириллов Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Малышева Ольга Геральдовна, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Гребенщиков Юрий Юрьевич, исполнительный директор Центра образования в сфере русского языка как иностранного и как неродного Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Презентация новых изданий

В. Н. Рудаков: Добрый день, дорогие друзья! 100-й выпуск журнала «Историк» посвящен юбилею ордена Святого Андрея Первозванного, который в этом году отмечает сразу две даты: 325 лет с момента создания Императорского ордена и 25 лет с момента восстановления ордена в современной России. Хочу рассказать о нескольких сюжетах, которые, мне кажется, будут интересны. Открывает номер текст про историю создания ордена, про то, как Петр I придумал это, и про то, как он адаптировал западноевропейскую наградную систему под российскую. Дальше замечательный текст Игоря Львовича Андреева, заведующего кафедрой отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Нам повезло, потому что мы попали в ту самую точку, в которую надо было попасть: почти никто не писал биографии первого кавалера ордена Святого Андрея Первозванного, ближнего боярина Федора Головина. Этого нет даже у выдающегося советского и российского историка Николая Ивановича Павленко. А Игорь Львович [Андреев] взялся за этот труд, провел очень серьезную исследовательскую работу. В результате получилась достаточно большая и очень интересная, я бы сказал, очень актуальная статья про дипломата, который, к сожалению, мало известен, но тем не менее очень много сделал для развития отношений и с Китаем, что сейчас очень актуально, и с западноевропейскими партнерами.

У нас есть интереснейшее интервью с ведущим научным сотрудником Государственного исторического музея Сергеем Левиным про идеологию русских императорских орденов, про то, кого награждали императорским орденом. Интрига состоит в том, что Российская империя половину орденов раздала иностранцам, а половину из розданных — соотечественникам, достались членам императорской семьи. Не демократическая такая история, но, в принципе, соответствующая духу эпохи.

Далее в журнале помещено интервью о современном ордене Андрея Первозванного с человеком, который долгие годы работал в Управлении президента России по государственным наградам — Равилем Шарифовичем Латыповым. Мы поговорили на разные темы, в том числе, сколько стоит изготовить государству один экземпляр ордена Святого Андрея Первозванного. Оказывается, себестоимость производства — 1 миллион 200 рублей, если без мечей, если с мечами — чуть дороже.

Следующий наш материал — интервью, которое мы взяли у Евгения Водолазкина, известного писателя, доктора филологических наук, научного сотрудника Пушкинского дома, про его учителя Дмитрия Сергеевича Лихачева, ставшего первым кавалером современного ордена Святого Андрея Первозванного. Интервью у Е. Водолазкина брала внучка Дмитрия Сергеевича — Зинаида Курбатова, корреспондент ВГТРК. Это ее личная история про то, как дедушка Дмитрий Сергеевич относился к государственным наградам, про то, как он однажды потерял звезду Героя Социалистического Труда и больше не нашел, но нашел выход из положения в течение суток. Читайте журнал «Историк»!

Закрывает эту тему номера колонка президента исторического факультета МГУ Сергея Павловича Карпова про орденскую историю. Но и дальше в этом номере у нас публикуются результаты всероссийского опроса, который журнал «Историк» в партнерстве с социумом провел на тему, как россияне воспринимают историю. Очень интересно!

Ну и дальше по случаю выхода сотого номера журнала «Историк» мы публикуем несколько знаковых и важных для нас поздравлений: председателя Государственной думы Вячеслава Викторовича Володина, Сергея Викторовича Лаврова, Николая Петровича Токарева (компания «Транснефть» нас активно поддерживает). В конце проанонсирую вам выставку, которая идет в Государственной публичной исторической библиотеке и посвящена журналу «Историк». Там, помимо выставки, есть такая приятная фишка: если вы туда придете и сделаете селфи, а затем подпишитесь на второе полугодие журнала «Историк», то получите в подарок наш специальный выпуск, который называется «Новейшая история России».

К сотому номеру журнала «Историк» мы подготовили особое издание, авторами которого являются здесь присутствующие коллеги: Руслан Григорьевич Гагкуев и Кирилл Андреевич Соловьев. Эта книга — биографический том о деятелях истории России с древнейших времен до наших дней, где мы собрали биографии более 250 деятелей российской истории, действительно, людей, оказавших значительное влияние на судьбу страны с момента зарождения государственности до наших дней. Это такой достаточно репрезентативный ряд совершенно разных людей. Мы понимали, что кто-то может увидеть в этом какую-то провокацию, ведь у нас здесь есть, скажем, и Варлам Шаламов, отсидевший на Колыме определенное количество лет, и Лаврентий Павлович Берия, который работал над атомным проектом, и Николай II, и Емельян Пугачев, и Александр Васильевич Суворов. Мы попытались собрать людей разных взглядов, разных мнений. Тут и Андрей Дмитриевич Сахаров, скажем, и Дмитрий Федорович Устинов. В общем, люди разных представлений, но тем не менее, как мы считаем и создавших Россию, в которой мы сейчас живем. Авторы у нас достаточно пристойные. Авторский коллектив включает в себя 30 человек. Это и писатель Юрий Поляков, и историк Рой Медведев, и Николай Васильевич Борисов из МГУ, и Николай Михайлович Долгополов из «Российской газеты», Игорь Львович Андреев, политолог Дмитрий Евстафьев, Антон Анатольевич Горский, Кирилл Андреевич Соловьев, Руслан Григорьевич Гагкуев и другие. Всего у нас шесть глав: «Истоки державы», «Создание империи», «Расцвет империи», «Рассыпанное царство» (это цитата из Василия Розанова про начало XX в.), «Советская сверхдержава» и «Новая Россия» (это уже период с девяносто первого года). Вот некоторые полосы. Это Борис и Глеб, это Петр Великий, это Александр Михайлович Горчаков, это Михаил Васильевич Нестеров. Это не энциклопедия, это — беллетризованная биография, может быть, даже эссе. Есть лента времени и иллюстрация,

относящаяся к конкретному человеку. Про XX в. я выбрал для презентации Высоцкого, но про XXI в. я выбрал Президента, о котором написал Рой Александрович Медведев — ветеран исторической биографии и популяризации истории в нашей стране. Очень интересен алфавитный указатель. Если по алфавитному указателю идти, какие получаются интересные подборки: Сперанский, Сталин, Станиславский, Столыпин, Суворов, Путин, Пушкин, Растрелли, Рахманинов, Репин, Пирогов, Плеханов, Плисецкая, Победоносцев, Пожарский. Вот такую штуку мы сделали к нашему сотому номеру. Спасибо вам всем!

Дискуссия пленарного заседания

В. В. Кириллов: Из приветственных выступлений мы плавно переходим в научную составляющую нашей конференции. Передаю слово для ведения научной части конференции доктору исторических наук, профессору Ольге Геральдовне Малышевой. Пожалуйста, Ольга Геральдовна!

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Добрый день, уважаемые коллеги! Позвольте поблагодарить открывших нашу работу выступающих и отдельное спасибо Владимиру Николаевичу, который погрузил нас в историческое пространство, и плавно перейти к нашей дискуссии.

Проблематику выбрали следующую — «Россия перед вызовами XX века». Тема очень широкая и каждый из участников, наших уважаемых гостей, продумал примерную проблему, с которой он хотел бы сделать небольшую такую вводную и приглашаем весь зал к активному обсуждению, к вопросам, в том числе это относится и к тем, кто присутствует на нашей конференции дистанционно.

Мы попросили начать нашу дискуссию Руслана Григорьевича Гагкуева, доктора исторических наук, исполняющего обязанности председателя правления Российского исторического общества, исполнительного директора фонда «История Отечества». Пожалуйста, Руслан Григорьевич, Вам слово!

Р. Г. Гагкуев: Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Хотел бы поприветствовать всех участников сегодняшней конференции от Российского исторического общества. Мы довольно давно и активно взаимодействуем с Московским городским педагогическим университетом и в рамках нашего Московского отделения, о чем Степан Владимирович уже говорил, и напрямую, с его преподавателями, студентами. Я думаю, что наше плодотворное сотрудничество продолжится обязательно и в дальнейшем.

Тематика конференции, которая определена как «Три измерения политической истории России», показывает нам, насколько наше настоящее и наше будущее основаны на тех исторических событиях, которые происходили иногда недавно, а иногда уже очень давно. Насколько все это тесно увязано в единую нить и насколько важно понимать контекст исторических событий, их влияние на то, как развивается страна и весь мир.

Будучи прежде всего специалистом по истории Гражданской войны, размышлял, какая из тем может быть интересна для данной конференции, для обсуждения в ходе нашей сегодняшней дискуссии, и, на мой взгляд, один из таких главных вопросов, влияние которого на историю страны в настоящее время мы несколько

упускаем из виду, это интервенция. Я напомним, что в Советском Союзе, когда шел разговор о событиях 1917–1922 гг., как правило, всегда говорилось: «Гражданская война и иностранная военная интервенция». Значению интервенции уделялось очень большое внимание и это была едва ли не главная составляющая того гражданского противостояния, которое у нас было уже более 100 лет назад. Говорилось о трех комбинированных походах Антанты, об участии иностранных войск, о поставке вооружения, материальной помощи и так далее. То есть это была доминирующая оценка на протяжении фактически всего времени существования советской историографии.

Если мы посмотрим на современную российскую историографию, то тут другая крайность: значению интервенции уже продолжительный период не уделяется должного внимания. Ушел и сам термин «Гражданская война и иностранная военная интервенция». Если говорится о роли иностранных государств в Гражданской войне, то в большинстве случаев упоминаются союзники, некие союзные контингенты и т. п. Где же здесь правда и как собственно эти события связаны с текущим нашим днем, современностью, о чем мы говорили в самом начале.

Истина, как часто бывает, находится где-то посередине. Конечно, когда мы говорим об исходе Гражданской войны, с одной стороны, правы советские историки, говорившие о том, что роль иностранной интервенции была очень значима и очень велика, но тем не менее вмешательство вооруженных сил, участие иностранных войск непосредственно в столкновениях на передовой в противостоянии с Красной армией все-таки было достаточно ограниченным. Речь больше шла об материальном снабжении, о поставках вооружений.

Фронты Белого движения возникали на окраинах Российского государства. Они были бедны промышленной базой, материальной базой, и, конечно, без поставок из-за рубежа они вряд ли смогли бы противостоять Советской России. Поставки вооружения — это и винтовки, и артиллерия, и танки, и авиация, обмундирование, в которое, в общем-то, были одеты все армии на белых фронтах, материальная помощь. Все это приходило из-за рубежа и влияло на продолжительность того конфликта, который происходил внутри нашей страны. Поэтому, с одной стороны, нельзя недооценивать участие интервентов в этой войне, но и преувеличивать тоже нельзя, так как армии главных союзников по Антанте, а также Японии непосредственно в боевых столкновениях принимали участие, пожалуй, только на Северном фронте, который был даже не второстепенным, а, пожалуй, третьестепенным фронтом Гражданской войны.

И раз мы затронули тему иностранного участия, то здесь нельзя не сказать и о другой стороне. Советская власть хоть и не могла похвастаться союзом с иностранными государствами, но тем не менее использовала иностранную военную силу в лице иностранных граждан, которые по разным причинам оказались на территории России. Речь идет и о военнопленных, которые привлекались в качестве добровольцев или полудобровольцев в ряды Красной армии. Речь идет о многочисленных китайцах, которые участвовали в красных формированиях. Кстати, еще по оценке советских историков, которые были сделаны в 1950-е и 1960-е годы, речь шла не менее чем о пятидесяти тысяч участниках из китайских добровольцев в рядах Красной армии. Это отдельная большая тема, о которой можно долго говорить.

Хотел бы обратить внимание, что сейчас мы во многом наблюдаем параллели с теми событиями, которые происходили в нашем прошлом уже более чем 100 лет назад, и тем, что сейчас происходит на Украине. Конечно, конфликт имеет в существенной

степени элементы гражданской войны, о чем, насколько я помню, в своем выступлении говорил и наш президент Владимир Владимирович Путин. И в том и в другом случаях та материальная помощь, которая поступает из-за рубежа, она в существенной степени влияет на продолжение конфликта. И в том и другом случаях была и есть экономическая блокада вокруг Советской России и современной России, о которой, наверное, тоже не стоит забывать.

Все это, казалось бы, уже было в нашем прошлом и повторяется в некоем новом виде, и прямые параллели, наверное, не очень будут уместны, но в ряде случаев, как мне представляется, их вполне можно и нужно провести. Вот, наверное, то, о чем имеет смысл поговорить. Большое спасибо!

Ю. Ю. Гребенчиков: Уважаемый Руслан Григорьевич, вопрос от зрителей трансляции: как вы оцениваете сегодняшнее состояние изучения истории Гражданской войны в России?

Р. Г. Гагкуев: Спасибо. Историография Гражданской войны сейчас находится на том этапе, когда происходит осмысление событий Гражданской войны в целом. Долгое время на протяжении нескольких десятилетий существования российской историографии основное внимание уделялось изучению лагеря, который противостоял Советской России, противостоял большевикам. Это было вполне понятно, потому что в советское время выходило огромное количество работ по самым разным аспектам истории Советского государства и истории Красной армии. Когда появилась возможность проводить исследования противостоящего им лагеря, это захватило многих историков, в том числе и меня, и моих коллег. Основное внимание уделялось именно изучению противостоящих Советской России сил, в основном Белого движения, но не только. Сейчас, как мне представляется, тот объем накопленных знаний, проведенных исследований подводит нас к тому, что будут появляться все-таки работы, которые охватывают виденье в целом тех событий, которые происходили в стране с 1917 по 1922 г. Важной вехой станет тот двухтомник по истории Гражданской войны, подготовка которого практически уже завершена в рамках работы Института российской истории Академии наук над двадцатитомной историей России. Вот один из томов в двух книгах как раз будет посвящен Гражданской войне, и он уже в ближайшее время отправится на редакционную подготовку в издательство «Наука» с тем, чтобы в будущем году увидеть свет. Обязательно проведем его презентацию и подробно о нем расскажем. Я знаю, что и присутствующие в этом зале тоже участвовали в его подготовке.

Что касается даты начала Гражданской войны, об этом, наверное, можно отдельную лекцию прочитать, при необходимости конечно. Скажу лишь кратко, что среди историков едва ли будет когда-то достигнут консенсус, что будет названа некая точка, некая дата, с которой начинается Гражданская война, а до этого вот была революция. Я все-таки склоняюсь к той точке зрения, с теми коллегами солидаризируюсь, которые считают, что революция и гражданская война — это единый процесс. И отгородить каким-то образом, провести некий рубеж, когда было одно, а когда началось другое, в общем-то, невозможно, да, наверное, и не нужно. Боевые действия по факту начались с осени 1917 г., шли далее по нарастающей, хотя, в общем-то, были, конечно же, очаговые. А полномасштабная гражданская война, здесь я думаю, что это оценка, которая давалась еще в советской историографии, весна – лето 1918 г. — вполне верна.

О. Г. Малышева: Спасибо. Вопрос из зала. Просьба представляться.

Михаил Михайлович Юспа (аспирант Республиканского института высшей школы, Минск, Республика Беларусь): Добрый день, уважаемые коллеги! Добрый день, Руслан Григорьевич!

Как вы отметили, сегодняшняя специальная военная операция — это такая форма гражданской войны между двумя частями большого русского народа. Соответственно, украинская армия является в том числе тоже правопреемницей русской армии. Мы видим, как сегодняшние принципы ведения войны со стороны Российской Федерации резко контрастируют с принципами, которые используются украинской армией с точки зрения человечности, справедливости, защиты мирного населения. Как вы считаете, когда шла Гражданская война, когда было два противоборствующих лагеря, у которых морально-этические принципы ведения войны не всегда соответствовали друг другу... Не кажется ли Вам, что именно в Гражданскую войну мы видели такую же ситуацию морально-этического дисбаланса ведения боевых действий. И как Вы считаете, повлияло ли это в дальнейшем на формирование семантического капитала современной русской армии? Спасибо.

Р. Г. Гагкуев: Спасибо. Интересный вопрос. Попробую на него все-таки ответить, хотя, наверное, это будет непросто. Но, прежде всего, я не считаю украинские вооруженные силы наследницей русской армии. Возможно, вы находите какие-то символические для этого основы, но, с моей точки зрения, сам по себе тезис неправомерен, особенно учитывая, что параллели проводят украинские вооруженные силы с теми формированиями, которые создавались в 1917–1918 гг., и едва ли здесь может быть найдена какая-то правопреемственность. Потому что, хотя украинские вооруженные силы времен народной республики и украинской державы создавались на руинах русской армии, тем не менее их преемственность, с моей точки зрения, весьма сомнительна.

Если же говорить о Гражданской войне, вы знаете, это очень такая сложная тема. Здесь есть риск всегда скатиться к обсуждению, у кого было больше жертв, с чьей со стороны террор был более жесток, и так далее. Тема, которая едва ли, по крайней мере на данном этапе развития нашего общества, может найти какой-то определенный консенсус.

Я бы обратил внимание на другое обстоятельство — гражданская война, хотя, казалось бы, она по своим масштабам гораздо менее значима, чем Первая мировая война и количество жертв непосредственно в боевых действиях было меньше, тем не менее мы до сих пор помним о том, насколько она была жестокой. То противостояние, которое было между согражданами, протекало очень и очень ожесточенно с обеих сторон. Случаи террора, что со стороны красных, что со стороны белых, в воспоминаниях упоминаются достаточно часто. Но вместе с тем, конечно, если говорить о терроре, который проводился Советской властью, он был, безусловно, более системен. Это была некая системная политика, осуществлявшаяся вполне осознанно, в то время, как то, что происходило на белых фронтах, зачастую было сиюминутно и как реакция на определенные события, хотя и не менее жестоко и не менее трагично для всей страны.

С точки зрения выработки, как вы говорите, основы или багажа Красной армии, с одной стороны, преемственности русской армии формально не было вовсе. Абсолютно новая армия, которая начинала формироваться, по сути, с чистого листа. Но, с другой

стороны, в ее формировании участвовало русское офицерство. Здесь, прежде всего, можно сослаться на последние исследования, которые по этой теме проводил Андрей Владиславович Ганин. Не знаю, насколько ответил на ваш вопрос, но постарался.

О. Г. Малышева: Спасибо, Руслан Григорьевич.

Слово предоставляется Соловьеву Кириллу Андреевичу, доктору исторических наук, профессору школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ Высшей школы экономики, главному научному сотруднику центра «История России XIX – начала XX века» Института российской истории Академии наук. Пожалуйста, Кирилл Андреевич, Вам слово.

К. А. Соловьев: Большое спасибо организаторам за возможность выступить и возможность поучаствовать в интересной дискуссии.

XX в., о котором мы сегодня с вами говорим, — очень разный. Как будто бы мало общего между началом XX в. и его концом. Но есть нечто, что объединяет столь разные эпохи. Это было «как будто бы давно, но при этом остается очень близким». Всякая дискуссия, посвященная началу XX в., до сих пор вызывает ожесточенные споры — настолько, что возникает ощущение что речь идет о днях если не вчерашних, то позавчерашних.

В той презентации, которую предложил Владимир Николаевич [Рудаков] в связи с книгой, которая вскоре должна выйти, период, которым я специально занимаюсь, назван «рассыпанным царством». Красивая формула, как и многое, что вышло из-под пера Василия Васильевича Розанова, но как всякая красивая формула, она не очень точна. Что-то оказывается в тени, что-то, наоборот, излишне выпячивается.

Да, безусловно, начало XX в. — это очень бурная эпоха, связанная не только с успехами, но и с очевидными трудностями, кризисом, периодом турбулентности. Но мне важно подчеркнуть следующее — это время невероятной динамики. Динамики роста во всем: в области культуры, экономики, социальных отношений. И в общественной жизни, о которой я сейчас скажу немного подробнее.

Когда передо мной была поставлена задача обозначить ключевые проблемы, которые стояли перед Россией начала XX в., я несколько растерялся. Важных проблем много. По большому счету все они важны в той или иной степени. Они сказываются и на нас. В этом смысле готов совершенно согласиться с Русланом Григорьевичем [Гаккуевым]. История — это мы, потому что мы ее постоянно переживаем и ощущаем даже тогда, когда ее и не знаем. Но я решил остановиться на той проблеме, о которой говорят реже, что явно несправедливо. Это проблема общественного движения начала XX в.

Казалось бы, очень простой и ясный сюжет, ни у кого не вызывающий особых вопросов. Сколько вышло книг, посвященных общественному движению? Великое множество, и выйдет еще больше. Сколько вышло статей? Еще больше, чем монографией. В конце концов, в любом учебнике обязательно есть параграфы, посвященные общественному движению, и как будто не возникает вопросов, о чем идет речь, а, на мой взгляд, это не вполне оправданно.

Дело в том, что если бы мы задались целью перевести словосочетание «общественные движения» на любой современный европейский язык, то, мне кажется, возникли бы проблемы. Общественные движения — не политическое, не социальное, не публичное движение. Как объяснить в таком случае, о чем идет речь?

Чтобы в этом разобраться, необходимо провести «археологическую экспедицию» в области понятий и выяснить, когда это словосочетание возникло. Я буду излагать свою гипотезу, но пока я не нашел ей опровержения.

Мне представляется, что «общественное движение» — это словосочетание, которое вышло из-под пера Александра Николаевича Пыпина, как и много другого в истории общественной мысли. У него оно возникло путем удивительного скрещения. Он долгое время писал об общественных течениях и литературных движениях. В тот момент, когда он приступил к характеристике эпохи Александра I, у него два этих понятия скрестились. Почему это любопытно и важно? Потому что это демонстрирует неразрывную связь применительно к XIX – началу XX в. литературного и общественного процесса. Тогда, когда вокруг журналов складываются движения. Когда литератор — это не просто беллетрист. Когда литературный кружок — это не просто кружок, обсуждающий литературный текст, это нечто существенно большее. Очень характерны слова из переписки Ленина и Плеханова, когда Ленин говорит о необходимости создания литературной группы. По сути дела, речь идет о партийном строительстве. Это как раз подчеркивает специфику общественного движения начала XX в. Это что-то на грани политического и неполитического, легального и нелегального.

Общественное движение во многом объясняет характер политического процесса периода Первой революции 1905–1906 гг. Все можно перевести в цифры, подсчитать. Всякий подсчет будет очень условен, неточен. Для начала нужно определиться с «обществом». Я думаю, не нужно объяснять этой просвещенной аудитории, что когда говорилось об обществе начала XX в., то имелся в виду отнюдь не социум, не вся совокупность поданных Российской империи, а то, что с очень высокой долей условности можно назвать образованным меньшинством. Словосочетание неудачное, потому что речь идет не столько об образованности, сколько об активной общественной позиции. Сколько можно причислить к такому обществу применительно к началу XX века?

Историография спорит об этом сейчас, спорить будет и завтра. Это совершенно неизбежно. Называются очень разные цифры. От Лютца Хефнера, который считает, что российское общество — это 1,5–3 % от населения, до Бориса Николаевича Миронова, который полагает, что на определенном этапе — до 10 %, а уже после 1905–1906 гг. — 16 % населения Российской империи. Но при всем при том речь идет о меньшинстве, правда, очень весомом меньшинстве, численность которого исчисляется шестизначными цифрами. Но в этом «обществе» общественное движение — это крайне незначительный сегмент. Применительно к 1904 г., при всех возможных натяжках, можно насчитать несколько десятков тысяч человек на всю Российскую империю. Это будет уже довольно много. Да, эта цифра будет заметно расти в период революции в 1905–1906 гг., в 1917 г., но примечательно что между 1905–1906 и 1917 гг. общественное движение ждет провал, количественный в том числе.

Масштаб явления лучше не рассчитать, а прочувствовать. Я приведу следующую, на мой взгляд, весьма красноречивую информацию. Наталья Михайловна Пирумова подсчитала участников земского движения. В 1905 г. в земском движении приняло участие до 300 человек. Они все пересчитаны, можно назвать их поименно, это не так сложно. Это приблизительно из 13 тысяч земцев. Но возникает в таком случае вопрос: а может быть, и не стоит тогда изучать общественное движение, раз оно столь малочисленно? На мой взгляд, ответ прямо противоположный. Стоит.

Именно потому и поразительно его значение, что формальные характеристики мало что дают для понимания этого явления.

Я бы выделил три проблемы. Первая проблема — структурированности общественного движения. Опять же, не вдаваясь в детали, может быть, несколько упрощая, я бы сформулировал проблему следующим образом. Общественное движение в России на начало XX в. структурировалось вокруг трех институтов: печать, университеты, земства. Значение печати не вызывает больших вопросов. С университетами и земствами дело обстоит сложнее. И для одной, и для другой структуры характерна своего рода бинарность. Речь идет о студентах и профессорах в университетах, земцах и земских служащих в органах самоуправления. Они выполняют разные ролевые функции, принадлежат к разным социальным средам. У них разный социальный опыт. У них, в конце концов, разные политические симпатии. Земцы в значительной мере будущие октябристы. Земские служащие — это та среда, из которой будут формироваться будущие леворадикальные организации, преимущественно неонароднического свойства. Профессура в огромной своей части будет симпатизировать конституционно-демократической партии. Студенчество заметно более радикально и, судя по переписям, которые имели место уже после Первой русской революции, речь идет о распределении симпатии между социал-демократами и эсерами. Влияние кадетов не столь существенно. На полюсах бинарных конструкций есть разногласия, а с другой стороны, есть внутреннее единство, о котором абсолютно оправданно пишется в современной историографии: например, об университете как единой семье, которая объединяет и профессоров, и студентов; о земстве, где земцы чувствуют свою ответственность за так называемый третий элемент — за земских служащих. Это неоднородная среда, которая в то же самое время по-своему монолитна, что позволяло общественному движению восполнять кадры в условиях Первой русской революции. Взрывообразный рост в огромной степени этим и объясняется. Общественное движение и благодаря университетской кафедре, и благодаря печатному слову, и благодаря, в том числе активности земских учреждений, которые могли доносить свои решения с помощью газет и журналов, участвовало в формировании смыслов, на которые так или иначе реагировали все, включая и бюрократические канцелярии.

Третье, на мой взгляд, самое важное, — очень сложно развести российское общество и российскую власть. Мы видим сходящиеся явления. Лица «по разные стороны баррикад» тем не менее принадлежали к примерно одному социальному кругу, читали одни газеты и журналы. Они признавали общую проблематику и чаще всего были готовы реагировать на нее схожим образом. На самом деле в земстве участвовали в том числе представители и высшей бюрократии, и гвардейского корпуса. Они могли относиться к друг другу по-разному, иногда с высокомерием, но тем не менее эта площадка оказывалась точкой схождения очень разных сил. С другой стороны, вполне очевидно, что в университете преподавали будущие министры, и чаще всего учились будущие министры. Эта та среда, из которой формировалась управленческая элита Российской империи.

Близость одной и другой социальной группы говорит о том, что вопрос общественного движения, а потом партийного строительства — это в том числе проблема раскола элит, о которой обычно говорят в связи с революциями вообще и Первой русской революции в частности. Именно поэтому данный сюжет в условиях «рассыпанного царства» начала XX в. приобретает особую актуальность. Спасибо.

О. Г. Малышева: Спасибо за очень интересную постановку проблемы. Пожалуйста, вопросы к нашему уважаемому докладчику. Пожалуйста, Степан Владимирович.

С. В. Орлов: Кирилл Андреевич, Вы говорили о таких центрах кристаллизации о общественных течений общественных движений: литературные журналы, университеты и земства. Почему Вы не упоминаете городские думы, в частности Московскую городскую думу, Санкт-Петербургскую городскую думу?

К. А. Соловьев: Нет, совершенно не собираюсь обижать городское самоуправление, но все-таки нужно понимать, что удельный вес и значение земских учреждений было выше и возможностей было больше. Все-таки земства мобилизовывали представители поземельной аристократии. Земство — это, прежде всего, конечно, активные землевладельцы. Но, конечно, городское самоуправление тоже в этом процессе участвует!

С. В. Орлов: Сколько общественных деятелей прошло через школу гласных Московской городской думы.

К. А. Соловьев: Проблему можно сформулировать шире: участие органов самоуправления, с некоторым преимуществом земских учреждений.

Я. В. Леонтьев: Спасибо. Кирилл Андреевич, сейчас формула такая появилась, как «контрэлита». Вот можно ли все, о чем Вы говорили, объединить этой формулой? И второй вопрос: насколько все-таки эти властители дум — контрэлита — могли прийти? Мог ли осуществиться транзит оппозиции во власть или возможен был только путь революционных преобразований в начале XX в.?

К. А. Соловьев: Спасибо большое. Но вопросов как будто бы два. На самом деле их больше, и о каждом можно говорить специально. Мне кажется, что применительно к тем группам, о которых я говорил, отчасти можно использовать понятие «контрэлита». В большинстве же случаев можно просто говорить об «элите». Иван Логгинович Горемыкин — министр внутренних дел — представитель бюрократической элиты? Несомненно. Вместе с тем он активный участник земских учреждений в родной Новгородской губернии. Одно от другого никак не отделить. Это яркий пример, но далеко не единственный. Участники земского движения — в огромной степени те, кто формирует повестку в печатных органах, те, кто принадлежат к управленческой элите Российской империи или теснейшим образом с ней связаны.

Мой любимый кружок «Беседа», которым я специально занимался. Кто это такие? Это представители княжеских семейств, представители высшей российской аристократии, чаще всего обладающие большим материальным состоянием, большими связями при дворе, активно этим пользующиеся. Павел Сергеевич Шереметев — один из создателей кружка «Беседа» — был другом детства Николая Александровича, Николая II. Этим ресурсом он пользуется в том числе, чтобы получать информацию о том, что происходит в самых высших средах. Потом через него эта информация оказывается уже у будущих «освобожденных». Возникает вопрос: Шереметев — кто он? Он представитель той элиты, того общества, которое рассчитывало участвовать в формировании политического курса.

Частью этого общества были фрондировавшие сановники. Я бы сказал, более того, если не разбираться в том, как себя ведет бюрократия в условиях Первой русской революции, то понять логику процессов на тот момент сложно. Бюрократия тоже активный участник, и причем не на стороне текущего на тот момент политического режима. Бюрократия — это тоже общественность.

Иными словами, часть общественности — это контрэлита. Но сама общественность возникла на расколе элит. Это фактор предстоявшей революции, к которой Россия уверенно шла с 1881 г. В этом смысле мне кажется очень удачной формула, которую в свое время предложил Федор Александрович Гайда: события 1905–1906 гг. заметно более укоренены в российской истории, чем события поздние, 1917 г. То, что будет в пятом – шестом году, то, к чему Россия шла в течение предыдущих нескольких десятков лет. Очень трудно было эту развилку пройти иначе, нежели путем революции.

Совершенно необязательно, чтобы это случилось бы в пятом году или в четвертом, а не в шестом, седьмом... Это не имеет принципиального значения. Политическая же встряска была неизбежна.

Ю. Ю. Гребенщиков: Уважаемый Кирилл Андреевич, вопрос от зрителей трансляции: как Вы полагаете, какие аспекты истории общественно-политических движений на сегодняшний день наименее исследованы? Есть ли белые пятна в этой теме?

К. А. Соловьев: Я полагаю, что в основном-то белые пятна и есть. Можно и так ответить. Но с чего бы я начал ликвидацию белых пятен — это с той проблемы, которую я обозначил в самом начале: нужно определиться с понятийным аппаратом. Причем понятийным аппаратом, которым мы пользуемся и, главное, которым пользовались участники тех событий. Вот если иметь это в качестве отправной точки, то тогда любое исследование станет в чем-то проще.

Ярослав Александрович Мишенков (магистрант Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия): То, что все предреволюционные события в истории России начала XX в. являлись противостоянием правящей элиты и контрэлиты, как раз подтверждает достоверность теории классической классических политических элит итальянских политических деятелей: В. Парето, Р. Михельса и Г. Моски. То, о чем они говорили и писали, как раз это и подтвердилось в истории России начала XX в.

К. А. Соловьев: Спасибо большое, но понимаете, в чем дело: короткий вопрос не обязательно предполагает короткий ответ. Если попытаться очень коротко ответить: тут вот в чем проблема. Определения политической элиты, которые предлагали Г. Моска и В. Парето, очень разные. Авторы формально сходятся, движутся в общем направлении, но решают проблему по-своему. Мы чаще всего (и я сегодня) используем понятие «политическая элита». Оно восходит как раз к работам Вильфредо Парето. Но применительно к тому периоду, о котором мы с вами говорим, политический класс, о котором писал Г. Моска, лучше подходит. Термин «политические класс» предполагает более расширительную трактовку политического участия. Я отвечаю по возможности кратко, чтобы просто не злоупотреблять вниманием аудитории. Однако важно отметить, что

те итальянские и немецкие авторы, на которых Вы ссылаетесь, не имели одного ответа. Разные проблемы решались по-разному в разных странах. Это относится и к России, где политическая жизнь протекала по-своему. Тут нужен корректный перевод для того, чтобы точнее обозначить проблемы, о которых мы с вами говорим.

О. Г. Малышева: Большое спасибо, Кирилл Андреевич! Движемся дальше. Слово предоставляется Степану Владимировичу Орлову.

С. В. Орлов: Спасибо. Мы говорим о вызовах, которые стояли перед Россией, перед Советским Союзом в XX в. Уже обсуждали и Гражданскую войну, и общественное движение, течения начала века. Я предлагаю перенестись во вторую половину XX в. Во все времена историки, философы, политологи, правоведы пытались как-то определить: на какой стадии развития находится цивилизация, человечество, страна, культура. Использовались самые разные термины, это, наверное, тоже важно. И во второй половине XX в., в послевоенный период, начинается активное обсуждение вопросов перехода от индустриального общества к обществу информационному. Начали неожиданно активно развиваться информационные технологии во всех областях, и встает вопрос: что же такое информационное общество и переходим ли мы к нему? И когда, в какие сроки?

Изобретение самого термина «информационное общество» приписывается профессору токийского теологического института Юдзиро Хаяси. Он обрисовал эти контуры в своих докладах, которые направлял в японское правительство в 60-х – начале 70-х гг. Не буду обосновывать его концепцию. На другом континенте в 1973 г. известный американский философ социолог Дэниэл Белл публикует свою работу «Грядущее постиндустриальное общество», в которой обосновывает тезис о том, что постиндустриальное общество — это общество информационное. Именно в него переходят уже страны Америки, Европы и Дальнего Востока. Но, на самом деле, схожие процессы и в технологиях, и в осмысления этих технологий, в философской мысли — эти же процессы идут и в Советском Союзе. В Советском Союзе после войны начинают активно развиваться информационные технологии, развивается математика, развивается кибернетика. Ну, в частности, 4 декабря 1948 г. Государственный комитет Совмина СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство выдает авторское действие на изобретение автоматической цифровой вычислительной машины. Это первый официально зарегистрированный документ, касающийся развития информационных технологий и вычислительной техники в нашей стране. Работа по осмыслению этих процессов в основном идет в недрах математической и кибернетической наук, в ведущих технических вузах, в академических институтах. И здесь я не могу не назвать такую фигуру, как академик Глушков. Он был инициатором, идеологом разработки создания общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации, так называемой ОГАС. К сожалению, этот проект не был поддержан руководством страны. Хотя, я думаю, что эффект был бы колоссальный. Ну, как минимум, для экономики Советского Союза. Но Глушков был не только прикладным ученым, математиком, кибернетиком, он пытался осмыслить влияние информационных технологий на культуру, на общество. И предвидение будущего академика Глушкова просто поражает. Еще в начале восьмидесятых годов он описывал недалекое будущее. Просто процитирую, коллеги: «Недалек тот день,

когда исчезнут обычные книги, газеты и журналы. Каждый человек будет носить с собой электронный блокнот — комбинацию плоского дисплея с миниатюрным радиоприемопередатчиком. Набирая на клавиатуре этого блокнота нужный код, можно, находясь в любом месте на планете, вызвать из гигантских компьютерных баз данных тексты, изображения, которые и заменят не только книги, журналы и газеты, но и телевизоры». Это начало восьмидесятых годов!

Но не только в классической академической науке шло осмысление перехода Советского Союза к стадии информационного общества. Хотя, безусловно, таких терминов тогда не использовалось, это было бы таким абсолютно, наверное, антиправительственным заявлением. Мы все строили коммунизм, который должны были построить в ближайшее время. Ну и в диссидентском движении идет обсуждение схожих проблем. Здесь, конечно, нужно вспомнить фигуру академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Он в 1974 г. в своей статье «Мир через полвека», подготовленной для американского журнала *Saturday Review*, писал, что в будущем «особенную роль будет играть прогресс в области связи и информационной службы. Одним из первых этапов этого прогресса представляется создание единой всемирной телефонной и видеотелефонной системы связи. В перспективе, предполагаю создание всемирной информационной системы — он ее называл ВИС, — которая и сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки».

Таким образом, с одной стороны, классическая научная мысль, с другой стороны, диссидентское движение. И, если мы посмотрим на события перестройки, на события 1990–1991 гг., мы увидим, что в органах власти и Советского Союза, и уже Российской Федерации, в Моссовете и в Ленсовете, как раз и оказываются представители, с одной стороны, научно-технической интеллигенции, преемники, в том числе и Глушкова, и Лебедева; и, с другой стороны, представители диссидентского движения.

Таким образом, идеи информационного общества и переходы к информационному обществу, они, в принципе, находятся в центре, так можно сказать, дискуссии, которая ведется и в первых созывах Государственной думы, и на сессиях Моссовета, на первых сессиях уже Московский городской думы, обновленной, которая создается в 1993 г. И, в принципе, это приводит к тому, что уже в 1995 г. принимается Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации». Очень активно идет уже нормативно-правовое осмысление перехода к информационному обществу на уровне регионов. И, в частности, здесь Москва, наверное, опережает федеральные органы власти. И уже в 2001 г., скажем так вот, закрывая историю XX в., в Москве принимается концепция движения Москвы к информационному обществу.

А сейчас уже, наверное, мы все признаем, что мы находимся именно в стадии информационного общества. Хотя процесс и философского, и политологического, и социологического осмысления вот этой стадии, он еще идет. И, безусловно, нам необходимо использовать инструментарий исторической науки, для того чтобы, понимать, как эти процессы шли и в Советском Союзе, и в раннем периоде развития уже новой, современной Российской Федерации. Спасибо!

О. Г. Малышева: Спасибо большое, Степан Владимирович! Ваше выступление вызвало интерес у нашей аудитории, поступили вопросы, пожалуйста.

Ю. Ю. Гребенщиков: Уважаемый Степан Владимирович! Вопрос из ютуба: какой самый яркий прорыв был в советское время с точки зрения информационных технологий?

С. В. Орлов: Считаю, что главным прорывом для меня как для историка стало самое начало развития информационных технологий. Потому что еще в 1940-е годы, сразу после войны в советском Киеве великий ученый Сергей Алексеевич Лебедев начинает разрабатывать первые электронно-вычислительные машины. И в тот период, я считаю, что мы абсолютно шли в общем технологическом процессе, ни в коей мере не отставая от наших европейских, американских или японских коллег.

Ю. Ю. Гребенщиков: Спасибо! Второй вопрос из сети: в чем вы видите проблемы для развития компьютерных технологий в России?

С. В. Орлов: Здесь я соглашусь с Кириллом Андреевичем: на такой вопрос можно отвечать часами. Тем более с привлечением ученых, относящихся к самым разным сферам знания.

Я считаю, что компьютерные технологии в России развиваются очень активно. Нам необходимо, безусловно, учитывать тот опыт, который уже накоплен, потому что в какие-то периоды мы все-таки немножечко отставали здесь и от стран Азии, и от стран Европы и Америки. Активно использовать тот опыт, который накоплен для того, чтобы мы могли воспользоваться так называемым эффектом стадиона, когда вроде бы отстающий на каком-то этапе становится уже первым, потому что у него есть возможность использовать тот опыт, который уже есть, и перескакивать какие-то стадии развития.

О. Г. Малышева: Спасибо, Степан Владимирович, мы движемся дальше по регламенту, если нет возражений. Слово предоставляется Сергею Викторовичу Девятову, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

С. В. Девятов: Спасибо большое. Мне радостно находиться здесь. Многие годы я был тесно связан с этим замечательным университетом: я здесь преподавал.

Уважаемые друзья, коллеги! Я хочу рассказать о уже историческом моменте, об исторической дате, которая у нас достаточно подзабыта. Дело в том, что существовала такая дата — 25 декабря 1991 г. То есть это уже прошел путч, уже существует реальное двоевластие в стране: власть союзная и власть российская. И вот дата, которая абсолютно незаслуженно забыта, она как-то никогда особо не отмечается. А, на самом деле, чрезвычайно любопытный момент.

Начинался этот день достаточно спокойно. Заседает Съезд народных депутатов РСФСР. Но неожиданно в качестве дополнительного на заседание съезда выносятся вопросы о том, что название РСФСР для России уже неактуально. Ну, тогда все события происходили практически мгновенно. Съезд ставит вопрос на голосование. Подготовительных материалов к этому вопросу не было вообще никаких. И съезд голосует. То есть с 25 числа существует такое государство, как Российская Федерация. Не знаю,

почему этот момент не отмечается у нас. Дальше съезд принимает многочисленные решения о государственных премиях РСФСР, то есть готовилось все просто, вот «с колес», все документы подписывались еще с аббревиатурой РСФСР.

Борис Николаевич выступает на съезде. Это происходит в Белом доме, а в Кремле происходит иной процесс: приезжает Михаил Сергеевич Горбачев. Днем раньше — 24 числа — они 9 часов общались с Борисом Николаевичем, но о чем они говорили в тот момент, никто не знал. Приезжает Горбачев, собирает ближайших соратников и заявляет, что он сегодня уходит из власти, отказывается от поста президента, отказывается от поста председателя Совета обороны страны. И вызывает прессу. Пресса получает его комментарий по этому поводу около двух часов дня, сразу возникает множество вопросов: а судьба СССР? Что такое СССР после ухода Горбачева? Горбачев поясняет, что он распускает и Советский Союз. Я не знаю, насколько это юридически корректно выверено и так далее. Я просто не юрист. Но, во всяком случае, появляется именно такая вот точка зрения. Что будет вместо СССР — никто не знает.

В середине дня в Кремль приезжает Борис Николаевич. А надо сказать, что Кремль в этот момент, так же как и вся страна, имел ситуацию двоевластия. То, что Кремль — это резиденция Горбачева, понятно. В первом корпусе на третьем этаже у него кабинет — все очень хорошо.

Но, когда победил Ельцин, потерпел поражение ГКЧП, в Кремле организовали кабинеты для Бориса Николаевича Ельцина. Соседний, четырнадцатый административный корпус, 4-й этаж, с видом на Москву-реку, на Тайницкий сад кремлевский. Хороший вид.

Борис Николаевич приезжает. Понять, что происходило в этот момент сложно, но именно из Кремля он звонит человеку, которого по инерции называют министром обороны, — это маршал Евгений Иванович Шапошников. Который формально министром обороны стал в феврале следующего года, 1992-го. И объясняет, что Евгений Иванович должен приехать и забрать у Горбачева ядерный чемоданчик. Понятно, что этот вопрос явно обсуждался 24 числа. Как происходит передача высшего символа военно-политической власти? Никому прописать в голову не пришло. Ну, маршал Шапошников говорит: «Борис Николаевич, может, вы как-то вот по дружбе зайдете и заберете? Ну, так вот». Судя по воспоминаниям, кстати их надо будет опубликовать, маршала Шапошникова, видимо, договоренность была, что они вдвоем зайдут к Горбачеву и произойдет это событие. Борис Николаевич отказывается, говорит: ты заберешь. Я еще раз говорю: у Шапошникова нет полномочий, у него, кроме больших маршальских звезд на плечах, никаких полномочий реально не существует.

Очень любопытно: пресса. Ну, Горбачев общается с Гостелерадио, то есть понятно, советское теле-/радио, CNN. У Бориса Николаевича только CNN. Объявляется, что, видимо, прекратится существование Советского Союза, ждите объявления, ждите чего-то.

Шесть часов вечера. Горбачев официально под камеры подписывает указы о своем низложении, уходе, о прекращении существования СССР, о прекращении существования Совета обороны. После чего советская пресса уходит, а он начинает уже в качестве частного лица давать огромное интервью CNN. Этот момент прерывается тем, что приезжает Шапошников. Ну, я могу сказать, что вот пройти от кабинета Ельцина в кабинет Горбачева — это (там был тогда подземный проход) ну, метров 220–250,

то есть это, в общем, расстояние такое символическое, ну, 300 будем считать. Приезжает Шапошников. Пытаются понять, где будет передача. Шапошников не хочет, чтобы передавалось в кабинете Горбачева, выходит в приемную. Туда же вызывают офицера 9 отдела спецуправления Генштаба, это офицер, который находится при ядерном чемоданчике постоянно. Ну тогда просто так назывался: 9-й отдел. Подписывается документ о передаче. Ну, я могу сказать историческое событие: три строчки, две подписи и потом, видимо, секретари уже расшифровали, кто что подписал. Вообще потрясающий день. Все происходит в один и тот же день. Соответственно, маршал едет, не идет, к Борису Николаевичу, передает ядерный чемоданчик, ну, формально передает, потому что все равно с этим ядерным чемоданчиком конкретные сотрудники Министерства обороны.

Борис Николаевич уезжает из Кремля в Белый дом. Горбачев дает свое первое интервью в качестве частного лица. Все выдыхают и спокойно разъезжаются по домам.

А в 19 часов из Белого дома, из аппарата руководителя администрации президента уже Российской Федерации, идет звонок в Кремль с вопросом:

— А у вас на Кремле, на куполе здания Сената, какой флаг?

Логично, товарищи отвечают:

— Красный.

— Так у нас Советского Союза-то не существует!

Говорят, мы вот подумали на эту тему и выпустили распоряжение номер 190. Распоряжением руководителя администрации президента РСФСР — Юрий Владимирович Петров подписал, — кстати, не опубликовано до сих пор это распоряжение и в электронном виде его нет. Вот, давайте!

Я говорю: время уже 19 с копейками. Никого нет в Кремле. Есть дежурные службы, хозяйственные, комендатура Кремля, все остальные уже отдыхают, отмечают что-то. Ну, в Кремле логично говорят, что, мол, дорогие друзья мы готовы, но нам бы бумажку и флага у нас нет российского, флага — триколора — нет.

Срочно посылают машину в Белый дом. В Белом доме берут флаг, который готовился развеяться над Белым домом. Ну, всегда таких флагов где-то порядка 10 штук, то есть они постоянно ротируют: какие-то выходят из строя, какие-то уходят в химчистку. Ну, в общем, флаг привозят. Пытаются понять: можно ли поднять — ну, система крепления флага — можно ли поднять флаг на флагшток. Выясняется, что можно. А дальше, в 19:35 спускается красный флаг, последний раз спускается с купола кремлевского Сената. В 19:45, через 11 минут, поднимается российский триколор. У нас достаточно большие лакуны по документам по тому периоду. Надо сказать, что время было практически революционное, поэтому года до 1997 пробелы очень серьезные в документальных моментах. Но вот здесь сохранился уникальный совершенно документ — это расписка, если быть точным, акт о подъеме флага, ну, о снятии флага СССР и подъеме флага Российской Федерации, написанные от руки. Машинисток не было, они уже отдыхали. Написанный от руки и подписанный семью людьми, ну, видимо, всех, кого собрали, кто просто был в тот момент в Кремле. Это тогдашний комендант Кремля, тогда еще полковник Барсуков, это полковник Крапивин — комендант комендатуры резиденции президента СССР и президента РСФСР, это Виктор Егорович Савченко — в будущем он станет замуправделами Президента, тогда он был начальником хозяйственного управления Белого дома, и четыре технических исполнителя. Вот такой уникальный акт есть. Надо сказать, что меня всегда очень мучил вопрос: почему вот это неизвестно? Но вот Владимир Николаевич Рудаков все-таки

материал этого уникального дня опубликовал в замечательном журнале «Историк». Огромная благодарность!

Не мог не рассказать, потому что абсолютно переломный, абсолютно забытый элемент истории. Для нас это наша современность, для большинства сидящих здесь это, конечно, уже в чистом виде история.

О. Г. Малышева: Спасибо большое, Сергей Викторович. Мы затаив дыхание слушали этот интереснейший рассказ, абсолютно уникальный, который относится к еще одному вызову, с которым столкнулись мы, страна, общество в конце ушедшего столетия. В Ваш адрес поступили вопросы. Я думаю, что самое интересное мы озвучим. Пожалуйста!

Ю. Ю. Гребенщиков: Уважаемый Сергей Викторович! Вопрос для Вас из чата нашей трансляции: возможно ли было в начале 1990-х установить федеративную систему устройства в России по типу штатов в США со своим законодательством и дать субъектам РФ большую самостоятельность?

С. В. Девятков: У нас существовала союзная система, которая давала отчетливо больше прав субъектам Федерации, и союзная система, которая тогда и существовала, во многом породила проблемы с распадом Советского Союза. Более того, в советские времена к этому относились очень спокойно, но, представьте себе, если бы после войны не была ликвидирована (изменен статус) Карело-Финской ССР (была такая республика), то мы бы имели не один анклав, ну, «полуанклав» — Калининград, мы имели бы два — еще и Мурманск. Да вот как-то так! Так что, на самом деле — это огромная проблема! Кстати, еще одна маленькая заметка. Флаги, которые были над Кремлем (последний флаг СССР, первый флаг Российской Федерации). В то время, в общем-то, таким вопросом не очень заморачивались, поэтому они были спрятаны в сейф. С 1994-го там же, в сейфе, лежал первый штандарт президента, который поднимался над Кремлем. Сейчас вы их можете увидеть! Прошло 30 лет. Как-то начальство, наконец, решило, что уже можно. Сейчас, 53-й павильон ВДНХ (в шаговой доступности отсюда), вот там можно увидеть подлинный последний советский флаг, первый российский, штандарт. Все флаги подписаны с датой снятия, подъема. Подписаны комендантом Кремля — тогда генерал-лейтенантом Барсуковым. Сейчас он генерал армии. Спасибо!

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Да, пожалуйста, вопросы из зала.

Степан Александрович Асташенков: (бакалавр института гуманитарных Московского городского педагогического университета): Здравствуйте! Хочу приветствовать всех участников чтений и задать вопрос Сергею Викторовичу.

На съезде Коммунистической партии 1990 г. профессор Михаил Васильевич Попов говорил о том, что течение событий ведет неизбежно к контрреволюции. А как оцениваются события 1991 г. с точки зрения современной российской исторической науки. Спасибо!

С. В. Девятков: Но если брать классические понятийные аппараты. Именно классический, не тот, который существует в публицистике, то, конечно же, к власти пришли правые, произошел контрреволюционный переворот в стране. К власти пришла

предыдущая социально-экономическая формация. Другой вопрос, что на сегодняшний день термин «общественно-политическая экономическая формация» активно оспаривается, потому что говорится о иных укладах, говорится об информационном обществе, о котором говорил господин Орлов, а это достаточно сложная вещь; более того, даже с точки зрения социальной здесь невозможно точно сформулировать, к сожалению, потому что, помимо канонических классов, которые у нас существовали в марксистскую эпоху, сейчас очень активно продвигается идея о том, что это не класс, это страты, которые имеют иные позиции. В любом случае, то, что произошло революционное изменение — это несомненно! Поменялось отношение к собственности, поменялась социальная структура или социальные страты. Кстати, очень любопытная книга по этому поводу есть у Симона Кордонского, это профессор Высшей школы экономики. Он очень плотно этим занимался, еще когда работал в Администрации Президента. И надо сказать, что ученый он от Бога. Так я рекомендую посмотреть его книгу по этому поводу.

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Да, пожалуйста, Ярослав Викторович.

Я. В. Леонтьев: Сергей Викторович, тогда будьте добры развить свои мысли. Если события 1991 г. и, наверное, по нарастающей с 1989 г. и раньше, действительно можно оценивать как революционные преобразование, как пик революционный, то можно ли в таком случае события осени 1993 г. оценивать, как термидор, а дальнейшие события как брюмер.

С. В. Девятков: Ну, во-первых, 1991 г. — все-таки контрреволюция. На самом деле, говорить о ситуации сейчас еще очень сложно, в первую очередь по одной причине. Дело в том, что на сегодняшний день мы находимся еще на фазе развития нового общества. Сразу могу сказать, с моей точки зрения, общества такого вот устойчивого на сегодняшний день еще не сложилось в Российской Федерации. Это еще этап строительства общества. Понятны основные принципы, цели, задачи, но дело в том, что в стройную систему это еще не вылилось. Эта работа идет, и она идет активно. Ну, а период 1991–1993 гг. — это, с моей точки зрения, акты гражданской войны на нашей территории. Мы просто не знаем на сегодняшний день количество ее жертв. Если по Москве — это относительно небольшие цифры. Я не беру союзные республики, но даже то, что происходило на Северном Кавказе — это вещи достаточно неоднозначные, все признаки гражданской войны они в себе несут.

О. Г. Малышева: Спасибо большое. Уважаемые коллеги! Свое видение той проблемы, с которой Россия столкнулась в двадцатом столетии, мы попросим изложить доктора исторических наук, профессора, доцента кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Ярослава Викторовича Леонтьева.

Я. В. Леонтьев: Спасибо! В России на протяжении XX в. и начала XXI в. пытались осуществлять два западных проекта: марксистский проект (хотя и, безусловно, с очень национальной спецификой, по крайней мере в большевистском варианте) и либеральный, тоже не обделенный почвенной составляющей, привнесенный

земцами. Сейчас объявлено, что западнический проект закрыт в целом. Что можно предложить взамен? Проект консервативной модернизации, опирающейся на знаменитую трехчленную формулу — триаду: православие, самодержавие, народность? Мы знаем, что дважды этот проект показывал свое несостоятельность. В середине XIX века (1850-е гг.) и к началу XX века, о чем мы и говорим сейчас, на этом круглом столе. Что остается в запасе? У нас, похоже, остается не так уж много вариантов. Может быть, стоит вспомнить народнический проект, о котором я собираюсь говорить. Вижу, что Кирилл Андреевич не вполне согласен, что закрыты либеральные проекты. Ну, либерально-народнический возможен. Здесь важно договариваться о понятийном аппарате и толковании смыслов. Действительно, тогда надо ставить вопрос: что такое народничество? Можно, ведь, даже ставить вопрос и о православном народничестве, как его поставила Надежда Винюкова в относительно недавно защищенной диссертации в нашем совете в МГУ об общественной и церковной деятельности о. Иосифа Фуделя. Нужно заново разбираться с историографической терминологией. Кстати, я не согласен с определением «неонародники» применительно к эсерам, хотя у нас, в нашем недавнем трехтомнике «Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.» он всюду используется.

Заодно с вашего позволения, коллеги, представлю две совершенно свежие книги. Эта вышла в самом конце прошлого года — трехтомник «Политические партии России» — наиболее свежее слово на сегодняшний день по заявленным проблемам. К. А. Соловьев является автором второго тома, посвященного либеральным партиям. Ваш покорный слуга участвовал в третьем томе. Он посвящен левым партиям и левым движениям. И здесь в оглавлении есть понятие «неонародничество»: часть I третьего тома озаглавлена: «Неонародники и анархисты». Я не вполне с этим согласен. Если порассуждать, собственно говоря, и эсеры, которые считались классическим продолжателями, конечно, революционно-социалистического народничества, все-таки, сами себя именовали левонародниками, а не неонародниками. Но, с другой стороны, куда тогда девать народных социалистов или другие родственные течения? Ну, в общем, это спорный, дискуссионный вопрос, стоит ли пользоваться этим понятием «неонародничество».

Вернусь к основной идеологической линии, прежде всего классического социалистического народничества. Это линия Герцен — Чернышевский — Лавров — Михайловский, плюс Виктор Чернов, как их продолжатель, внесший, наверное, наиболее глубокий вклад в теоретические разработки эсеров. Именно на Гусевских чтениях, стоит об этом, потому что Кирилл Владимирович Гусев в последний период своего творчества обратился как раз к наследию Виктора Чернова, выпустив в издательстве РОССПЭН монографию «В. М. Чернов: Штрихи к политическому портрету» (1999). Двумя годами раньше в том же издательстве была впервые напечатана на родине работа Чернова «Конструктивный социализм» — известная книга, которая подводила итоги поискам Чернова как теоретика и осмыслению произошедшей революции и путей исправления ее ошибок.

Наверное, советские историки пытались называть эсеров неонародниками для того, чтобы их отделять от классического революционного народничества, но сейчас все-таки это определение, на мой взгляд, сходит на нет. Нередко эсеров воспринимают как носителей идей аграрного или общинного социализма, начертавших на своих знаменах старый народнический лозунг «Земля и Воля», но это тоже несколько упрощенный

взгляд. Куда более правильно было бы назвать их приверженцами интегрального социализма, которые, не отметая ни Маркса, ни Бакунина, проповедовали субъективную социологию, определяющую роль личности в истории. Конечно, они уже учитывали и пользовались достижениями марксизма, особенно в таком его Бернштейнском варианте, использовали и новейшие идеи революционного синдикализма.

Это, конечно же, был синтез прежних идей русского социализма с новыми концепциями. Это и есть интегральный социализм. «Моя философия — интегрализм», — скажет Питирим Сорокин, в прошлом весьма активный эсер, вошедший в историю социологической мысли как создатель интегрального направления в современной социологии, теории социальной стратификации и социальной мобильности.

Хочу остановиться на причинах поражения народнических партий в 1917–1921 гг. Конечно, это очень сложный вопрос. Впрочем, один ответ лежит на поверхности. Левые народники — социалисты-революционеры, эсеры-максималисты, левые эсеры, эсеры-синдикалисты не сами ушли с исторической сцены, а их «ушли», лишив их сначала голоса, а потом и жизни. Эксперимент провести, конечно, нельзя, поэтому окончательно однозначного ответа никогда не будет. Но, скорее всего, это было вызвано целым комплексом причин, а не какой-то одной. Давайте пойдем по порядку. Во-первых, эсеры к 1917 г. потеряли все свои лучшие, наверное, кадры. И, прежде всего, потеряли в терроре, в революции 1905 г., на каторге. Не было у них и харизматических вождей, подобных Ленину. Лидеры, конечно, были. Но великолепный теоретик, эрудит Виктор Михайлович Чернов все-таки на роль харизматического вождя не годился, а Борис Викторович Савинков уже очень сильно сместился вправо. Да и вообще он, собственно говоря, не был классическим эсером никогда, сам себя называл «народоволом» (Вера Фигнер об этом пишет в воспоминаниях).

Недавно, коллеги, вышла любопытная книга Константина Морозова — первая научная биография Бориса Савинкова. У нее такой подзаголовок: «Опыт научной биографии». Кстати, Константин Николаевич, кажется, первым применил определение «коллективного лидера» применительно к руководству эсеров. То есть это была партия не вождистского типа. Я с ним абсолютно согласен и применил эту категорию коллективного лидера по отношению к левым эсерам, которыми много лет занимаюсь.

У левых эсеров ситуация была не лучше. Нет, конечно, определенная харизма у некоторых лидеров была, безусловно. Например, у Марии Спиридоновой, которую такой летописец революции, как Джон Рид, называл самой популярной женщиной в России. Да и у некоторых других подобный ореол был, но они все же не дотягивали ни до политического опыта, ни до уровня Ленина. Не было единой революционной воли, политической воли. Поэтому в 1917 г. и существовали среди эсеров течения, которые тянули партию в разные стороны. Можно было бы избежать раскола? В принципе, можно. Даже Спиридонова, попавшая после сибирской каторги на третий съезд партии эсеров в Москве в Народном университете Шанявского, где РГГУ сейчас расположен, призывала к единству партии при наличии разных фракций. Тогда еще левое крыло думало «изменить» ситуацию в свою пользу, в пользу революционного социализма на следующем съезде, который осенью должен был состояться. И когда начались переговоры в Викжеле, скажем, когда эсеры выиграли выборы в Учредительное собрание, безусловно, в теории, опять же при определенном раскладе каких-то фишек, какого-то пасьянса, мог бы быть осуществлен

договор между правыми большевиками в лице Рыкова, Ногина (председателя Моссовета) и др., меньшевиками во главе с Мартовым и разными течениями социалистов-революционеров, то эсеры могли бы теоретически сохранить единство. В таком случае, придя в виде самой крупной фракции в Учредительное собрание, став, по сути, правящей партией, эсеры сыграли бы ключевую роль в создании однородного социалистического правительства.

То есть шанс сохранить единство партии, безусловно, был. Но по многим причинам, о которых не сейчас и не здесь, к сожалению, реализовать его не удалось. Эсеров иногда, знаете, как-то принято (стереотипное такое восприятие) в лаптях изображать, в поддевках крестьянских.

Ну, вот смотрите. В своем послесловии ко второй книге я просто немного порасуждал... Заодно представлю вам ее. Она вышла в прошлом году в издательстве АСТ в редакции Елены Шубиной. Книга называется «Холодная весна. Годы изгнаний: 1907–1921». Это воспоминания приемной дочери Виктора Чернова Ольги Викторовны Андреевой-Черновой (она была замужем за сыном Леонида Андреевым). Я являлся научным редактором. В этом ярком мемуарном тексте представлена и история гонений на эсеров, как даже детей брали в заложники. Я процитирую несколько примеров, насколько мы недооцениваем потенциал эсеров, например, в плане последующей модернизации. Так, именно эсеры в этот момент были на самых высочайших позициях в мире в области химии. Академик Алексей Бах, имя которого до сих пор носит соответствующий институт РАН, он основоположник в России и СССР биохимии. Знаменитый самородок Иван Башилов. В 1917 году — он член Петросовета, активный, эсер, который, не имея высшего образования, не успев закончить университет, организовал работу экспериментального радиозавода, который затем и возглавил. В течение ряда лет руководил лабораторией редких элементов в Институте прикладной минералогии (будущего Всесоюзного НИИ минерального сырья), был научным руководителем Гиретмета — Государственного проектного института редкометаллической промышленности и, собственно говоря, ему была присуждена на основе его трудов, человека без высшего образования, степень доктора технических наук. Он разработал технологию щелочения радия, урана и ванадия, позднее — новые технологии аффинажа, высшую очистку платины, то есть внес неоценимый вклад в атомные проекты вообще в СССР. Потом, к сожалению, он оказался в заключении, поэтому его имя подзабыто, хотя он лично переписывался со Сталиным. В этом же ряду выдающийся почвовед-геолог, ученик Вернадского, Ростислав Ильин, который был одним из руководителей московских подпольных эсеров, возглавлял Московский комитет эсеров в начале 20-х годов в период Гражданской войны, был основателем томской нефти, гидрогеолог, геоморфолог, палеограф, внес заметный вклад в развитие почвоведения. Его называли рыцарем науки. Научное наследие Ильина включает почти 150 публикаций и рукописей, но главный труд его жизни — «Происхождение лессов», увидел свет лишь в 1978 г., спустя сорок лет после его расстрела в томской тюрьме.

То есть я советую просто задуматься и продолжить изучение персоналий. И тогда мы поймем гораздо больше о потенциале эсеровской народнической альтернативы. Кирилл Андреевич здесь высказался относительно литературных кружков — очень интересная тема. Но здесь можно вообще бесконечные лекции читать: эсеры и литература или те же журналы... И не только эсеры — народническое «Русское богатство»,

журнал «Заветы», альманах «Скифы» — знаменитый сборник с участием Есенина, Блока, Клюева, Андрея Белого, всеми звездами Серебряного века.

Ну и в заключение я хотел бы сказать, что можно взять у народников, какие их идеи могут быть актуальными в XXI веке. Прежде всего, конечно, некоторые методологические подходы. Уже говорилось об интегральной социологии Питерима Сорокина. Сорокинский проект никогда не закрывался. Все социологи, конечно, с высочайшим эпитетом относятся к Питериму Александровичу, вся мировая социология. Он вырос как раз из русской народнической школы. Из школы Лаврова, Михайловского, Ковалевского, мы все это прекрасно знаем. Его друг Николай Дмитриевич Кондратьев, с которым они вместе начинали, с которым вместе в Кинешемскую тюрьму попали, вместе эсеровский кружок создавали, потом вместе продолжали деятельность в партии, вместе секретарями Керенского были в 1917 г., создал теорию длинных экономических циклов.

В плане методологии нельзя пройти мимо народнического анализа русского капитализма, который тесно сращен с самодержавным государством и без него нежизнеспособен. «Самодержавие и капитализм, бюрократия и буржуазия — две головы хищного двуглавого орла» — слова Николая Константиновича Михайловского. Идея социалистических преобразований — дело не одного промышленного пролетариата, а равного союза разных трудовых групп. Всегда эсеры говорили об этой триаде: промышленный пролетариат, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция, составляющие эсеровский трудовой народ.

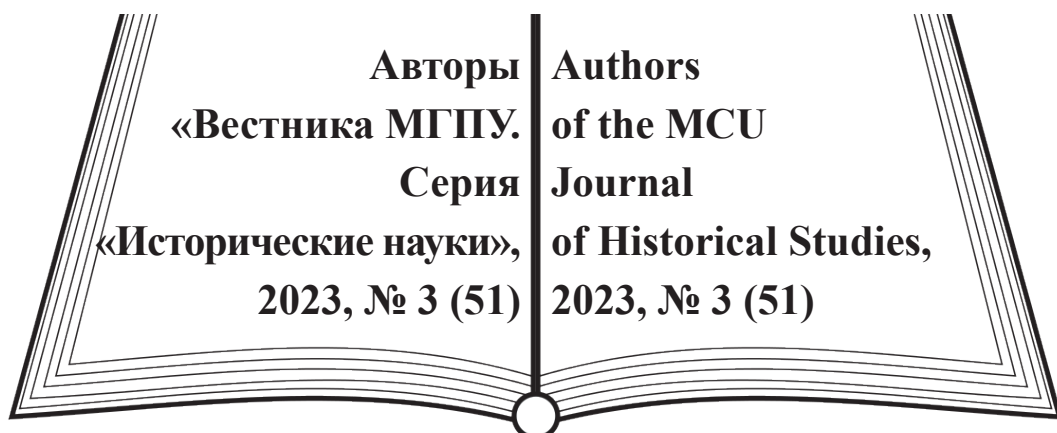
Сейчас крестьяне, понятно, микроскопическая величина, но зато появились и появляются новые трудовые группы — самозанятые. Очень интересная для сегодняшнего времени идея. В дальнейшем необходимо последовательно строить логическое изучение самозанятых и их дальнейшей интеграции. Трудовые мигранты, заменившие собой крестьян-отходников начала XX в., представлены везде и всюду. Это очень интересное явление, в каком-то смысле сохраняющее общину. Мы русские утратили понятие общинности, на которую эсеры тоже опирались. А у наших трудовых мигрантов из ближнего зарубежья оно не утрачено.

Представляет интерес критика Михайловским разделения труда, превращения человека в винтик машины, производящий прибыль, противопоставление Михайловским национального богатства и народного благосостояния, противопоставление им же борьбы за существование и борьбы за индивидуальность. Очень интересен у эсеров подход к решению национального вопроса — вопросы проблемы поиска идентичности. Согласно эсеровской концепции, личность сама вправе определять свою идентичность, независимо от национальности.

Последний тезис все-таки, на котором я не могу не остановиться, конечно, вопросы этики, которые, в отличие от марксистов, всегда доминировали у эсеров. Если вообще возникнет теория нового социализма, то социализм должен быть только этическим, никакими другим. Все другие социализмы уже были, мы их видели. И вот здесь работы и Лаврова «Социальная революция и этика», и Кропоткина, конечно, который вышел из этой же народнической среды, с его идеями взаимопомощи и солидарности... «Этика», над которой Петр Алексеевич работал в последние годы жизни, является кульминацией его творческого наследия. Этический социализм народников, полагаю, будет востребован.

Спасибо за внимание.

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Уважаемые коллеги, я хотела бы поблагодарить от имени всех присутствующих наших уважаемых докладчиков, людей, которые нашли возможность прийти на Гусевские чтения и поделиться мыслями, озвучить вопросы, которые действительно интересуют и волнуют, многие из них (как мы сегодня успели убедиться) ждут ответа и продолжения изучения.

Асанова Светлана Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в Ташкенте, Республика Узбекистан.

Asanova Svetlana A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, A sociate Professor of the Tashkent Branch of the Herzen State Pedagogical University, the Republic of Uzbekistan.

E-mail: asa_svetlana@mail.ru

Баринава Екатерина Петровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Barinova Ekaterina P. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies of the Samara Branch of the Moscow City University.

E-mail: barinovaep@mgnu.ru

Васильев Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Vasiliev Dmitry V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of the Moscow City University.

E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Гавроева Екатерина Сергеевна — ассистент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Gavroeva Ekaterina S. — Assistant of the Department of Russian History (XIX–XX centuries) of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: gavroevae@herzen.spb.ru

Кирьянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН.

Kiryarov Igor K. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department for the Study of Political Institutions and Processes of Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences.

E-mail: ikiryarov@yandex.ru

Мазаев Никита Андреевич — магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Mazaev Nikita A. — undergraduate student of the National Research University “Higher School of Economics”.

E-mail: Mazaev-nikita14@yandex.ru

Почекаев Роман Юлианович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Pochekaev Roman Yu. — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the National Research University “Higher School of Economics”.

E-mail: rpochekaev@hse.ru

Удербаета Сауле Карибаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Казахстана Казахского национального университета им. аль-Фараби, Республика Казахстан.

Uderbaeva Saule K. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History of Kazakhstan of Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan.

E-mail: saule-uderbaeva@mail.ru

Фаизова Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-методического сектора Музеев Московского Кремля.

Faizova Irina Viktorovna — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Scientific and Methodological Sector of the Moscow Kremlin Museums.

E-mail: faizovy@mail.ru

Чемакин Антон Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета.

Chemakin Anton A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of History for Teaching at the Natural and Humanitarian Faculties of Saint Petersburg State University.

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Пихоя Рудольф Германович — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук.

Pikhoya Rudolf G. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Studies of the Recent History of Russia and Political Science at the Institute of Russian.

E-mail: rudolfpikhoya@rambler.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». *MCU Journal of Historical Studies* принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль шрифта — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисовочные подписи выполняются кеглем шрифта 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль шрифта — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Исторические науки».

MCU Journal of Historical Studies

2023, № 3 (51)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ.

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 04.12.2023 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 12,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.